

Жизнь в римском мире Нерона и святого Павла

Т. Г. Такер

Life in the Roman World of Nero and St. Paul

T. G. Tucker

Электронная книга проекта Гутенберга о жизни в римском мире Нерона и святого Павла

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь в римском мире Нерона и святого Павла

Автор: Т. Г. Такер

Дата выхода: 10 июля 2004 г. [Электронная книга № 12875]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Тедом Гарвином, Китом М. Экричем и командой онлайн-корректоров Project Gutenberg

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ В РИМСКОМ МИРЕ НЕРОНА И СВЯТОГО ПАВЛА" ***

ЖИЗНЬ В РИМСКОМ МИРЕ НЕРОНА И СВЯТОГО ПАВЛА

Автор Т. Г. ТАКЕР

1924

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прием, оказанный моей *жизни в Древних Афинах*, побудил меня написать настоящую сопутствующую работу, ориентируясь на тот же класс читателей. В предисловии к предыдущему тому было сказано: "Я стремился произвести впечатление правдивое и обоснованное, насколько это возможно, а также яркое и отчетливое. Таким образом, принятый стиль был противоположен педантичному, использующему любую живость метода, которая согласуется с правдивостью фактов". Теми же принципами я руководствовался в настоящем, столь же простом трактате. Я полностью согласен с мистером Уордом Фаулером, когда он говорит: "Я твердо верю, что единственная великая надежда на классическое обучение заключается в интересе, который можно пробудить у необразованной публики к древней жизни и мысли".

Для широкого читателя, пожалуй, нет более интересного периода в истории древнего мира, чем выбранный здесь. Тем не менее, насколько я знаю, не существует достаточно популярной работы, посвященной только этому периоду и представляющей в умеренных объемах ясный общий взгляд на наиболее важные вопросы. Моя попытка состояла в том, чтобы как можно точнее представить Эпоху Нерона, и нигде в книге не подразумевается, что то, что верно для

этой эпохи, обязательно так же верно и для любой другой. Читатель, который не является специалистом по истории или древностям, возможно, так же часто бывает сбит с толку описаниями древней жизни, охватывающими слишком много поколений, как и теми, которые в остальном часто превосходны, но содержат слишком много деталей.

Я обязательно консультировался не только с латинскими и греческими авторами, которые проливают свет на то время, но и со всеми наиболее известными стандартными работами современности. Вряд ли нужно говорить, что в вопросах современного управления и общественной жизни моими гидами были в основном Моммзен, Арнольд и Гринидж; в вопросах общественной жизни - Марквардт, Фридлендер и Беккер-Гельл; в вопросах топографии и зданий - Джордан, Хюльсен, Ланчани и Миддлтон; и что Словари Смита, Даремберга и Саглио всегда были под рукой, так же как *Денкмалер* Баумейстера, а также *Жизнь Баумейстера и Конера. греки и римляне*. Конечно, восхитительные *Помпеи* Мау-Келси были незаменимы. Я также извлек пользу из трудов проф. Сэр У. М. Рамзи в связи со святым Павлом и из *Жизни и посланий* апостола Конибера и Хаусона. Полезные советы были найдены в книге м-ра Варда Фаулера "*Общественная жизнь Рима в эпоху Цицерона*", а также в книге проф. Римское общество Дилла от Нерона до Марка Аврелия. Личное изучение древних мест, памятников и предметов старины в Риме, Помпеях и других местах, естественно, имело первостепенную ценность. Те, кто близко знаком с огромным объемом доступного материала, лучше всего поймут, насколько трудно было решить, сколько сказать, а сколько "оставить в чернильнице".

За рисунки, отличные от тех, из которых указан другой источник, я должен поблагодарить мисс М. О'Ши, на которую иногда ложилась трудная задача придать зрительную форму мысленным представлениям того, кто, к сожалению, не рисовальщик. В остальном я выражаю признательность тем книгам, иллюстрации к которым были взяты непосредственно для моих собственных целей, без ссылок на более оригинальные источники.

Я особенно благодарен за разрешение использовать столь значительное количество иллюстраций из "*Помпеи*" Мау-Келси, из "*Геркуланума*" профессора Вальдштейна и из "*Новых рассказов о Старом Риме*".

Т.Г.Т.

Октябрь 1909 года.

Содержание

Введение

ГЛАВЫ

I МАСШТАБЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ИМПЕРИИ

II ПУТЕШЕСТВИЕ По ИМПЕРИИ

III КРАТКИЙ ОБЗОР ПРОВИНЦИЙ

IV ИМПЕРСКАЯ СИСТЕМА: ИМПЕРАТОР, СЕНАТ, РЫЦАРИ И НАРОД

V ИМПЕРАТОР НЕРОН

VI УПРАВЛЕНИЕ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ

VII РИМ: ИМПЕРСКИЙ ГОРОД

VIII УЛИЦЫ, ВОДОСНАБЖЕНИЕ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

IX РИМСКИЙ ГОРОДСКОЙ ДОМ

X ЗАГОРОДНАЯ УСАДЬБА И ЗАГОРОДНОЕ КРЕСЛО

XI РИМСКАЯ МЕБЕЛЬ

XII СВЕТСКИЙ ДЕНЬ РИМСКОГО АРИСТОКРАТА —УТРО

XIII СВЕТСКИЙ ДЕНЬ РИМСКОГО АРИСТОКРАТА (*продолжение*) —ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ И УЖИН

XIVЖИЗНЬ СРЕДНЕГО И НИЗШЕГО КЛАССОВ

XVПРАЗДНИКИ И УВЕСЕЛЕНИЯ: ТЕАТР, ЦИРК, АМФИТЕАТР

XVI ЖЕНЩИНЫ: БРАК, РИМСКАЯ МАТРОНА И ЕЕ ПЛАТЬЕ

XVII ДЕТИ И ОБРАЗОВАНИЕ

XVIII АРМИЯ: ВОЕННАЯ СЛУЖБА: ОБЩЕСТВЕННАЯ КАРЬЕРА

XIX РИМСКАЯ РЕЛИГИЯ—ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ

XX УЧЕБА И НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ У РИМЛЯН

ФИЛОСОФИЯ XXI ВЕКА —СТОИКИ И ЭПИКУРЕЙЦЫ

XXII РИМСКОЕ ИЗОБИЛИЕ ИСКУССТВА

XXIII ПОСЛЕДНЯЯ СЦЕНА ВСЕГО —ПОГРЕБЕНИЕ И ГРОБНИЦЫ

Указатель

ИЛЛЮСТРАЦИИ

РИС.

Фронтиспис

Вид на Римский форум из храма Весты, 64 год н.э.
(Частичная реставрация после Ауэра, Хюльсена, Тогнетти и др.).

1. Пон-дю-Гар (Акведук и мост).
2. Аппиева дорога у так называемой гробницы Сенеки (Ланеяни, *Новые рассказы о Старом Риме*).
3. План гостиницы в Помпеях. (По Мау).
4. Корабль у причала в Остии. (Хилл, *Иллюстрации к школьной классике*, рис. 498).
6. Афинский Акрополь. (Из Д'Уге).
7. План Антиохии.
8. Герб Антиохии. (*Географический словарь*. i. 116).
9. Герб Александрии. (Мау, *Помпеи*, рис. 187).
10. Герб Рима. (С колонны Антонина в Риме).
11. Август как император.
12. Монета Нерона. (В Британском музее).
13. Бюст Сенеки. (*Archäologische Zeitung*).
14. Агриппина, мать Нерона. (Фото, Mansell & Co.).
15. Бюст Нерона.
16. Некоторые остатки акведука Клавдия.
17. Ростра: вид сзади. (Изменено Хюльсеном).
18. Руины Форума. (Офис звукозаписи на фоне современного здания вверху.) (Фото, Андерсон).
19. Н.э. Форума, 64 год н.э. (Дополнение к фронтиспису).
20. Храм Фортуны Августы в Помпеях. (Мау, рис. 58).
21. Так называемый Храм Сивиллы в Тиволи.
22. Девственная весталка. (Холм, рис. 340).
23. Храм Марса-Мстителя на Форуме Августа. (После Рипостелли).
24. Внешний вид театра Марцелла. (Современное состояние).
25. Внешний вид Театра Марцелла. (Отреставрирован).
26. Греческая Экседра. (Baumeister).
27. Большой цирк (восстановлен). (Доработано Гулем и Конером).
28. Строительные материалы. (Из Миддлтона).
29. Типичная схема римского дома.

30. Вход в Дом Пансы.
31. Интерьер Римского дома. (Отреставрирован).
32. Дом Корнелиуса Руфа. (Мау, рис. 121).
33. Перистиль с садом и обеденным столом на свежем воздухе. (После Гюля и Конера).
34. Перистиль в Доме Веттиев. (Современное состояние) (Мау, рис. 162).
35. Кухонный очаг в доме веттов. (Мау, рис. 125).
36. Очаги для приготовления пищи. (*Dict. Ant.* i. 672).
37. Усыпальница в Доме Трагического поэта. (Мау, рис. 153).
38. Домашняя святыня. (Холм, рис. 345).
- 38А. Свинцовые трубы в доме Ливии. (С фотографии).
39. Переносные жаровни. (Даремберг и Саглио).
40. Способ покрытия крыши черепицей.
41. Дом Пансы в Помпеях. (По имени Мау).
42. Дом веттиев в Помпеях. (По имени Мау).
43. Образец Расписной комнаты.
44. Образец настенной живописи. (Мау, рис. 264).
45. План усадьбы в Боскореале. (По Мау).
46. Римский складной стул. (Schreiber).
47. Бронзовое сиденье. (Overbeck).
48. Каркас римского дивана. (Мау, рис. 188).
49. План обеденного стола с тремя диванами.
50. Сигма.
51. Треножник из Геркуланума. (Из Вальдштейна, *Геркуланум*, Фото 41).
52. Сундук (сейф). (Мау, рис. 120).
53. Зеркала. (Мау, рис. 213).
54. Лампы. (Мау, рис. 196).

55. Держатель для лампы в виде дерева. (Мау, рис. 202).
56. Кубок из Геркуланума. (Waldstein, Plate 45).
57. Кухонная утварь. (Мау, рис. 204).
58. Ведро из Геркуланума. (Waldstein, Plate 42).
59. Обувь патриция. (*Dict. Ant.* i. 335).
60. Римлянин в тоге. (Waldstein, Plate 18).
61. Раб в оковах.
62. Мусор. (*Dict. Ant.* ii. 15).
63. Чтение воззвания. (Мау, рис. 17).
64. Запечатанная квитанция Jueundus. (Мау, рис. 275).
65. Метатель диска. (Фото, Андерсон).
66. Стабийские бани. (Мау, фото 5).
67. Принадлежности для купания. (Мау, рис. 209).
68. Акробаты. (Baumeister, i. 585).
69. Хирургические инструменты. (Гюль и Конер).
70. Хлебопекарные фабрики. (Мау, рис. 218).
71. Купидоны как ювелиры. (Настенная живопись.)(Мау, рис. 167).
72. Изготовители гирлянд. (*Abhandlungen, historische-philologische Classe Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*).
73. Бюст Цецилия Юндуса. (Мау, рис. 256).
74. Плуги. (Холм, рис. 383; *Dict. Ant.* i. 160).
75. Инструменты на могиле. (*Dict. Ant.* ii. 243).
76. Помпейская кухня. (Мау, рис. 131).
77. В винной лавке. (Мау, рис. 234).
78. Боксерские перчатки. (*Dict. Ant.* i. 329).
79. Театр в Оранже. (Отреставрирован.) (Baumeister, iii. 1742).
80. Театр в Аспендусе. (Гюль и Конер).
81. Трагический актер. (Хилл, рис. 421).
82. Комические маски. (*Андрия*).

83. Сцена из комедии. (Хилл, рис. 422).
84. План цирка.
85. Поворот в цирке.
86. Гонки на колесницах. (*Dict. Ant.* i. 434).
87. Амфитеатр в Помпеях. (Мау, фото 6).
88. Казармы гладиаторов. (Мау, Фото 4).
89. Колодки для гладиаторов. (Остатки из Помпей.) (Мау, рис. 74).
90. Бой гладиаторов. (Гул и Конер).
91. Сцена в туалете. (Роспись стен.) (Waldstein, Plate 32).
92. Женщина в парадном платье. (Waldstein, Plate 7).
93. Шпильки для волос. (Мау, рис. 211).
94. Письменные принадлежности.
95. Катает Мальчика на лошади. (After Sächs.) (Baumeister, iii. FIG. 1653).
96. Папирусы и таблицы. (Из книги Дайера "Помпеи").
97. Римские штандарты. (Гуль и Конер).
98. Вооруженный солдат.
99. Римский полководец. (Холм, рис. 465).
100. Центурион. (Холм, рис. 466).
101. Знаменосец. (Холм, рис. 470).
102. Обоз с багажом. (Даремберг и Саглио, рис. 1196).
103. Солдаты с рюкзаками. (Сейфферт, *Диктант. Класс. Ant.* стр. 348).
104. Марширующие римские солдаты. (Schreiber).
105. Императорская гвардия. (Гул и Конер).
106. Осаждающие с "Черепашей". (Холм, рис. 481).
107. Римская артиллерия. (*Dict. Ant.* ii. 855).
108. Вспомогательный кавалерист. (*Dict. Ant.* i. 790).
109. Юпитер. (Музей Ватикана).
110. Жертвоприношение. (Мау, рис. 44).
111. Поклонение Исида. (Настенная живопись.) (Мау, рис. 81).

112. Домашняя святыня. (Мау, рис. 127).
113. Мир (приблизительно) таким, каким его представляли примерно в 100 году нашей эры.
114. Умиравший Галл.
115. "Канделира" или Мраморная пилястра базилики Эмилия (Ланчани, *Новые сказки и др.*, стр. 147).
116. Фрагменты архитектуры Региона. (Ланчани, стр. 70).
117. Настенная живопись. (Женщина с табличками.) (Waldstein, *Herculaneum*, Фото 35).
118. Настенная роспись из Геркуланума. (Женщины играют с Костяшками пальцев.) (Waldstein, Plate 4).
119. Лира и арфа.
120. "Conclamatio" мертвых. (Гул и Конер).
121. Гробница Цецилии Метеллы.
122. Улица гробниц. (Мау, фото 10).
123. Колумбарий. (Гюль и Конер).
124. Храм Юпитера на Капитолии.

КАРТЫ И ПЛАНЫ:

Карта Римской империи, 64 год н. э.

План Рима с основными топографическими особенностями.

План форума, 64 год н.э.

Введение

Тема этой книги - "Жизнь в римском мире Нерона и святого Павла". Это не совсем то же самое, что "Жизнь в Древнем Риме" того же периода. Наш обзор должен быть несколько шире, чем обзор самого имперского города, с его общественными и частными структурами, его общественной и частной жизнью. Столица и связанные с ней темы, естественно, будут занимать большую часть нашего времени и представлять интерес. Но совершенно невозможно понять Рим, его цивилизацию и значение его памятников, если мы сначала не получим некоторого общего представления об империи — римском мире — с его составными частями, его организацией и управлением. Дата приблизительно равна 64 году до н.э., хотя нежелательно, даже если бы это было возможно, придерживаться во всех деталях фактов того конкретного года. В 64 году нашей эры император Нерон был на пике своего безумия и тирании,

и, насколько нам известно, апостол Павел путешествовал по римскому миру в промежутке между своим первым и вторым заключением в столице.

Возможно, невозможно получить полностью удовлетворяющую картину в трактате нынешних масштабов. Потребовался бы очень объемный том, чтобы с какой-либо адекватностью реализовать идеальную цель. Было бы хорошо, если бы в первом случае мы могли представить себя стоящими где-нибудь высоко в небе над центром империи и обладающими таким же широким видением, как у гомеровских богов. С этой возвышенной точки зрения мы могли бы смотреть на активную жизнь городов, на рабочих, обрабатывающих свои земли от Атлантики до Евфрата, и на людей, которые спускаются к морю на кораблях и делают свое дело в больших водах. Мы должны воспринимать их занятия и развлечения, их материальное окружение, различную одежду и манеры, способы передвижения, степень их личной безопасности и свободы. Затем мы должны спуститься на землю в центре самого Рима и стать на время жителями этого города, удостоенными чести принимать участие в его общественных делах и развлечениях, входить в дома тех, кого можно назвать его представительными гражданами, участвовать в различных элементах его общественной жизни и оценить моральное, интеллектуальное и художественное развитие римского общества.

Это было бы идеально. Здесь должно быть достаточно отобрать наиболее существенные или интересные вопросы и изложить их с такой живостью, насколько позволит необходимая краткость. Очень небольшие предварительные знания будут приниматься как должное; использование латыни или технических терминов будет исключаться, и каждая тема будет рассматриваться, насколько это возможно, на самом простом английском языке.

Тем не менее, стремясь к полной ясности, следующие главы будут еще более тщательно стремиться говорить правду. Несомненно, существует ряд вопросов — хотя, как правило, они имеют относительно небольшое значение, — в отношении которых мы не уверены и, вероятно, всегда будем сомневаться. Лучший способ разобраться с ними в работе, которая носит скорее описательный, чем аргументативный характер, — это опустить их. В остальном от любого, чьей профессиональной заботой было на долгие годы погрузиться в литературу того времени и тщательно изучить ее монументальные остатки, следует ожидать, что он время от времени сделает какое-нибудь заявление, обронит какое-нибудь мимолетное замечание или суждение, которое может показаться противоречащим утверждениям, сделанным в других кругах. Если в настоящей книге встречается несколько примеров, их можно считать сделанными со всем уважением, но обдуманно.

Возможно, стоит сказать это с некоторым акцентом, принимая во внимание ошибки, часто невинно совершенные теми, кому посчастливилось говорить об этом периоде. Есть те, кто знает об этом почти только из *Деяний Апостолов* и кто придерживается самых ошибочных представлений о Галлионе или Фесте, о римском правосудии, римском налогообложении или римских моральных и религиозных установках. Опять же, есть те, кто знает об этом почти только из учебников истории; то есть они знают даты и факты правления императоров, но никогда не осознавали, не говоря уже о том, чтобы визуализировать современного римлянина как человеческое существо. Существуют обвинения в адрес морали римского мира того времени, которые заставили бы поверить, что каждый мужчина был Нероном, а каждая женщина — Мессалиной: обвинения настолько зловещие, что, будь они хоть на треть правдивы, существование Римской империи или даже римской расы в течение одного столетия было бы

просто непостижимым. С другой стороны, были рассказы о материальной славе Рима, которые вызвали в воображении видения великолепия, достойного только *"Тысячи и одной ночи"*; и иногда добавляется комментарий, что все это было завоевано кровью и потом, бессердечно выжатым из мира жалких рабов. Не будет преувеличением сказать, что ни одно из этих описаний не могло исходить от писателя или оратора, знавшего этот период из первых рук.

Самая опасная форма лжи - это та, которая содержит некоторую долю правды. Жизнь многих римлян была прискорбно распутной; великолепие Рима, несомненно, поражало воображение; слишком много разрозненных примеров угнетения; но мы не судим о цивилизации Британской империи по отборным скандалам Лондона, а о здравом смысле Соединенных Штатов - по причудливым безрассудствам Нью-Йорка. Мы не считаем, что современный сатирик, вымещающий свою злобу на человеке или классе, описывает каждого из своих современников или даже то, что то, что он говорит, обязательно верно в отношении такого человека или класса. Да и сам профессиональный моралист не застрахован от желтухи или болезни преувеличений.

Здесь мы попытаемся более правдиво представить, на что была похожа жизнь в римском мире. Для тех, кто знаком с политической историей и авантюрами Нерона, здесь может быть некоторое заполнение пробелов и корректировка точки зрения. Для тех, кто знаком с путешествиями и опытом святого Павла, возможно, будет проведено некоторое исправление ошибок и неправильных представлений. Для тех, кто задумывается о посещении руин Рима и Помпей, может оказаться полезным получить некоторое представление об этом периоде. Помпеи были разрушены всего через пятнадцать лет после нашей даты, и все эти дома, большие и маленькие, были заселены в 64 году их ничего не подозревающими обитателями. Между тем особняки, храмы и залы возвышались в великолепии над теми платформами и фундаментами, по которым мы ступаем среди сломанных колонн на Римском форуме или на Палатинском холме.

ГЛАВА I

МАСШТАБЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ИМПЕРИИ

Лучший способ оценить масштабы Римской империи примерно в 64 году - это взглянуть на карту. Окажется, что она простирается от Атлантического океана до Евфрата, от середины Англии — примерно до реки Трент - до юга Египта, от Рейна и Дуная до пустыни Сахара. Средиземное море - римское озеро, и на его берегах нет ни одного места, которое не находилось бы под властью Рима. В круглых цифрах империя имеет три тысячи миль в длину и две тысячи в ширину. Его население, которое, по крайней мере в западных районах, было тогда намного меньше, чем на той же территории в настоящее время, не может быть подсчитано с какой-либо точностью, но оценка в сто миллионов, возможно, была бы не очень далека от истины.

За его границами — иногда в опасной близости от них и с возможностью переступить их — жили различные народы, о которых римские знания были по большей части неполными и неопределенными. В пределах своих собственных границ римское правительство тщательно собирало всевозможную информацию. Такая точность была необходима для осуществления тех римских принципов управления, которые будут описаны позже. Но о народах или племенах за границами было известно лишь то немногое, что было собрано из ряда более или менее бесполезных кампаний, из случайных посольств, отправляемых этими народами в Рим, из

сочинений нескольких отважных путешественников, стремившихся к исследованиям, от рабов, приобретенных войной или путем покупок, или от торговцев, таких как те, кто отправлялся на Балтику в поисках янтаря, или в Аравию, Эфиопию и Индию в поисках драгоценных металлов, драгоценных камней, слоновой кости, парфюмерии и тканей.

Действительно, предпринимались различные попытки аннексировать еще большую часть мира. Римские армии форсировали Рейн и дважды пробивались с боями к Эльбе; но проницательным Августу и Тиберию стало очевидно, что страну удержать невозможно, и Рейн в настоящее время считался наиболее естественной и практичной границей. На Востоке попытки навсегда аннексировать Армению или часть Парфии до сих пор оказывались лишь номинальными или почти полностью тщетными.

В то время в верховьях Евфрата существовало своего рода признание смутной зависимости от Рима, но империя не приобрела ничего более прочного. За сорок лет до нашей даты римская экспедиция проникла в Юго-западную Аравию, богатства которой были чрезмерно переоценены, но она потерпела полный провал. В Эфиопию была предпринята карательная кампания против королевы Кандакии, и над ее королевством был объявлен свободный сюзеренитет, но римская граница по-прежнему не доходила до Элефантины. Над территориями полугреческих-скифских поселений к северу от Черного моря Рим осуществлял протекторат, который по очевидным причинам не был нежелательным для заинтересованных сторон. Вдоль восточной границы или вблизи нее она хорошо понимала политику "буферного государства" и в пределах своих собственных границ в этих частях была готова использовать мелких королей, чьи собственные амбиции помогли бы ей в борьбе с внешними врагами и избавили бы ее от административных проблем.

Никогда Римская империя не обладала такой естественной или научной границей, как сейчас, когда она была ограничена Рейном, Дунаем, Черным морем, Евфратом, Пустыней и Атлантикой. Единственным исключением, как мы увидим, была Британия, но римская идея и там состояла в том, чтобы аннексировать весь остров, подвиг, который так и не был осуществлен. Через два поколения после выбранной нами даты Рим завоевал земли до залива Фертс-оф-Клайд и Далее; он пересек Южный Рейн и аннексировал юго-западную часть Германии, примерно от Кельна до Ратисбона; он перешел Дунай, захватил и заселил Дакию, которая примерно соответствует современной Румынии; и он продвинул свою власть несколько дальше на Восток. Но это не увеличило ни его прочности, ни стабильности.

В тот период, с которым нам предстоит иметь дело, Римская империя включала страны, известные сейчас как Голландия, Бельгия, Франция, Испания и Португалия, Швейцария, Италия, южная половина Австрийской империи, Греция, Турция, Малая Азия, Сирия и Палестина, Египет, Триполи и Тунис, Алжир, Марокко, а также две трети юга Англии. В пределах этих границ царил величайшее благословение римского правления, *pax Romana*, или "римский мир". Какие бы недостатки ни были обнаружены в римской администрации, на каких бы абстрактных основаниях ни ставилось под сомнение существование такой империи, не подлежит сомнению, что по крайней мере в течение двух столетий во всем этом обширном регионе царили мир и безопасность, каких он никогда не знал раньше и не знал с тех пор. Этот мир означал также социальное и промышленное процветание и развитие. Это означало огромный рост оседлого населения и мануфактур, а также огромный прогресс — особенно на Западе — в цивилизованных манерах и интеллектуальных интересах.

Народы и племена, которые находились в состоянии постоянной войны между собой или с каким-либо соседом, были приведены к спокойствию. Общины, которые были подвержены внезапному вторжению и всевозможным произвольным изменениям условий своей жизни, бремени налогов, и даже своей личной свободы, теперь точно знали, где они находятся, и, по большей части, понимали, что они находятся в гораздо более терпимом и определенно более надежном положении, чем раньше. Если такое и должно было иногда случаться, то только при римском тиране, а он, как мы увидим, мало влиял на них. Все безответственные местные тираннии, будь то короли или партии, были отменены.

В открытом море на территории империи вы могли путешествовать, совершенно не опасаясь пиратов. Если вы ищете пиратов, вам следует искать их за пределами римской империи, в Индийском океане. Возможно, их также можно найти в Черном море. По большой дороге вы могли бы проехать из Иерусалима в Рим, а из Рима в Кельн или Кадис, не опасаясь никакого врага, за исключением таких бандитов и налетчиков, с которыми центральному или местному правительству не всегда удавалось справиться. В целом почти повсеместно существовало четкое признание преимуществ, даруемых империей.

Совершенно верно, что в течение этих двух столетий мы часто сталкиваемся с беспорядками на границах и с одним или двумя местными восстаниями большей или меньшей силы. В выбранную нами дату евреи были подстрекаемы своей фанатичной или "зелотской" партией к почти безнадежному восстанию; в течение двух лет восстание вспыхнуло. Еще три года спустя некоторые амбициозные полуримляне воспользовались смутным временем, чтобы предпринять решительные, но тщетные попытки создать собственную галльскую или германо-галльско-галльскую империю. Полвека спустя после Нерона евреи вновь восстали, но были быстро подавлены. Но помимо этих безуспешных попыток, предпринятых то уникальной формой религиозного рвения, то авантюрным честолюбием на противоположных концах римского мира, установилось общее и в большинстве случаев добровольное принятие ситуации и должное признание ее преимуществ.

Единственной серьезной войной, которой следовало опасаться внутри самой империи, была гражданская война, начатая каким-нибудь честолюбивым лидером, когда казалось, что у него есть все шансы свергнуть существующего императора или унаследовать его трон. Через четыре года с той даты, на которую мы себя определили, такая война действительно разразилась. Нерон был свергнут с трона в пользу Гальбы, и история следующего года - это история того, как Отон убил Гальбу, Вителлий сверг Отона, а Веспасиан, в свою очередь, сверг Вителлия. Однако все это - всего лишь история одного совершенно исключительного года, знаменитого "года четырех императоров". Вычеркните этот год из истории империи; сосчитайте сто лет до этого и более ста лет после, и окажется невозможным найти в мировой истории какой-либо период, в который мир и, вероятно, довольство распространялись бы так широко и непрерывно. Подумайте обо всех странах, которые только что были перечислены как находящиеся в пределах римской границы; затем представьте, что, за исключением одного года всеобщего волнения, двух или трех провинциальных и местных восстаний и случайных вторжений и ответных действий на границе, все они были свободны от войны и ее опустошения с 1700 года. В наш 64-й благодатный год, хотя трон занимает порочный император, страдающий манией величия и огромным самомнением, империя в полной мере наслаждается своим *римским миром*.

Еще один взгляд на карту покажет, насколько надежным считался этот внутренний мир. Римские армии почти полностью находятся на границах. Конечно, было необходимо, чтобы на таких позициях находились сильные силы — в Британии, осуществляющей аннексию; на Рейне и Дунае, защищающейся от массивных, беспокойных немцев и их сородичей; на Евфрате, чтобы сдерживать проворную и лихую парфянскую конницу и пехоту; в Верхнем Египте, чтобы охранять от набегов "пушистиков"; во внутренних районах Туниса или Алжира, чтобы держать в узде кочевые берберские племена. В таких местах римские легионы и их вспомогательные войска регулярно содержались под орлами, ибо там лежала их естественная работа, и там мы находим их расквартированными поколение за поколением.

Конечно, верно, что их можно было использовать как внутри страны, так и за ее пределами; но должно быть очевидно, что, если бы существовало какое-либо широко распространенное недовольство, какие-либо обоснованные подозрения в том, что могут произойти серьезные восстания, по всей длине и ширине провинций было бы размещено множество других крупных подразделений войск. Фактически вся римская военная сила едва ли могла превышать 320 000 человек, в то время как военно-морской флот состоял из двух небольших флотилий галер, одна из которых регулярно размещалась в Мизене у входа в Неаполитанский залив, а другая - в Равенне на Адриатике. К ним мы можем добавить флотилию судов, действующих на Нижнем Рейне и соседних побережьях. За исключением года гражданской войны, у двух флотов практически нет истории. Они пользовались тем преимуществом, что им почти не с чем было бороться. Если бы пираты стали опасными — как на короткое время они угрожали сделать во время еврейского восстания — имперские корабли были бы готовы подавить их. Их можно было бы использовать для перевозки депеш и императорских особ или войск, или же при необходимости их можно было бы использовать против приморского города. Помимо этого, они вряд ли соответствуют нашим современным военно-морским силам. Не было никакой иностранной конкуренции, с которой можно было бы бороться, и никакого "стандарта двух держав", который нужно было поддерживать.

Как уже говорилось, римские войска были почти полностью сосредоточены на границе. Что касается исключений, то они объясняются сами собой. Было признано необходимым постоянно держать по крайней мере один легион на постоянной основе в Северной Испании, где горцы были склонны к хищничеству и где они были искусны, как и всегда, в ведении партизанской войны. Мы можем, если захотим, рассматривать эту сравнительно небольшую армию как охрану правопорядка в районе, где царит беззаконие. Лишь в немногих других местах мы находим регулярные вооруженные силы. В самом Риме был как гарнизон, так и большой отряд императорской гвардии. Гарнизон, состоявший примерно из 6000 человек, находился в казармах внутри города, и его целью было защитить богатства метрополии и резиденцию правительства от любого внезапного бунта или межконфессиональных беспорядков. Следует помнить, что у римлян именно солдаты служили полицией, будь то в Риме или в провинциях. Императорская гвардия, состоящая из 12 000 солдат, была размещена сразу за воротами, чтобы обеспечить безопасность и положение самого императора, если будет предпринято какое-либо покушение на его личность или власть. Богатый и важный город Лугдунум (или Лион) имел небольшой гарнизон в 1200 человек, и определенное количество войск всегда можно было найти в гарнизонах тех крупных городов, где были вероятны мятежи. Таким образом, в Александрии, где евреи были фанатичны и враждовали с греками, и где коренные египтяне были не менее фанатичны и могли враждовать и с теми, и с другими, необходимо было держать наготове дисциплинарные силы. В чем-то похожим был случай в Антиохии, где раздоры между

греками, сирийцами и евреями нуждались в твердой руке Рима. Такой же полк нельзя было выделить и из Иерусалима. Западные города, как правило, были меньше по размеру, более однородными и более спокойными. Именно в Леванте больше всего следовало опасаться популярного *эмигранта*. Несомненно, можно встретить, будь то в Новом Завете или у римских и греческих авторов, частые упоминания о солдатах, и мы время от времени знакомимся с центурионом — кем-то социально выше сержанта и ниже капитана - или другим офицером в различных частях империи. Но следует понимать, что, за исключением таких мест, как названные, солдаты распределялись небольшими группами, чтобы выполнять функции *жандармерии*, бороться с разбойниками, служить телохранителями и ординарцами губернатора, разносить депеши, быть надзирателями за государственными заключенными. К этим классам принадлежат центурионы из *Деяний Апостолов*, в то время как Лисий был полковником полка, следившего за порядком в Иерусалиме.

Что представляла собой римская армия, откуда ее набирали, как она была вооружена и каковы были ее операции, будет показано в следующей главе. Рассматриваемая тогда как контролирующий агент, поддерживающий всеобщий мир, Римская империя тесно связана с британским *владычеством* в Индии. Аналогию действительно можно было бы провести гораздо дальше и с большей детализацией, но вряд ли здесь место для такого обсуждения.

ГЛАВА II

ПУТЕШЕСТВУЙТЕ ПО ИМПЕРИИ

Об администрации в Риме и во всех провинциях будет сказано достаточно в соответствующем месте. Пока же мы можем кратко остановиться на одном или двух представляющих интерес вопросах, которые, предположительно, возникнут сами собой на данном этапе. Поскольку весь этот обширный регион теперь образовывал единую империю, поскольку римские магистраты и чиновники были направлены во все его части, поскольку торговля и сношения были активны между всеми его провинциями, естественно будет спросить, например, какими средствами путешественник добирался с места на место, с какой скоростью продвигался и с какой степенью безопасности и комфорта.

Отправляясь в путь по суше, вы предпочли бы, если возможно, следовать по одной из великих военных дорог, которыми так заслуженно славился римский мир. Они были не только самыми ухоженными и безопасными, но и, как правило, самыми короткими. Насколько это было возможно, римская дорога шла прямо от пункта к пункту. Он не огибал практически ни одного холма и, при необходимости, не уклонялся от того, чтобы прорубиться в скале, скажем, на глубину шестидесяти футов или около того. Он не обходил реку стороной, а перекрывал ее прочной конструкцией, которая часто используется и по сей день. Если он встречался с болотом, вбивали деревянные сваи и укладывали на них дорожное полотно. Когда дело дошло до глубокой узкой долины, он построил виадук на арках.

[Иллюстрация: РИС. 1. — ПОН-ДЮ-ГАР (АКВЕДУК И МОСТ).]

Проложенный таким образом путь был предназначен для постоянного. Была тщательно подготовлена ширина грунта, по бокам были вырыты траншеи, уложены три разных слоя дорожного материала с достаточным изгибом вверх, чтобы сбросить воду, а затем все было вымощено плотно пригнанными многоугольными каменными блоками. В большинстве случаев тротуары были покрыты чем-то вроде гравия. Ширина была небольшой, но могла составлять от

десяти до пятнадцати футов. По таким дорогам римские армии маршировали в свои лагеря, по ним императорская почта доставляла правительственные депеши, и вдоль них располагались наиболее удобно расположенные и просторные жилые дома. На их строительство римская казна могла выделить специальную субсидию — стоимость была сравнительно небольшой, поскольку работу, когда ее выполняли не солдаты, выполняли каторжники и общественные рабы, — а за их содержание местные корпорации, по-видимому, взимали определенную плату. Помимо мощеных дорог, нет нужды говорить, что всегда существовало множество дорог поменьше, многие из которых были просто полосами шириной около четырех футов; были также короткие пути, обходные тропинки и неухоженные колеи местного и более или менее случайного происхождения.

[Иллюстрация: РИС. 2. АППИЕВА ДОРОГА У ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ГРОБНИЦЫ СЕНЕКИ.]

Рядом с большими дорогами стояли вехи в форме коротких столбов, и обычно существовали карты или маршруты, иногда изображенные, дающие все необходимые указания относительно поворотов, расстояний, мест остановок и постоянных дворов, и даже относительно достопримечательностей, которые стоит увидеть по пути. Где бы ни находились подобные объекты, представляющие интерес — в Египте, Сирии, Греции или любом другом регионе искусства, истории и легенд, — путешественник всегда мог найти профессионального гида, информация которого, вероятно, была примерно такой же надежной, как у современного *гид-чичероне*. В самом Риме в одной из общественных галерей был выставлен план империи с примечаниями, объясняющими размеры и расстояния.

Транспортное средство, используемое путешественником, будет зависеть от обстоятельств. Вы могли бы встретить бедняка верхом на осле или бредущего пешком в хорошо подпоясанной одежде; более обеспеченного — на муле; более изысканного человека или чиновника — на лошади; более роскошного или непринужденного либо в какой-либо повозке, либо в носилках, очень похожих на восточный паланкин. К экипажам, которые были нескольких видов — двухколесным, четырехколесным, тяжелым и легким, — возможно, необходимо сделать дополнительную ссылку; здесь достаточно заметить, что для ускорения путешествия существовали отдельные лица или компании, выпускавшие легкую двуколку, в которой путешественник ехал за парой мулов или резвых галльских пони до следующего важного места остановки, где он мог найти другого мастера по найму или содержателя ливрейных конюшен, чтобы отправить его дальше. Богатый человек, путешествующий, как он и должен был путешествовать, со свитой слуг и со всеми удобствами для своего комфорта, путешествовал в карете, раскрашенной и позолоченной, с подушками и занавесями, запряженной упряжкой, украшенной богатой сбруей и цветными попонами. Должно быть, внешне он был чем-то похож на экстравагантно украшенную дорожную карету четырнадцатого века. Обычный человек со скромными средствами удовлетворился бы своим мулом или лошастью и одним или двумя рабами, которые прислуживали бы ему. На менее оживленных участках дороги, где не было подходящего жилья для ночлега, его рабы распаковывали багаж и приносили простую еду, состоявшую из вина, хлеба, сыра и фруктов. Затем они расстилали на земле что-то вроде подстилки и накрывали ее ковром или одеялом. Богатые люди могли привезти с собой палатки или устроить койку в своих каретах.

Там, где было какое-нибудь пристанище для человека и лошади, обычный путник воспользовался бы им наилучшим образом. В лучших частях империи и в более крупных курортных местах стояли дома, в какой-то мере напоминающие старые постоялые дворы восемнадцатого века; на Востоке были хорошо известные караван-сарай; но по большей части древние гостиницы, должно быть, предоставляли лишь нежелательные помещения. Они не были ни отборными, ни чистыми. Вы шли, пока не подошли к зданию, наполовину винному магазину, наполовину жилому дому. Снаружи надпись и вывеска могли подсказать вам, что это гостиница "Петух", или "Орел", или "Слон", и что там "хорошее жилье". Его хранителем мог быть либо его собственник, либо просто раб или другой арендатор, помещенный в него владельцем соседнего поместья или загородной резиденции. Ваших лошадей или мулов разместят — с обоснованным подозрением с вашей стороны, что бедных животных обманут в вопросе корма для них, — и вас проводят в комнату, которую вам, возможно, придется делить, а возможно, и нет, с кем-то еще. В любом случае вам пришлось бы поделиться им с блохами, если не с кем похуже.

Возможно, вы принесли еду с собой, возможно, вы послали раба купить ее, возможно, вы получаете ее у хозяина гостиницы. Это ваше личное дело. В остальном вы должны быть готовы терпеть очень беспорядочную, а иногда и неприятную компанию и не обладать ни слишком красивым нюхом, ни слишком тонким чувством приличия. Вашим единственным утешением является то, что плата невелика и что, если у вас что-то украдут, домовладелец несет юридическую ответственность.

[Иллюстрация: РИС. 3. ПЛАН ГОСТИНИЦЫ В ПОМПЕЯХ.]

Несомненно, существовали заведения и получше, и похуже подобного рода. Должно быть, в Риме или Александрии, а также на некоторых курортах для развлечений и оздоровления, таких как Бале на берегу Неаполитанского залива или Канопус в устье Нила, были сносные жилища. Верно также, что для тех, кто путешествовал по императорской службе, на определенных станциях вдоль больших дорог содержались специальные помещения за государственный счет. Тем не менее, может возникнуть резонный вопрос, почему, принимая во внимание общепринятые стандарты домашнего комфорта и даже роскоши того времени — то, что можно назвать стандартами среднего класса, — не было достаточного количества даже достойных отелей. Ответ заключается в том, что в древности класс людей, которые в наше время поддерживают такие отели, редко испытывал потребность в их эквиваленте. Во-первых, они обычно полагались на гостеприимство людей, с которыми они были лично или официально знакомы, или которым они были представлены частным или официальным образом. Если они были выдающимися личностями, их охотно принимали, будь то в городе или сельской местности, по пути следования. В менее посещаемых районах они полагались на своих собственных рабов и на ресурсы собственного багажа. Они везли с собой свои палатки, постельные принадлежности, провизию и кухонные принадлежности. Если они останавливались в городе на какое-то время, то могли снять несколько комнат.

Мы не должны слишком долго останавливаться на этой теме. Достаточно того, что путешествия были частыми и продолжительными, будь то по военным и политическим делам, в коммерческих целях или для удовольствия. Некоторые дороги, особенно "Королева дорог", Аппиева дорога — та самая, по которой святой Павел прибыл из Путеол в Рим, — должно быть, имели оживленный вид, особенно вблизи метрополии. Пожалуй, ни в одном из этих больших

дорог, рядом важный римский город вы могли бы далеко пойти и не встретить торговца с его рабов и его тюки; острым взглядом коробейника—наверное, еврей,—неся свой пакет; трупной актер или стаканы; тела гладиаторов, которые принимаются для борьбы в амфитеатре или на рынке-место в каком-то захолустном городке; безработный философ, глядя сурово на его длинную бороду; полка пехоты и эскадрон кавалерии на ходу; всадник соскабливать вместе с отправкой императора или сената; случайный путешественник, приехавший на оживленной рысью в его нанял гига; пара дам, тщательно охраняющие свои лица от солнца и пыли, когда они ехали в своего рода крытая коляска; пара алых одетые всадники перед великолепным, но грохот кареты, в которой знатной римской или плутократа имеет лениво развалившись, чтение, диктуя его сокращенное писаря, или играли в кости с другом; лихой молодежи за рулем своей колеснице в профессиональный стиль к отвращению трезвомыслящих; томный Матрона, развываясь в помете осуществляется по шести в высоту, ярко-украшенных каппадокийцев; крестьянин по пути в город со своим вагон-груз продуктов и жестоко belabouring своего мула. Если вам очень повезет, вы можете встретить самого Нерона во время одного из его имперских походов. Если это так, вам лучше отойти в сторону и подождать. Ему потребуется много времени, чтобы проехать; или, если это одно из его более серьезных начинаний, там будет тысяча экипажей, многие из которых будут блистать золотым и серебряным орнаментом, рельефно нанесенным на деревянную обшивку, и запряжены лошадьми или мулами, чьи уздечки сверкают золотом. И если с ним прекрасная и бессовестная Поппея, то может быть Процессия из примерно пятисот ослов, которые должны снабжать ее молоком, в котором она купается, чтобы сохранить свою восхитительную бархатистую кожу.

Конечно, есть много других личностей и типов, с которыми можно встретиться. Если вам случится пересекать определенные районы Испании, горы Греции, южные провинции Малой Азии или верхние районы Египта, вы, возможно, также встретитесь с бандитами или даже с группой из них. В таком случае готовьтесь к худшему. Кое-кого из банды поймали и распяли: возможно, вы встречали кресты на своем пути. Это не делает остальных более дружелюбными. Святой Павел считает естественным находиться таким образом "в опасности от разбойников". Возможно, некоторые регионы самой Италии были столь же опасны, как и все остальные. У нас есть несколько рассказов о путешественнике, которого в последний раз видели в таком-то месте, и больше о нем никогда ничего не слышали. Поэтому хорошо бы, прежде чем предпринимать путешествие по подозрительным районам, выяснить, не направляется ли кто-нибудь еще этим путем. Там обязательно будет либо чиновник с военным эскортом, либо какой-нибудь другой путешественник со свитой; по крайней мере, там будет какой-нибудь надежный человек с письмами, или какой-нибудь крепкий парень, которого вы можете нанять специально для сопровождения вас.

Приняв во внимание эти случайные затруднения — которые, безусловно, были не большими и почти наверняка гораздо меньшими, чем те, с которыми вы столкнулись бы в тех же частях света столетие назад, — следует заявить, что в целом путешествия по суше в римском мире 64 года были на удивление безопасными. Если это было и не очень оперативно, то, вероятно, в среднем примерно так же, как в восемнадцатом веке.

Обычные поездки по дороге, возможно, составляли в среднем не более шестидесяти-семидесяти миль в день, хотя сто миль можно было преодолеть без особых трудностей, в то время как курьер по срочному делу мог значительно увеличить эту скорость.

Далее предположим, что наш друг предлагает совершить морское путешествие. Как правило, навигация проходит только с начала марта по середину ноября, а в зимние месяцы суда плотно стоят в гавани. Путешественник может плыть из Александрии в столицу или из Рима в Кадис или на Родос. Если торговец достаточно смелый, он может даже отправиться за пределы империи, вплоть до Индии. Если это так, он пройдет вверх по Нилу до Коптоса, затем воспользуется либо каналом, либо караванным путем до Миос-Хормоса на Красном море, а оттуда найдет корабль для Индии с разумной перспективой — если ему удастся спастись от арабских пиратов — завершить свои дела и вернуться домой примерно через шесть месяцев. Более 120 кораблей, малых и крупных, ежегодно покидают вышеупомянутую гавань, отправляясь в путешествие в Индию, поскольку Александрия является крупным торговым центром по всему Индийскому океану, а индийские товары пользуются живым спросом в Риме.

[Иллюстрация: РИС. 4. КОРАБЛЬ У ПРИЧАЛА В ОСТИИ. (Волк и близнецы на гроте.)]

Однако по такому удаленному курсу мы следовать не будем. Давайте лучше предположим, что наш путешественник направляется из Александрии, второго города империи, в Рим, который является первым. В этом случае он может воспользоваться большим преимуществом, перейдя на борт одного из тех торговых судов, принадлежащих имперской службе, которые регулярно отправляются в плавание с грузом зерна, чтобы прокормить имперский город. Его портом высадки станут ПUTEОЛИ (Puteoli) в Неаполитанском заливе, который тогда был итальянским Ливерпулем. Остаток путешествия он проделает либо по Аппиевой дороге, либо, что менее естественно, на меньшем грузовом судне, заходящем в Остию, римский порт, недавно построенный императором Клавдием в устье реки Тибр. Его корабль, хорошо укомплектованное и прочно построенное судно водоизмещением от 500 до 1100 тонн и более, будет нести один большой грот, сформированный из полос парусины, укрепленных кожей в местах их соединения, меньший фок и еще меньший марсель. Он будет управляться парой огромных весел по обе стороны от кормы. На мачте будет воронье гнездо, а на носу - изображение Рима, Александрии или какого-нибудь божества, возможно, Кастора и Поллукса вместе взятых. Будет обеспечено приемлемое, но ни в коем случае не либеральное количество кают. Корабль хорошего размера может достигать 200 футов в длину и 50 в ширину. Один из них привез в Рим огромный обелиск, который сейчас стоит на площади Святого Петра; другой корабль привез еще один обелиск, 400 000 бушелей пшеницы и другой груз, а также очень большое количество пассажиров. В благоприятное время года и при довольно попутном ветре судно может рассчитывать достичь Неаполитанского залива всего за восемь-девять дней: иногда на это уходит десять дней, иногда целых двенадцать. Корабль может либо следовать прямо на юг от Крита, либо направиться к Мирам в Малой Азии или к Родосу, а оттуда следовать строго на запад. Как правило, древние мореплаватели предпочитали держаться немного ближе к берегу. Другие корабли, забирая и высаживая грузы и пассажиров по ходу движения, проходили вдоль сирийского побережья, заходя в Кесарию, Тир, Сидон и другие места, прежде чем пройти к северу или югу от Кипра. С такого корабля могло возникнуть необходимость — как это было со святым Павлом и солдатами, на попечение которых он был вверен, — пересечь на другое судно, идущее непосредственно в Италию. Если, как мы и предполагали, путешественник находится на теплоходе линии Александрия-Путеолы, он достигнет залива через день после прохождения Мессинского пролива, и его судно гордо направится в порт, не поднимая марселя, поскольку единственным видом судов, которым это было разрешено, были такие имперские лайнеры.

Существовали и другие известные торговые пути того периода. Одно из них из Коринфа; другое из греко-скифского города в устье Азовского моря, откуда в изобилии поставлялись кукуруза и соленая рыба; третье из Кадиса, расположенного за Гибралтарским проливом, по которому доставлялись шерсть и другие продукты Андалусии; четвертое из Таррагоны в Остию, регулярный маршрут официальных и пассажирских сношений с Испанией. Еще один доставил тебя в Карфаген за три дня. Пересекая Адриатическое море из Бриндизи, вы за один день доберетесь либо до Корфу, либо до албанского побережья в Диррахии (Дураццо), где начиналась великая магистраль на Восток. При попутном ветре ваш корабль мог пройти в среднем 125 или 130 миль за двадцать четыре часа, и, если вы вылетели из Рима в понедельник утром, у вас была разумная перспектива приземлиться в Испании в следующую субботу. Из Кадиса вам, вероятно, потребуется десять или одиннадцать дней. Правда, из этого города не было необходимости добираться морем. На всем пути была хорошая дорога с вехами на каждой римской миле, или около 1600 ярдов. К сожалению, этот маршрут обычно занимал у вас почти месяц.

Маловероятно, что морское путешествие было вообще комфортным; но, по-видимому, оно было таким же комфортным и таким же быстрым, как в среднее столетие назад. Корабли были сделаны прочными и невредимыми; тем не менее, кораблекрушения были очень частыми, как это всегда было в дни плавания. Не были неизвестны аварийщики, показывавшие ложные огни. Также нет никаких сомнений в том, что суда часто были ужасно переполнены; говорят, что одно судно доставило из Александрии не менее 1200 пассажиров. На борту того судна, на котором потерпел крушение Святой Павел, находилось 276 душ, а на том, на котором однажды оказался Иосиф Флавий, - целых 600. У Тацита, кстати, говорится, что группа солдат, которые были отправлены в Александрию и возвращены оттуда морем, были сильно ослаблены умом и телом в результате этого опыта. С другой стороны, как уже говорилось, во всех водах Средиземного моря, как правило, не было такого понятия, как пират.

ГЛАВА III

КРАТКИЙ ОБЗОР ПРОВИНЦИЙ

Рассмотрев таким образом, пусть и неполно, способ, которым народы римского мира ухитрялись перемещаться внутри самой империи, мы можем перейти к рассмотрению составных частей света, по которым они таким образом путешествовали туда-сюда.

И сначала мы должны провести различие высочайшей важности между западной и восточной половиной. Вполне естественно, что сама Италия была прежде всего землей римлян. Это была привилегированная земля, пользовавшаяся наибольшими привилегиями и наиболее полностью романизованная по населению, нравам и настроениям. Помимо более крупных и мелких романизованных городов, которых насчитывалось около 1200, он был из конца в конец усеян загородными резиденциями и увеселительными курортами римлян. К северу и западу от Италии жили различные народы, сильно отличавшиеся друг от друга характером, привычками и религией, а также телосложением. К востоку от него жили различные другие народы, также отличавшиеся друг от друга в таких отношениях, но по большей части отмеченные общей цивилизацией, в которой Запад имел лишь почти незначительную долю. До римского завоевания народы и племена Запада были в целом грубыми, неграмотными и неорганизованными. За исключением кое-где в Испании, где работали финикийцы или карфагеняне, и в греческих колониях, возникших из Марселя, у них едва ли было такое понятие,

как город. Они едва ли знали, что подразумевается под гражданской жизнью, с ее материальной роскошью и изяществом, ее искусством и литературой. Обычно это были маленькие народы, лишенные единства, храбрые бойцы, но во всех тех вопросах, которые обычно классифицируются как цивилизация, явно отставшие от времени. Превосходство римлян в этих краях заключалось не только в организованной силе, военном мастерстве и политических методах, это было также превосходство в интеллектуальной жизни и культуре. В Испании, Галлии, Британии, Швейцарии, Тироле и южной Австрии, а также в Северо-Западной Африке римлянин продолжал организовываться по своему усмотрению, заселять свои колонии, навязывать свой язык и насаждать свои идеалы. Он имел дело с подчиненными; он полностью осознавал это, как и они по большей части.

Тем временем Рим распространял свои завоевания и на восток. Здесь, однако, она имела дело с народами, которые уже подверглись влиянию, во многих отношениях превосходящим те, что были принесены завоевателем, влиянию, которое в некотором смысле только начинали воспитывать самого завоевателя. Давайте здесь, ради ясности, сделаем краткий экскурс в предшествующую историю.

Во всей восточной половине средиземноморских стран завоеватель Рима столкнулся лицом к лицу с более древней, более утонченной, более интеллектуальной и более артистичной культурой, чем ее собственная. Такова была цивилизация Греции. Нам нет необходимости подробно останавливаться на характере эллинской культуры. Любой, кто познакомился с богатством греческой литературы, ясной уверенностью греческого искусства, пронизательностью греческой науки и философии и смелыми экспериментами греческого общества— особенно представленного Афинами, сразу поймет, что имеется в виду. Когда римляне, более чем за двести лет до нашей эры, завоевали Грецию, в той мере, в какой они были людьми литературы или прикладывали усилия к абстрактному мышлению, в той мере, в какой они владели искусствами скульптуры, архитектуры, живописи и музыки, они были почти полностью обязаны Греции. Их собственная сила заключалась в твердости и серьезности характера, в сильном чувстве национальной и личной дисциплины, в даре законотворчества и законопослушания. По культуре они стояли перед греками того времени во многом так же, как немцы двухсотлетней давности стояли перед французами. После их завоевания римлянами греки волей-неволей подчинились власти силы, но типичный грек никогда не смотрел на римлянина как на равного себе в социальном или интеллектуальном плане. Он сам стал философским, художественным и социальным учителем своего завоевателя. Его собственный язык был богаче литературным и лучше приспособлен ко всем формам общения. Таким образом, латынь римлян не продвинулась ни в Греции, ни в греческом мире. Ее можно было бы сделать языком римских судов и официальных документов; но помимо этого, обычный грек пренебрегал ее изучением. С другой стороны, обычный хорошо образованный римлянин, как правило, мог говорить по-гречески. Магистраты и чиновники почти неизменно получали такое образование, и в Афинах или Эфесе они говорили по—гречески так, как мы, естественно, говорили бы по-французски в Париже - только лучше, поскольку они изучали язык более рациональным и практичным способом. Сам Нерон мог сыграть или думать, что сможет сыграть греческую пьесу и спеть греческую оду среди греков. Скорее всего, римский аристократ был воспитан медсестрой-греком, точно так же, как многие английские семьи ранее нанимали медсестер, привезенных из Франции. Греки также не просто игнорировали латинский язык. Они отказывались быть латинизированными в каком-либо другом отношении. Даже римские развлечения вызывали у них отвращение, и к чести его высшей утонченности следует отдать

должное тому, что среднестатистического грека отталкивали те жестокие демонстрации гладиаторского кровопролития, над которыми злорадствовал более грубый римлянин.

Когда мы затем переходим из собственно Греции, то есть с Греческого полуострова, островов и азиатских берегов Эгейского моря, в Малую Азию, Сирию и Египет, мы все еще обнаруживаем римского завоевателя, аннексировавшего народы, более сведущие в высших искусствах жизни, чем он сам. На протяжении веков в этих регионах существовали различные формы развитой цивилизации. Ассирийская, вавилонская, финикийская, еврейская и египетская культуры существовали задолго до рождения Рима. Позже персы подчинили себе все эти народы. А затем, за четыреста лет до того времени, с которым мы имеем дело, пришел македонский грек Александр Македонский и завоевал каждую из тех провинций, которые впоследствии должны были составить восточную часть Римской империи, изображенную на нашей карте. Языком и культурой Александра были греческие, и он перенес их и расселил с помощью самой решительной политики во всех доступных местах. После его смерти империя распалась на королевства, но те цари, которые сменили его — каждый Антиох сирийский и каждый Птолемей египетский — были греками. Их двор был греческим, и эллинизм повсюду был в моде в жизни, мыслях, литературе и искусстве. По всему побережью, во всех крупных городах, на всех главных маршрутах, по всем великим речным долинам этих восточных королевств продолжалась эта грецизация. Александр основал город Александрию, и вскоре этот великий и богатый город стал скорее домом греческой науки и литературы, чем сами Афины. Его преемники основали другие великие города, такие как Антиохия, и там тоже была греческая цивилизация.

Поэтому египтяне, евреи и сирийцы, которые были одержимы какими-либо общественными или даже меркантильными амбициями, естественно, говорили по-гречески, либо только, либо чаще в сочетании со своим родным языком. Вот причина, по которой Септуагинта появилась на греческом; почему греческий, а также иврит и латынь были написаны поверх Креста; почему наш Новый Завет был написан на греческом; и почему Павел мог путешествовать по восточной половине римского мира и свободно говорить, куда бы он ни поехал. Он мог обратиться к римскому губернатору непосредственно в Пафосе, потому что этот губернатор изучал греческий язык в Риме, либо в школе, либо под руководством своей няни или наставника. Он мог предстать перед ареопагом в Афинах и обратиться к этому выдающемуся собранию на его родном языке, потому что это был также один из его родных языков.

Не то чтобы можно было ожидать, что греческая культура или даже язык останутся чистыми при таком распространении за границу. В нем были смешаны восточные элементы, египетские, еврейские или сирийские; но сами эти элементы были заимствованы из развитых и освященных времен цивилизаций.

Отсюда следует, что на всей восточной половине своих владений Рим не смог добиться латинизации. Она не пыталась подавить греческие идеи; она предпочитала использовать их. Пока римскому правлению подчинялись во всем, что касалось его сути, Рим был доволен.

Таким образом, в основном, за пределами Италии мы имеем две совершенно разные половины римского мира: восточную, с ее большими городами, активной гражданской жизнью, высокой культурой, вкладом в науку, искусство и роскошь — и, следует добавить, общей

распущенностью — с то тут, то там ярко выраженной склонностью к восточному фанатизму; и Западную, с очень небольшим количеством крупных городов, с жизнью, в большей степени определяемой кланами и племенами или сельскими районами, со сравнительно небольшой социальной культурой, почти ничего не вносящей в искусство или науку, с большим количеством натуральных продуктов и более мужественных мужчин, чем у тех, кто отличается более утонченной или искусственной роскошью. На этой половине римский язык, римская одежда и римские манеры быстро распространились. В ней римские поселенцы чувствовали себя как дома. Целью высших классов местных жителей было сделать себя как можно более римлянами. Именно в западной части империи вы найдете названия, которые указывают на систематическое римское заселение и которые часто обозначают деятельность императора. Такие города, как Сарагоса (Кейсария Августа), Аоста, Аугсбург, Отен (Августодунум) и Аугст, являются основаниями Августа. Отсюда тот факт, что Испания и Франция в наши дни говорят на латинском языке, в то время как латынь никогда не была даже временно признанным языком между южной Адриатикой и Евфратом.

С этим основным разделением покончено, давайте теперь быстро обойдем империю, делая такие краткие наблюдения, которые могут показаться наиболее полезными по ходу дела.

В 64 году юг Испании, провинция Бетика, о которой мы можем говорить более привычно как Андалусия, была процветающей и мирной, почти полностью романизированной и латинизированной. Многие из его жителей были настоящими латиноамериканцами, большинство сделало себя неотличимыми от латиноамериканцев. Вдоль реки Гвадалквивир располагались процветающие города, главными из которых были те, что сейчас известны как Севилья и Кордова. Весь регион изобиловал пастбищами и пашнями, и отсюда торговые суда из Кадикса привозили в Рим грузы тончайшей шерсти, превосходных оливок и других фруктов. Восток Испании со столицей в Таррагоне занимал второе место по оседлой жизни и производству продуктов, включая вино, соленую рыбу и соусы, в то время как во внутренних районах страны лучшая сталь, соответствующая клинкам Бильбао более современной истории, закалялась в холодных ручьях холмов над истоками Тежу. Из Португалии привезли кошениль и оливки. В нескольких частях полуострова — в Португалии, Астурии и близ Картахены — находились золотые и серебряные рудники, которые разрабатывали древние финикийцы и которые римляне вновь открыли. Возможно, будет интересно узнать, что главной бедой Испании были кролики, а против них не было ни ружей, ни яда, а только собаки, капканы и хорьки. В Галлии есть одна провинция, давно сложившаяся и полностью романизированная, со столицей в Нарбонне и цветущими римскими городами, которые сейчас известны под такими названиями, как Арле и Ним. Это регион, на побережье которого культура Греции сумела распространиться столетия назад из-заслучайности основания греческой колонии в Марселе. В этой провинции римлянин мог жить и чувствовать, что он все еще так же хорош, как и в Италии. Но дальше лежало то, что было известно как "Длинноволосая" Галлия, иногда галлия в "штанах", названная так из-за отличительной внешности ее жителей, которые носили бриджи, отращивали длинные волосы, а на лицах отращивали только усы — три вещи, которых не делал ни один римлянин и от которых даже в этих районах начинала отказываться знать, которая была первой романизированной.

Народы этих галльских провинций предпочитали, как и все ранние кельтские сообщества, делиться только на кланы или племена и объединяться не дальше, чем диктовал импульс или целесообразность, не образуя городов размером больше деревни, живя по большей части в

бедных хижинах, разбросанных по лесам, холмам, болотам и пастбищам, и довольствуясь сном на соломе, если только они могли носить красивый плед и похвастаться золотым украшением. Названия многих таких племен до сих пор сохранились в названиях городов, выросших из главных деревень каждого кантона. Таковы были амбиани, подарившие нам Амьен, и реми, подарившие нам Реймс. Париж и Трев обозначают административные деревни Паризи и Тревери. Тем не менее в стране были свои кукурузные уголья, она была богата полезными ископаемыми и скотом, шкуры которого регулярно поступали вниз по Роне для доставки на средиземноморские рынки. "Длинноволосая" Галлия в то время была грубой и суеверной, исповедующей ту странную религию друидов, которую император Клавдий изо всех сил старался подавить. Ее главным пороком было пьянство. Как и у французов, которые в значительной степени произошли от них, вошедшей в поговорку страстью галлов были война и искусство говорить; но в наше время первая страсть угасла, а вторая набирала силу. Галльские провинции объединились в точке на Роне, близ которой неизбежно возник крупнейший город этой части света, а именно Лугдунум, или Лион, который быстро стал не только административным центром, но и известной школой красноречия.

О Британии пока мало что можно сказать. В течение последних двадцати лет римляне делали все возможное, чтобы покорить кельтские племена, которые страдали, как всегда страдали кельтские племена, от собственной разобщенности. Теперь они достигли Трента — или, скорее, линии от Честера до Линкольна - только что наказали Боудикку (или Боадицею) за ее энергичные попытки возмездия и убийство 70 000 римлян или приверженцев Рима, и следовали истинно римской практике закрепления завоеванного путем строительства военных дорог и установления сильных контрольных постов, как в Колчестере, Честере и Каэрлеоне-на-Уске. В Британии производилась некоторая обработка железа, но ее основными статьями экспорта были, как и долгое время, олово, соль и шкуры. У самих британцев не было городов. Так называемые места представляли собой не что иное, как скопление хижин, окруженных валом и рвом, в каком-нибудь легко защищаемом месте среди леса или болота.

Вдоль Рейна достаточно отметить, что немцев держали в руках. К югу от Дуная регион, ныне известный как Штирия и Каринтия, был богат железом, и как здесь, так и по всему горному массиву Тироля и окрестностям Рим неуклонно распространял свой язык и привычки посредством поселений, торговли и военной оккупации. Кстати, можно отметить, что в то время использовались практически все альпийские перевалы, ныне нам знакомые, — Мон-Женевр, Малый и Большой Сен-Бернар, Симплон, Сен-Готард и Бреннер.

Верхние Балканы обязательно находились под военной оккупацией, но Македония была процветающей греческой провинцией со столицей в Фессалонике — современных Салониках. Сама Греция, официально известная как Ахайя, пришла в упадок во всех отношениях со времен классической эпохи Афин. Памятники этого города были, действительно, такими же роскошными, как и всегда; некоторые из них были добавлены во времена римской империи, хотя, как правило, в более низком вкусе. Афины все еще были чем-то вроде университета, но его профессорами были по большей части софисты или риторы, которые заново перебирали старые соломинки философских учений, которые когда-то обладали живым смыслом и обладали живой силой. Сами Афины так и не смогли должным образом оправиться от миграции ученых в Александрию. Дельфы, великая оракульская резиденция греческого мира, также утратили свое значение, хотя по-прежнему могли похвастаться внушительным количеством зданий и мемориалов. Центром торговли и официальной жизни, римской колонией посреди

Греции, космополитическим и распутным местом был Коринф на Перешейке. Здесь Неро намеревался прорубить канал от моря до моря — он собственноручно выкопал первый слой дерна, — но его личная расточительность привела к нехватке средств, и проект постигла участь первого предприятия в Панаме. Следовательно, путешественнику, направлявшемуся на Восток, все еще было необходимо пересечь Перешеек и пересестись на корабль в Кенхреях. Остальная часть Греции была почти полностью бедной и малонаселенной, и многие древние места и монументы уже страдали от заброшенности и приходили в упадок.

[Иллюстрация: рис. 6 —АФИНСКИЙ АКРОПОЛЬ (из Д'Уге.)]

По ту сторону Эгейского моря Малая Азия находилась в состоянии беспрецедентного процветания. В него входило не менее пятисот городов со значительной репутацией, главными из которых были Смирна и Эфес с их красивыми общественными зданиями, открытыми площадями, театрами, садами и прогулочными аллеями. Смирна, в частности, могла похвастаться своими широкими, вымощенными мрамором улицами, пересекающимися друг друга под прямым углом и снабженными аркадами, идущими по их сторонам. Единственным ее недостатком было отсутствие надлежащей канализации. Среди достопримечательностей мира был огромный храм в Эфесе, посвященный Артемиде, "Великой Диане" из *Деяний Апостолов*. Этот храм, самый большой в древнем мире, был 425 футов в длину, 220 в ширину, а его колонны достигали 60 футов в высоту и насчитывали 127 человек.

К юго-востоку от Эгейского моря располагался роскошный Родос, самый красивый и сильный порт Средиземноморья, снабженный прекрасными портовыми зданиями, центром обучения и настолько насыщенный искусством, что в нем находилось не менее 3000 статуй. В несколько пустынных внутренних районах Малой Азии были просторные загоны для овец и лошадей, но там также выращивали пшеницу, и страна, по крайней мере, могла производить высоких и крепких рабов. В северной Галатии простые люди еще не забыли кельтский язык, который они привезли из Галлии более трех столетий назад. На юго-востоке, напротив Кипра, лежал Тарс, родина Павла, город, в котором искусство изготовления ткани для палаток из козьей шерсти сочеталось с тем, что можно назвать университетским обучением философии, естественным наукам и литературоведению. В обоих этих местных занятиях апостол использовал свою молодость с благой целью. За морем на Кипре добывали медь, которая до сих пор носит его название.

[Иллюстрация: РИС. 7. ПЛАН АНТИОХИИ.]

Главным городом Сирии, богатым зерном и фруктами, — третьим в империи - была Антиохия, город, великолепно построенный на Оронте в поразительно современном стиле. Широкая улица с колоннадами тянулась по прямой через город и за его пределы на четыре мили, и ее пересекали другие улицы под прямым углом. Говорят, что эта улица была освещена по ночам, в то время как римские улицы оставались темными и опасными. По соседству с городом находился знаменитый парк под названием Дафна, где сладострастное и почти невероятное разврате древнего мира, возможно, достигло своего апогея. Как и Александрия, Антиохия была страстно увлечена скачками.

Дальше по побережью Сидон производил свое знаменитое стекло, а Тир - знаменитую пурпурную краску. В глубине материка от них лежал красивый город Дамаск, знаменитый

своими садами и производством тонкого льна. Еще южнее находилась Иеросолима, или Иерусалим, о котором, возможно, нет необходимости здесь приводить подробности. Его население оценивалось в четверть миллиона человек.

На побережье Египта, после того как вы увидите, примерно в тридцати милях от себя, первый отблеск огромного мраморного маяка высотой 400 футов на острове Фарос, вы прибыли в Александрию, второй город римского мира и крупнейший торговый центр Египта, всей Восточной Африки вплоть до Занзибара и Индии. Отсюда производились папирусная бумага, изящные изделия из стекла, муслин, вышитые ткани и такие дополнения к роскоши, как розы не по сезону. Александрия, построенная, как и Антиохия, в прямоугольном плане, с главными улицами шириной 100 футов, включала еврейский квартал, контролируемый еврейским старостой и синедрионом; египетский квартал; и греческий квартал, в котором находились великолепные здания Библиотеки с ее 600 000 томов и Университета, посвященного всем отраслям образования и науки, включая медицину, и снабженного ботаническими и зоологическими садами. Здесь также находились храм Цезаря и прекрасные портовые постройки. Его население, чрезвычайно любящее деньги и удовольствия и включающее представителей всех восточных народов, возможно, насчитывало три четверти миллиона человек. Протяженность города составляла около тринадцати миль, а его главная улица - около четырех миль.

[Иллюстрация: РИС. 8. —ГЕРБ АНТИОХИИ.]

За ним лежал Египет с его ирригационными и транспортными каналами, содержащимися в хорошем состоянии; с его памятниками в гораздо лучшей сохранности, чем сейчас — пирамиды, например, все еще покрыты гладкими мраморными стенами, и на них нельзя подняться по нынешним ступеням, из которых был выломан мрамор; с его богатыми кукурузными полями, его шахтами и каменоломнями для заключенных, Сибирью древности; с вереницей городов вдоль Нила и его семью или восемью миллионами жителей, говорящих в основном по-коптски, и полных странных суеверий и своеобразного поклонения животным.

Двигаясь на запад, мы достигаем процветающей Кирены, а затем, у довольно отдаленного от мира залива Триполи, собственно Африки, где когда-то правил могущественный Карфаген, колония Тир, и где финикийский или пунический язык все еще сохранился среди населения, состоящего из смеси финикийцев и берберов. Здесь также простираются широкие и роскошные участки кукурузных полей, от которых Рим зависит лишь после Александрии, если вообще от них зависит. Дальше к западу находятся берберские племена Мавритании, управляемые Римом, но еще не полностью ассимилированные в римскую систему.

[Иллюстрация: РИС. 9. —ГЕРБ АЛЕКСАНДРИИ.]

В Средиземном море лежат Крит, место, которое теперь стало малозначимым; Сицилия, столь же греческая, сколь и римская, плодородная урожаями и обладающая многими великолепными греческими храмами и театрами; Сардиния, нездоровый остров, кишаций бандитами и используемый как своего рода каторжный пункт, производящий некоторое количество зерна и минералов; и Корсика, которая носила во многом тот же характер дикости, что и в сравнительно недавние времена, и которая не пользовалась репутацией ни одного продукта, кроме второсортного меда и воска. Балеарские острова были известны главным образом своим

совершенством в искусстве ловли на земле художников и разведением улиток для римского стола.

[Иллюстрация: РИС. 10.—ГЕРБ РИМА. С колонны Антонина в Риме.]

Остается сказать, что чувство местной гордости было очень сильно в городах-соперниках империи. Каждый из них славился своей уникальной торговлей и природными преимуществами, и выбранные эмблемы крупных городов демонстрировали их хвастовство с большой художественной изобретательностью. Таким образом, Антиохию символизирует женская фигура, сидящая на скале, увенчанная диадемой в виде башенки, и держащая в руке пучок кукурузных початков, в то время как ее нога поставлена на плечо наполовину погребенной фигуры, изображающей реку Оронт. Александрия с ее Рогом изобилия, египетскими фруктами и изображениями ее слонов, аспидов и пантер, а также ее особых божеств, рельефно изображена на серебряном сосуде, найденном в Боскореале близ Помпей и воспроизведенном здесь.

Такова вкратце была Римская империя. Как управлялась вся эта империя, что подразумевалось под императором, губернатором, налогообложением и правосудием, - это тема для других глав.

ГЛАВА IV

ИМПЕРСКАЯ СИСТЕМА: ИМПЕРАТОР, СЕНАТ, РЫЦАРИ И НАРОД

Мы увидели и вкратце описали масштабы римского мира. Следующий шаг - рассмотреть, насколько это возможно кратко, его систему правления и администрации примерно в 64 году. Эта задача не только совершенно необходима для достижения нашей непосредственной цели; она также представляет большой интерес и выгоду сама по себе. Если мы хотим либо увидеть в должном свете опыт такого человека, как святой Павел, либо понять долголетие столь обширной империи, мы должны внимательно изучить принципы и методы, принятые римлянами как правителями.

Мы свободно говорим о "римском императоре" и о "правлении Нерона". Что такое император? Каковы были его способности и как он ими пользовался?

Во-первых, следует отметить, что, строго говоря, Рим не признавал такого понятия, как автократ. У него не было монарха; титул "король" был отвергнут цезарями и полностью отвергнут народом; технически император был не высшим сувереном, а, напротив, чем-то низшим по сравнению с сувереном. Он был первым гражданином, "первым человеком государства". Номинально государство было содружеством, а император - его самым важным должностным лицом.

Начнем с того, что он был представителем Рима в качестве гражданского и военного губернатора всех провинций, содержащих армию или, по-видимому, призывающих к созданию армии. "Император" означает военачальник, и он был главнокомандующим всеми силами империи, военными или военно-морскими, но в смысле гораздо более либеральном, чем сейчас подразумевается под таким выражением. Он полностью контролировал все воюющие силы, определяя их численность, службу, все назначения, жалованье и увольнение. Он перемещал их туда, куда ему заблагорассудится, и, помимо этого, обладал властью объявлять войну и заключать мир. Где бы ни существовала вооруженная сила, будь то на отдаленном поле боя или в гарнизоне, она была обязана повиноваться ему. В знак этого каждый солдат первого января и в годовщину восшествия на престол императора давал торжественную клятву — а

клятва в те дни воспринималась не просто как формальность, а как торжественный религиозный акт, — что он будет преданно подчиняться главнокомандующему. Изображение императора было на видном месте в центре каждого лагеря, а в малом - на штандарте каждого полка. Священный долг солдата перед Августом или Нероном постоянно сохранялся, и ему никогда не позволялось забывать об этом. Где бы император ни появлялся или вмешивался в дела провинций, все остальные власти становились подчиненными ему.

[Иллюстрация: рис. 11.АВГУСТ КАК ИМПЕРАТОР.]

Теоретически такой военачальник всегда мог быть смещен римским народом, действующим через свой Сенат. В действительности он был хозяином положения. Если он когда-нибудь и был свергнут или если когда-нибудь был назначен новый командующий, то это сделала армия. Если он оказывался тираном, не было другого способа избавиться от него, кроме как с помощью армии, если только это не было убийством. В такие моменты Сенат мог бы сделать вид, что назначает преемника, а армия могла бы сделать вид, что соглашается с сенатом, но подобные выражения, как повторяет Тацит, были "пустыми и бессмысленными словами". Безумец Калигула был убит. Когда через четыре года после нашего свидания Нерон был вынужден бежать из своего дворца и был склонен к самоубийству, это произошло потому, что солдаты выступили против него и выбрали другого.

Огромные полномочия императора оказались в руках одного человека просто потому, что республика была признана некомпетентной управлять своей империей, будь то с военной или финансовой точки зрения. Это не удавалось ни так последовательно, ни так честно, как это удавалось отдельному человеку.

Таким образом, император, согласно конституционной фикции, был офицером содружества, командующим его войсками, не только со свободой действий, которую Рим всегда предоставлял своим экспертам в борьбе с врагом, но и с тем, что эта свобода была значительно расширена, а срок полномочий постоянно продлевался.

Но тому, кто имеет, будет дано - особенно если он в состоянии настаивать на даре. Военная власть императора, его положение губернатора провинций сами по себе не могли дать ему права управлять самим Римом, с его законами, его магистратами, его внутренней политикой и политикой провинций. Теоретически римский император никогда не контролировал эти вопросы.

На практике он поступал с ними так, как ему заблагорассудится. Если он всерьез желал следовать определенному курсу, принять или отменить определенный закон, даже избрать определенного человека на какой-либо пост, это делалось быстро. Но как он мог таким образом постоянно вмешиваться и при этом казаться служителем конституции? Не из-за простого подбострастия всех заинтересованных лиц, включая Сенат. Это было бы слишком прозрачно, неуклюже и вызывающе. Было необходимо, чтобы он обладал некой адекватной видимостью реальной власти, и поэтому он был изобретательно наделен этой властью. Так оно и было. При содружестве существовали определенные годовые должностные лица с широкими и довольно неопределенными полномочиями, называемые "трибунами общин". Эти лица могли наложить вето на любую меру, которая, по их мнению, противоречила интересам народа. Они также могли созывать Сенат и вносить на его рассмотрение предложения. Между тем, их личности были "неприкосновенны" в течение срока их полномочий. Здесь была возможность. Сенат

наделил императора этими "полномочиями трибуна". Фактически он не был избран трибуном, поскольку эта должность была только ежегодной и не могла занимать ее наряду с какой-либо другой, тогда как император должен обладать прерогативами всегда и в сочетании с любыми другими функциями, которые он мог бы выбрать для выполнения. Следовательно, он получил только соответствующие "полномочия" и привилегии. Эта должность позволяла ему безнаказанно накладывать вето на ту или иную меру, когда бы он ни захотел. Естественно, поэтому вошло в обычай, насколько это возможно, заранее выяснять его желания и действовать соответственно. Он также мог, пользуясь тем же правом, созвать Сенат и внести меры или добиться их вынесения на его рассмотрение. Чтобы придать уверенности вдвойне, ему было предоставлено право на то, что мы могли бы назвать "первым делом в уведомлении".

Обратите внимание далее на проницательность первого императора Августа, когда он выбрал именно эту должность. "Трибуны палаты общин" были по конституции народными поборниками; они представляли интересы простых людей. Заняв аналогичное положение, император — или главнокомандующий — давал понять простым людям, что он является их главным и бессменным представителем и что их интересы связаны с его властью. Он взял их под свое крыло и позаботился, среди прочего, о том, чтобы они не голодали и не были лишены развлечений. Он следил за тем, чтобы у них была кукуруза на хлеб, много воды и игры в цирке. Его "хлеб и игры" заставляли их молчать.

Поддерживаемый армией с одной стороны, имея личную безопасность, пользуясь правом инициативы и правом вето, этот офицер "содружества" действительно стал Колоссом, покорившим римский мир. Он неизменно становился также Большим понтификом, или главным блюстителем религиозных интересов Рима. Кроме того, он мог бы получить другие конституционные назначения — например, должность надзирателя или блюстителя морали — всякий раз, когда это могло бы соответствовать особой цели. Чего еще мог желать человек, если он был удовлетворен отказом от имени автократа до тех пор, пока обладал этим имуществом? Называться *принцепсом*, или "главой государства", было в такой же степени уместно, как называться царем, подобно парфянским или другим восточным монархам. Таким образом, среди римлян его обычным титулом было "принцепс". Греко-восточная половина империи, которая давно привыкла к королям и обращалась с ними почти как с богами, откровенно называла этого главу государства "царем" или "автократом", но ни один истинный римлянин не забылся бы настолько, чтобы впасть в эту вульгарную истину.

Однако римляне присвоили своему "принцепсу" еще один титул. Что-то все еще хотело донести до сознания, как римлянина, так и провинциала, необычайно высокое положение столь великого человека; что-то, что должно было быть признанием того величия, которое делало его почти божественным, по крайней мере, той божественности, которая ограждает короля. Титулом, выбранным для этой цели, был *Август*, слово, для которого нет более близкого английского эквивалента, чем "Его Высочество" или, возможно, "Его Величество", если мы представим, что этот термин применяется к тому, кто по юридической фикции не является королем. Безумный Калигула называл себя или позволял называть себя "Господином и повелителем", а позже Домициан временно добавил к этому титулу "Бог", но даже Нерон не претендовал ни на один из этих скромных эпитетов.

Итак, вот положение Нерона: главнокомандующий всеми вооруженными силами Рима на суше и на море и хозяин его внешней политики; номинальный защитник его общин и, следовательно,

неприкосновенный лично и фактически контролирующий законы и резолюции; официальный глава государственной религии; участник торжеств в стиле "Его Высочества Главы государства". Говорить о нем плохо или делать что-либо, унижающее его авторитет, было *неуважением к его величеству*.

[Иллюстрация: рис. 12.—МОНЕТА НЕРОНА. Британский музей.]

Несколько раз упоминался Сенат. Теперь пришло время кратко рассказать об этом органе. Однако для ясности мы должны включить обзор признанных составляющих элементов или "порядков" римского общества.

Политический корпус номинально состоял из всех, кто был известен как "римские граждане". Среди них были люди всех рангов, от ремесленника, сельскохозяйственного рабочего или даже праздного бездельника — которых было более чем достаточно — до представителей всех слоев среднего класса и самого богатого аристократа с самой голубой кровью, считавшего себя по рождению более чем равным императору. Любой такой гражданин был защищен лично и имуществом римскими законами. Для местных властей в Филиппах было наказуемым деянием взять Павла, "римского гражданина", и, прежде чем он был осужден, наказать его розгами.

Согласно букве конституции, право избирать всех должностных лиц государства и принимать законы принадлежало этому разнородному органу, "народу", собравшемуся в ассамблею. Тем временем власть определять внешнюю политику и контролировать финансы принадлежала специальному органу, состоящему в основном из аристократии и бывших государственных чиновников, известному как "Сенат". Нас здесь интересуют не причины изменений, которые скрыли эту конституцию из виду, а только фактическое положение вещей в 64 году.

Фактически при императорах больше не существовало никаких собраний "народа"; народ в целом не избирал и не издавал законов. Основные статьи конституции были полностью утрачены в смутные времена, предшествовавшие установлению той плохо замаскированной монархии, которую мы знаем как империю. Вся реальная власть по выборам и законотворчеству оказалась в руках Сената, действующего совместно с императором. В то время как император доминировал в Сенате, он, тем не менее, был рад вернуться к этому органу в оправдание своих собственных действий и как средство поддержания конституционного статуса. Он разрешал Сенату принимать резолюции и осуществлять власть только в той мере, в какой это не противоречило его собственным ярко выраженным желаниям и интересам. Вмешиваться и раздражать без повода было не в его правилах. С другой стороны, когда ему требовался законодательный акт или важное административное новшество, он предпочитал, чтобы это было подкреплено санкцией или продвигалось явно спонтанными действиями Сената. Тогда он имел лучший внешний вид и был менее открыт для придирок. С людьми больше вообще не советуются по таким вопросам. Они не имеют права голоса в них, поскольку у них нет ни плебисцита, ни представительного правительства.

Не следует предполагать, что между императором и Сенатом никогда не было трений. Сенат часто — или, скорее, в целом — был подбострастным, потому что его запугивали. Но были времена, когда она была склонна самоутверждаться; некоторые из ее членов время от времени позволяли себе определенную свободу слова, по отношению к которой один император мог быть удивительно снисходительным или добродушно презрительным, а другой возмутительно мстительным. В 64 году Сенат был внешне достаточно послушен, хотя в глубине души отнюдь не

был предан его Высочеству Нерону, главе государства. Всегда следует помнить, что в состав Сената были включены многие из самых высокородных, гордых и строгих римских вельмож или выдающихся людей. Для них вся череда императоров по-прежнему была чередой выскочек — семьей Цезарей, узурпировавших власть, которая по праву принадлежала Сенату. Вы не могли ожидать, что эти люди, аристократы в душе и многие из них истинные патриоты, носящие имена, прославленные на протяжении всей римской истории, смирятся с зрелищем того, кто был нелучше их, когда он поднимался в свой огромный дворец на Палатинском холме в сопровождении своей стражи или когда он входил в здание Сената, чтобы отдать то, что было практически его приказами, возможно, едва удостоивая признания людей, чьи семьи были знаменитыми, в то время как его семья была малоизвестной. Время от времени кто-нибудь из членов клуба тут или там прикидывал свои шансы вытеснить человека, который раздражал его снисходительностью, холодностью или даже оскорблением. Эти аристократы чувствовали то же, что французская знать могла чувствовать по отношению к Наполеону. И император, хороший или плохой, на своей стороне никогда не чувствовал себя в полной безопасности от заговора с целью его свержения. В целом эти ранние императоры были много заняты сохранением Сената на его месте и были склонны, с вполне достаточными основаниями, ревновать и подозревать его более важных членов.

Поэтому было естественно, что они сохраняли очень практичный контроль над составом этого органа. Ситуация была во многом такой, как если бы современной нацией правил фактический автократ, которому помогала Палата пэров. Сенаторы и их семьи сформировали "сенаторский орден". Поскольку у римлян при империи существовало такое понятие, как звание пэра, его можно найти в сенатском порядке. И поскольку титул теперь может быть либо наследственным, либо присваиваться сувереном как "источник чести", то при римских императорах право принадлежать к сенаторскому сословию могло передаваться по рождению или по выбору главы государства. Обычно ты принадлежал к "ордену", если был сыном сенатора; ты принадлежал к этому классу общества. Чтобы принадлежать к самому Сенату и принимать участие в его дебатах, вы должны занимать определенную государственную должность и иметь не менее 8000 фунтов стерлингов. 8000 фунтов стерлингов - это минимум. Большинство сенаторов были богаты, а некоторые были чрезвычайно богаты. Их можно найти с капиталом в 3 000 000 или 4 000 000 фунтов стерлингов и доходом до 150 000 фунтов стерлингов. Что же касается государственной должности, которую вы должны занять в первую очередь, то вы даже не могли бы быть кандидатом на нее, если бы уже не принадлежали к "ордену". Если, когда вы станете сенатором, против вас возникнут какие-либо серьезные подозрения или вы обнищаете, ваше имя может быть вычеркнуто из списка. В противном случае вы остаетесь сенатором всю свою жизнь, а ваш сын, в свою очередь, принадлежит к "ордену" и может пройти в Сенат тем же путем. Если вы были популярным или весьма достойным человеком и в результате какого-либо несчастного случая потеряли свое имущество, император часто восполнял недостаток, или ваши братья-сенаторы выделяли необходимую сумму.

Но император тем временем мог возвысить до "ордена" любого, кого он выберет. Он мог бы дать ему статус и, таким образом, сделать его подходящим кандидатом на ту государственную должность, которая была предварительной для вступления в настоящий Сенат. Более того, когда дело дошло до выборов на эту должность, которая служила необходимой ступенью к зданию Сената, количество вакансий было ограничено, и император имел право либо выдвигать, либо рекомендовать тех кандидатов, которые ему нравились. Излишне говорить, что эти кандидаты неизменно избирались. Конечно, со стороны Калигулы было чудовищным

высокомерием хвастаться, что он мог бы сделать своего коня консулом, если бы захотел, но в насмешке была доля правды.

Давайте тогда представим дело таким образом. Представьте, что современный сенат набирается из лиц, чьи имена находятся в звании *пэра и баронета*, и что, прежде чем любой отпрыск такой семьи сможет войти в сам Сенат, он должен пройти своего рода должность заместителя секретаря, на которую он должен быть сначала избран.

Но затем представьте, что суверен может возвысить до ранга "пэра или баронета" какое-нибудь привилегированное лицо, семья которого еще не фигурирует в *Дебретте*. Затем такой человек имеет право внести свое имя в список кандидатов на необходимую должность заместителя секретаря, и, когда суверен просматривает этот список, он отмечает кандидата как выдвинутого или рекомендованного им самим. Итак, он проходит в Сенат.

Большинство императоров делали это, но экономно. Они сделали Сенат аристократическим и богатым органом, сохранив его численность где-то около 600 человек. Мы не должны постоянно предполагать, что цезари были либо безрассудными, либо беспринципными, потому что двое или трое обладали таким характером. Многие из них были удивительно способными и проницательными людьми. Они признали необходимость наличия способностей и высокого характера в своем Сенате. У них самих было достаточно старой римской исключительности, чтобы не обесценивать свои почести, и вполне вероятно, что при их правлении Сенат был таким же почетным и способным органом, каким он был в любое время при республике.

Чувство *обязывающего благородства* было прочно внедрено в этот сенаторский класс. Богатство большинства членов также ставило их выше более низменных искушений. Сенатору не разрешалось заниматься каким-либо коммерческим или финансовым бизнесом. До сих пор сохранилось древнее представление о том, что единственными по-настоящему почетными занятиями за деньги были война и сельское хозяйство. Сенатор мог владеть землей и распоряжаться ее продуктами или получать ренту, но он не мог, например, быть ростовщиком или сборщиком налогов. Иногда, без сомнения, сенатор уклонялся от выполнения этих положений, используя "подставное лицо", но мы не должны копаться слишком глубоко под поверхностью. В качестве компенсации за эту инвалидность именно из сенаторского сословия были выбраны все губернаторы важных провинций, за исключением Египта, и все высшие военные чины. На этих должностях они получали жалованье. Например, губернатору Африки платили 10 000 фунтов стерлингов в год.

Такие люди не были простыми неопытными аристократами или плутократами. В юности они регулярно проходили военную подготовку, а затем занимали незначительные гражданские должности, обычно предполагавшие некоторые знания в области государственных финансов. Затем они перешли в Сенат и приняли участие в его делах; затем занимали другие государственные должности, которые обучали их практическому управлению и, возможно, юридическим процедурам; а затем были поставлены командовать "легионом", то есть бригадой или *армейским корпусом*. После достойного выполнения таких функций сенатора могут отправить управлять Сирией, Македонией, Великобританией или какой-либо другой провинцией. В то время он был человеком с богатым опытом и зрелыми суждениями, обученным официальной дисциплине и этикету, а также знаниям. Именно такого человека Павел встретил на Кипре в лице губернатора Сергия Павла или в Коринфе в лице Галлиона.

Некоторыми более мелкими провинциями могли управлять люди другого сословия, которые не были наполнены сенаторскими традициями и не прошли сенаторскую карьеру. Это были всего лишь "факторы" или "агенты" Цезаря, и среди них были Понтий Пилат, Феликс и Фест, которые управляли Иудеей во времена Нового Завета.

Следующим по рангу после сенаторского ордена был орден "Рыцарей". Если сенаторы представляют, в определенном смысле, титулы пэров и баронетов, то следующий орден представляет — также в определенном смысле — рыцарское звание. Вообще говоря, она охватывала то, что мы должны были бы назвать верхушкой среднего класса, и особенно тех, кто связан с высшими сферами финансов; такие люди, как у нас, были бы директорами или менеджерами крупных компаний и банков. В него также входили лица, которых глава государства предпочел удостоить чем-то меньшим, чем сенаторское звание. Многие из этих людей были чрезвычайно богаты, но минимальный имущественный ценз составлял всего 3200 фунтов стерлингов, и римские граждане, обладавшие такой суммой, были довольно склонны выдавать себя за рыцарей, и о них обычно говорили как о таковых, используя своего рода вежливый титул, хотя их имена нельзя было найти в официальных списках. Хотя несколько императоров делали все возможное, чтобы прекратить эту практику, эти попытки по большей части были бесплодными. Когда-то в Англии "эсквайры" были классом с определенными признанными претензиями, но ничто не могло остановить вежливую тенденцию добавлять "эсквайр" к имени человека в частном письме. В чем-то похожий случай был и в Риме, хотя эта практика не зашла так далеко.

Тем не менее существовал отчетливый и официальный список "римских рыцарей", которых глава государства удостоил публичного вручения "золотого кольца" - церемонии, соответствующей королевскому удару мечом в наше время. Этот орган, восседавший на лошадях, номинально представленный публике, и проезжавший в процессии по улицам, ежегодно пересматривался. Объявлялся их список, и если имя было опущено на положенном месте, это означало — без необходимости объяснений, — что по воле императора данное лицо перестало быть рыцарем. Каждый член уже упомянутого высшего или сенаторского ордена по праву был рыцарем до тех пор, пока он фактически не стал сенатором, с этого времени он перестал пользоваться привилегиями рыцаря, потому что он пользовался привилегиями более высокого ранга. Ибо в каждом конкретном случае были как привилегии, так и недостатки. Как сенатор мог управлять большими провинциями и командовать армиями, но не мог заниматься чисто финансовым бизнесом; так и рыцарь мог — и делал это почти в одиночку — руководить крупными финансовыми предприятиями римского мира, но не мог ни командовать армиями, ни занимать какие-либо важные государственные должности или высшие провинциальные назначения, за исключением наместничества в Египте. По отношению к сенаторам император технически был лишь "первым среди равных"; он был первым сенатором, а также первым человеком государства. В то время сенатор занимал бы действительно государственную должность, гражданскую или военную, вместе с этим "вышестоящим равным" или под его началом, но он не действовал бы в качестве его личного агента или помощника. Римский аристократ еще не научился служить в этом качестве, тем более в "домашнем" штате автократа. Тогда еще не было высокопоставленных римлян, занимающих должность лорда-верховного камергера, не говоря уже о личном секретаре. "Рыцари" занимали иное положение. Они были готовы стать личными агентами императора, точно так же, как они были готовы стать агентами любого другого человека, если им будет достаточно вознаграждено. Они выполняли бы его

личные приказы, будь то управление его поместьями, сбор провинциальных доходов или освобождение от какой-либо рутинной части его собственной официальной работы.

Отсюда следует, что часто быть рыцарем было выгоднее, чем сенатором, и многие сенаторы не отказывались от своего звания по тем же причинам, которые побуждают современного пэра служить в компаниях или пэриссу открывать лавку. С другой стороны, многие рыцари отказались бы стать сенаторами, по крайней мере, до тех пор, пока они в достаточной степени не взбьют перья в своем гнезде. Стимулом к тому, чтобы стать или оставаться сенатором, были социальный ранг, честь и достоинство с их внешними знаками отличия и оказываемое им почтение, место в первом ряду и прием при дворе. В этом отношении жены также принимали участие, и в Риме влиянием жены нельзя было пренебрегать.

Если бы вы встретили сенатора или лицо сенаторского ранга на улице, вы узнали бы его по широкой пурпурной полосе, которая проходила спереди, а возможно, и сзади, по его тунике, и по серебряному полумесяцу или эмблеме из слоновой кости, который он носил на своих черных ботинках. Его жена, пожалуй, излишне говорить, еще больше демонстрировала то, что называется "широкой полосой". Если бы вы встретили рыцаря, вы бы определили его положение по двум узким пурпурным полоскам, появляющимся на одной и той же части его одежды. Каждый носил бы золотое кольцо; но само по себе это ничего бы не доказывало, поскольку, несмотря на все попытки запретить этот обычай, каждый римлянин, который мог позволить себе золотое кольцо, позволял себе такую роскошь.

Если вы войдете в один из больших полукруглых театров, описание которых будет дано позже, вы обнаружите, что люди в широких нашивках уселись в кресла, стоявшие на уровне перед сценой, в то время как те, кто носит узкие нашивки, займут первые четырнадцать ярусов кресел, возвышающихся сразу за ними. Никто другой не мог бы занять эти места. Если бы кто-то, кто ненадлежащим образом выдавал себя за рыцаря или был понижен в звании из-за того, что растратил свой кредит и свои деньги и больше не обладал ни 3200 фунтами стерлингов, ни репутацией, отважился бы сесть в четырнадцати рядах в надежде остаться незамеченным, билетер немедленно потребовал бы его удалиться. Снобы иногда предпринимали такую попытку, и несколько позже у нас появилась забавная эпиграмма Марциала о человеке, который неоднократно, но безуспешно уворачивался от билетера и в конце концов был вынужден преклонить колени в проходе напротив конца четырнадцатого ряда, где тем, кто стоял сзади, могло показаться, что он сидит среди рыцарей, в то время как технически он мог утверждать, что вовсе не сидел.

Также и в других местах, как, например, на скачках на колесницах в цирке и на гладиаторских представлениях в амфитеатре, для двух орденов были отведены особые места.

Ниже сенаторов и рыцарей стоял "народ" — "палата общин", или "третье сословие", — со всеми его обычными рангами и обычным разнообразием занятий или их отсутствием, манер и характера или отсутствием того и другого. С жизнью этих людей, как и с жизнью дворянина, мы разберемся в свое время.

Вот и все для собственно римского гражданина. Другими элементами населения были иностранцы. В Риме их было чрезвычайно много, и город в этом отношении можно назвать — как, собственно, его и называли — микрокосмом, уменьшенной копией или воплощением римского мира. Галлы, африканцы, греки, евреи, сирийцы и египтяне были, пожалуй, самыми

распространенными, но особенно заметными были греки и евреи. Греки были признаны прежде всего умными людьми, художниками, светскими тусовщиками и литературными гидами. Евреи, образовавшие своего рода колонию в том, что сейчас известно как Трастевере — низменном квартале на другом берегу Тибра, — еще не были крупными финансовыми воротилами. Пока что это были в основном перекупщики и мелкие торговцы, печально известные своими странными привычками и фанатизмом своей религии, которая, тем не менее, обладала странной силой и сделала многих прозелитами даже высокопоставленных лиц, особенно среди женщин. Обычно считается, что Пoppея, жена самого Нерона, была такой прозелиткой, хотя странное представление о том, что она сама была еврейкой, не имеет под собой никаких оснований. Распространенной ошибкой является предположение, что евреи пришли в Рим только после разрушения Иерусалима. Рассеяние произошло задолго до того, как Рим имел какое-либо отношение к Иудее, и, естественно, предприимчивого еврея можно было найти во всех прибыльных местах, будь то в Александрии, Антиохии, Смирне, Коринфе, Риме или за их пределами.

В политическом смысле все эти иностранцы принадлежали своим собственным провинциям и общинам. Они могли быть гражданами там, но они не были гражданами в Риме. В Риме у них не было никаких общественных притязаний и никакой официальной карьеры, если только — что случалось нередко — они не получали за какую-нибудь услугу или какое-нибудь отличие римского гражданства. Иногда гражданство предоставлялось полностью городу или даже провинции. Как отец или дед святого Павла-еврей стал римским гражданином, мы не знаем. Их собственные способности или благосклонность императорам могли поднять таких граждан или их детей по всем ступеням, которые были открыты для обычного римлянина.

Вслед за иностранцами приходят рабы. В самом Риме они составляли около трети населения. Сейчас не время для подробного отчета об их трудоустройстве, обращении с ними или освобождении.

Пока достаточно того, что раб вообще не обладал никакими правами. Он был собственностью своего господина, который обладал над ним полной властью над жизнью и смертью, ограниченной только общественным мнением и благоразумными соображениями. Римлянин мог иметь в своем распоряжении одного раба или десять тысяч рабов. Он мог использовать их как ему заблагорассудится, убивать их, если захочет, и, с учетом определенных ограничений, освобождать их, если пожелает, при условии, что он не освободит слишком многих сразу. Последнее ограничение было особенно необходимым, поскольку раб, освобожденный своим хозяином с соблюдением надлежащих церемоний, *ipso facto* становился римским гражданином, но все еще был связан определенными узами верности своему бывшему хозяину. Для римлянина иметь слишком большую привязанность к "вольноотпущенникам", как их называли, могло оказаться опасным. "Вольноотпущенник", хотя и был гражданином, не мог сам заняться общественной карьерой; ни его дети, ни при обычных обстоятельствах; но в третьем поколении семья в этом отношении была совершенно равна любой другой римской семье.

Пока можно добавить, что наше представление о значении слова "раб" не должно быть настолько привязано к его современному употреблению. Многие такие рабы были людьми с большими специальными или общими способностями или людьми высокой культуры, особенно если это были греки, сирийцы, евреи или египтяне. Они часто превосходили своих хозяев и впоследствии, как свободные граждане, многое внесли в утонченность или чрезмерную

утонченность римской жизни. Возможно, стоит также мимоходом отметить, что поздний римский народ в немалой степени происходил от всего этого скопления иностранцев и освобожденных рабов, и что мы должны говорить с величайшей оговоркой, когда описываем современного римлянина как прямого потомка древнего рода, сражавшегося с Ганнибалом и покорившего мир.

ГЛАВА V

ИМПЕРАТОР НЕРОН

Примерно такова ситуация в центре управления. В роскошном здании на Палатинском холме — откуда произошло наше слово "дворец" - находится Его Высочество Клавдий Нерон, глава государства, главнокомандующий вооруженными силами, уполномоченный выступать в качестве народного трибуна и главы государственной религии: в наше время его обычно называют "Императором". Каждый день и ночь его дворец окружен полком императорской гвардии, а к его особе прикреплен специальный корпус телохранителей и санитаров. На практике, какой бы ни была теория, он контролирует законодательство и назначения; от него практически зависят все признанные различия в социальном ранге. Внизу, сбоку от Форума, находится здание Сената, в котором собирается дважды в месяц и чаще, если его вызывают, великий совещательный орган, который, несмотря на все беспорядки, гражданские войны и ограничения или расширения своей власти, является продолжением собрания почтенных римских отцов, впервые собравшихся около восьмисот лет назад. Эти люди, обладающие происхождением, богатством и, как правило, хорошей общественной подготовкой, являются номинальными сторонниками и руководителями содружества, которым все еще остается выполнять множество функций и управлять более мирными провинциями по—своему — особенно если они избавляют императора от неприятностей, - но на практике их контролирует Его Высочество всякий раз, когда это соответствует его целям. Они и император образуют партнерство во власти, но Сенат, безусловно, является младшим партнером. Они дают ему советы или санкционируют, когда он этого просит, и иногда они сдерживают его порывистость. Нехорошо отталкивать их, потому что они горды; они могущественны сообща, иногда индивидуально; и их моральный вес в армии и обществе не заслуживает презрения.

Таким образом, существует центральное правительство, в то время как в социальном плане существует рыцарский орден, зависящий по своему рангу от императора и во многих случаях находящийся на его службе. Ниже - население, официальным защитником прав и свобод которого является император, к которому теоретически любой римский гражданин может обратиться с апелляцией против смертного приговора или жестокого обращения. Трудно представить себе более сильную позицию для одного человека.

Когда мы рассматриваем это обширное скопление различных провинций с их расовыми, языковыми, религиозными различиями и привычками; когда мы вспоминаем, что в целом оно управлялось строго, энергично и юридически; трудно — даже с учетом мудрого сената и способных министров — найти человека, компетентного для этой должности.

Тем не менее Август добился заметного успеха, и Тиберий не менее; Клавдия, несмотря на определенную слабость, ни в коем случае нельзя назвать неудачником; после Нерона Веспасиан и Тит были достаточно способными; в то время как Траян не заслуживает ничего, кроме восхищения. С другой стороны, Калигула, это правда, имел в своем творчестве нечто

большее, чем просто налет безумца, и считал себя всемогущим наравне с Юпитером. Нерон начал хорошо, но тщеславие, порок и расточительность довели его до поразительной степени безумия и угнетения. Тем не менее следует отметить, и это следует твердо подчеркнуть, что то, что называется тиранией Калигулы и Нерона, в основном — а в случае Калигулы почти исключительно — является тиранией, затрагивающей самих римлян, затрагивающей жизни и имущество римских сенаторов и других выдающихся личностей, а также затрагивающей жизни и честь их жен и дочерей. Протест против этих двух императоров исходит от римлян, а не от подвластных народов. По крайней мере, при Калигуле провинции были такими же мирными и процветающими, как и в другие времена. Это правда, что безумец когда-то намеревался настоять на том, чтобы евреи установили его собственную статую в иерусалимском храме, но это произошло потому, что его тщеславие было задето их нежеланием. При Нероне ситуация была во многом такой же. Его тирания по большей части принимала форму жестокости, оскорблений и грабежей в самом Риме. Только когда он безнадежно увяз в долгах, он начал грабить провинции, а также Италию, требуя денежных взносов, и, в частности, конфисковывать греческие произведения искусства, не платя за них. Ошибочно думать, что Нерон привычно и без зазрения совести попирает своей окровавленной ногой права и привилегии провинций, или вытягивал из них последний пенни, или преследовал, убивал и насиловал по всей империи.

Нет ничего, что указывало бы на то, что в течение большей части его правления провинции в целом ощущали какую-либо существенную разницу между правлением Нерона и правлением Клавдия или что они особенно радовались его падению. Во многих кругах он был любимцем. Во второй половине своего правления он выставил себя в глазах уважаемых римлян грубым животным, а часто и дураком. Но, как и в случае с Калигулой, скорее в его ближайшем окружении его тирания считалась невыносимой; то есть среди мужчин и женщин, которые имели несчастье встретиться на его пути с достаточным количеством денег или красоты, чтобы пробудить в нем алчность. И это были сами римляне, сенаторы и рыцари, а не простые люди, и лишь в малой степени, если вообще были, провинциалы Испании, Греции или Палестины.

[Иллюстрация: рис. 13.БЮСТ СЕНЕКИ. Archeologische Zeitung.]

Возможно, сейчас самое время немного присмотреться к этому Неро, чье имя заслуженно вошло в поговорку, обозначающую бессердечное скотство. В 64-м году ему 27 лет, и он сидит на троне уже десять лет. Пройдет еще четыре года, прежде чем он умрет с криком: "Какого художника теряет мир!" В ранние годы его порочные наклонности, унаследованные от отвратительного отца, сдерживались отчасти его наставником, философом Сенекой, и Буррусом, командующим императорской гвардией, отчасти его властной и вспыльчивой матерью Агриппиной, которая, кажется, так сильно походила на мать лорда Байрона. Но к этому времени он избавился от обоих своих наставников. Бурр был мертв, вероятно, от яда, а Сенека был вынужден уйти в отставку. Император также был причиной убийства своей собственной матери. Отравление, удушение, утопление или приказ — явный или подразумеваемый — уйти из этой жизни были его способами избавиться от любого инкуба по свободной воле. Его безумства и пороки проявились с самого начала и доходили до возмутительных пределов, но теперь он совершенно беспрепятственно демонстрирует их.

[Иллюстрация: Фото—Mansell & Co. РИС. 14 —БЮСТ АГРИППИНЫ, МАТЕРИ НЕРОНА.]

Получив небольшое философское образование, но лучше разбираясь в музыке и литературе, он, как и другие люди его времени, мог говорить по-гречески, а также на своей родной латыни. Его целью было стать "художником", но если недостаток равновесия, который слишком часто сопутствует тому, что называется "артистическим темпераментом", когда-либо проявлялся в своей худшей форме, то это было у Нерона. Помимо страсти к музыке и стихам, у него рано развилась мания к скачкам, и когда его поймали за разговором в школе — где подобные разговоры были запрещены — о возничем, который выпал из своей колесницы и был проташен по земле, он объяснил, что обсуждал отрывок из Гомера, где Ахилл тащит тело Гектора вокруг стен Трои. В "загробной жизни" он развил обе формы мании до поразительных пределов. Высшая форма музыки тогда была представлена пением под аккомпанемент арфы. Честолюбием Нерона было ни больше ни меньше, как соревноваться с лучшими менестрелями мира. Как он заметил, "музыка не является музыкой, пока ее не услышат", и он решил публично выступать на сцене, как любой профессионал. Всякий раз, когда он это делал, несколько энергичных молодых людей, нанятых специально для этой цели, распределялись среди аудитории в качестве *клакеров* — слова, фактически использовавшиеся для их обозначения, возможно, можно перевести как "бумеры" или "гремучники". Он исполнял роли в пьесах — действие, которое соответствовало бы выступлению в опере, — и совершил странствие по Греции и обратно через Неаполь в качестве представителя искусства пения под аккомпанемент арфы. Во время этого турне, когда бы он ни выступал в театре, двери были закрыты, и никто не мог покинуть здание ни по какой причине. "Многие, - говорит автор мемуаров, - так устали слушать и восхвалять, что спрыгивали со стены или притворялись мертвыми, чтобы их вынесли". Естественно, он всегда получал приз, и, со своей стороны, следует отметить, что он искренне верил, что заслужил его. Он усердно тренировался, занимался тяжелой физической подготовкой, регулировал свой рацион питания, чтобы улучшить свой голос, который от природы был не из лучших, и, вероятно, стал вовсе не плохим любителем. Его чудовищное самомнение довершило остальное. Помимо пения под арфу, он был готов выступить на флейте и волынке, а затем исполнить танец. Все это, конечно, было недостойно и нелепо, но вряд ли это была тирания. Несомненно, зрители достаточно страдали, но эта жестокость вряд ли была преднамеренной. У римского аристократа, чей идеал поведения включал достоинство и серьезность, эти публичные выступления, возможно, часто вызывали больше негодования и презрения, чем его чувственные пороки. Такое же презрение часто вызывали другие мероприятия подобного характера. Его ненасытная любовь к скачкам, или, скорее, к гонкам на колесницах, побудила его выступить и в роли возничего. Сначала он практиковал в своем обширном частном парке или садах, которые располагались по ту сторону Тибра на территории, сейчас примерно занимаемой собором Святого Петра и Ватиканом. Когда он выступал на Олимпийских играх за рулем упряжки из десяти лошадей, его выбросило из машины, и пришлось снова поднимать в нее. Хотя в конечном итоге он был вынужден отказаться от участия в гонке, он, конечно же, все равно был признан победителем. Он также увлекался живописью и моделированием.

Мы не должны слишком долго останавливаться на его эксцентричности. Можно было бы описать, как в ранние годы он часто надевал штатское и бродил по ночам по улицам с несколькими отборными ирокезами, врвался в магазины и оскорблял уважаемых граждан, выбрасывая их в канализацию, если они сопротивлялись; как однажды, будучи неузнанным, он получил хорошую взбучку от человека сенаторского звания, и с тех пор в таких случаях его сопровождала полиция, следовавшая на расстоянии. Можно было бы описать его

игру в кости по 3-4 фунта за пункт или его банкеты, на одном из которых он заплатил целых 30 000 фунтов за розы из Александрии. После великого пожара, охватившего большую часть Рима в этом самом 64 году, он начал строить свой огромный Золотой дом, в котором стояло его колоссальное изображение высотой 120 футов, а окружность колоннады составляла три римские мили. Остается под вопросом, намеренно ли он поджег город, чтобы освободить место для этого грандиозного дворца. В то время в это, естественно, верили, и, чтобы отвести от себя подозрения, он обратил их на тех людей, к которым римское население испытывало в тот момент величайшее презрение, из-за, как выразился историк, их пагубного суеверия и глубокого подозрения, что они питали "ненависть ко всему роду человеческому". Это была новая секта христиан, и в одну знаменитую ночь Нерон поджег свои сады с помощью сжигающих христиан, чтобы умиротворить население, которое он оскорбил, но которое по большей части любило его за неуместную щедрость в вопросе "хлеба и развлечений". Терпимое отношение римлян к иностранным религиям будет обсуждаться в отдельном месте; но жестокость Нерона в 64 году вряд ли можно считать религиозным преследованием, в какой-либо мере типичным для римского правительства.

Чувственные пороки Нерона неописуемы, и этого слова должно быть достаточно. Его расточительность, будь то в виде щедрых подарков или личных расходов, вскоре привела его к банкротству. У него не было средств ни платить солдатам, ни удовлетворять свои собственные аппетиты. Затем начались или усилились его нападения на богатых людей, казни и изгнания сенаторов и других богатых людей, а также надуманные предлоги для всевозможных конфискаций. Сенат он ненавидел, а Сенат ненавидел его. Тем не менее, что касается самой империи, то никакого систематического или повсеместного угнетения не могло быть заметно. Его чиновники и чиновники Сената, по-видимому, все это время управляли законом и налогообложением по всей империи так разумно и неуклонно, как если бы на троне восседал Август.

Если мы хотим представить себе Нерона, вот его описание: "Он был довольно высокого роста; его кожа была покрыта пятнами, от него неприятно пахло; его волосы имели желтоватый оттенок; его лицо было скорее красивым, чем привлекательным; его глаза были серовато-голубыми и близорукими; его шея была толстой; он выступал ниже талии; его ноги были очень стройными; у него было хорошее здоровье".

Таков был человек, к которому святой Павел решил передать свое дело, когда в Кесарии он воспользовался своей привилегией римского гражданина и обратился к титулованному протектору общины. "Ты взывал к кесарю, и к кесарю пойдешь". Действительно, нет большой вероятности, что апостола когда-либо приводили непосредственно к этому драгоценному императору. Возможно, мы сможем извлечь из нашего внутреннего сознания сложные и интересные картины двух мужчин, противостоящих друг другу, но мы не должны забывать, что это будет чистое воображение. Апелляция гражданина не подразумевала такого права на собеседование, поскольку цезарь в таких незначительных случаях обычно делегировал свои полномочия другим судебным органам Рима. Цель Павла была достигнута, если бы его дело было безопасно удалено от местного влияния Иудеи и более слабой политики ее губернатора, "агента Кесаря", в столицу с ее людьми более широкого кругозора и их превосходством перед мелкими взятками и местным вмешательством.

[Иллюстрация: рис. 15.—БЮСТ НЕРОНА.]

ГЛАВА VI

УПРАВЛЕНИЕ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ

Теперь мы переходим к рассмотрению методов, с помощью которых была организована и управлялась эта огромная империя.

И сначала давайте заметим, что римляне — какими бы строгими приверженцами дисциплины и великими юристами они ни были — никогда не стремились навязать подвластным провинциям какое-либо единообразие. Они никогда не стремились, так же как и Великобритания, установить единый кодекс законов, единую форму управления, единый стандарт прав, единую ставку налогообложения, единую религию и сделать их одинаково применимыми к Испании и Британии, Греции и Африке, Галлии и Малой Азии. Конечно, существовали общие для всей империи определенные правила, необходимые для цивилизации, определенные естественные законы и законы всех наций. Убийство, насилие, грабеж, преднамеренное святотатство и так далее карались повсюду, хотя не обязательно одной и той же властью и одинаковым образом. Везде обязательно считалось, что контракты должны быть выполнены, а долги уплачены. Помимо того факта, что Рим требовал мира, порядка и основ цивилизованной жизни и предоставлял механизмы для достижения этих целей, его мало беспокоили различия в местных процедурах и разновидностях местного законодательства, пока римское правление было должным образом признано и римские налоги должным образом выплачивались. Как и в случае с Великобританией, ее заботил результат, а не техника, или, как выразился великий римский историк, она "ценила реальность империи, а не шоу".

За пределами Италии простирались провинции. В разное время они были завоеваны или мирно аннексированы. Ряд небольших государств заключили постоянный союз. Некоторые провинции, такие как Галлия, раньше были разделены между племенами и племенными вождями. Некоторые из них, такие как Греция, состояли из высокоразвитых городских сообществ с небольшими территориями и управляли своими собственными делами, хотя все они могли в равной степени признавать сюзеренитет какого-нибудь могущественного князя. Некоторые из них, такие как Каппадокия, Сирия и Египет, находились под властью своих местных царей. Иудея была своеобразным примером небольшого теократического государства, в котором главная власть принадлежала священникам.

Рим был слишком мудр, чтобы вмешиваться в существующие условия больше, чем это было необходимо. Она предпочла, насколько это было возможно, принять существующий механизм и использовать его, лишь с необходимыми изменениями, в качестве своего инструмента управления. Синедриону в Иерусалиме, например, она предоставила обширную уголовную юрисдикцию в отношении церковных правонарушителей, при условии, что эта юрисдикция не ограничивала универсальные права "римского гражданина".

Когда провинция была завоевана, вся ее территория технически становилась собственностью римского государства. Часть его сохранялась как таковая, а рудники по добыче золота, серебра, свинца, железа и соли или карьеры по добыче мрамора, гранита и гравия обычно передавались в государственную собственность. Если было целесообразно выделить какую-то часть завоеванной земли римскому поселению — обычно поселению солдат-ветеранов, называемому "колонией", — это делалось. Такое поселение означало основание города, которому был предоставлен определенный участок земли. Те, кто принимал участие в его

формировании, были "римскими гражданами" и не утрачивали никаких прав как таковых. Поскольку коренные жители приезжали сюда из окрестных районов, чтобы поселиться в нем, они также, по-видимому, довольно легко получали аналогичные привилегии. Здесь римское право существовало во всей своей полноте. Колония была почти в точности маленьким Римом с точки зрения своей системы должностных лиц и своей юридической процедуры. Иногда город, который изначально не был основан подобным образом, мог быть превращен в "колонию", получив призыв римлян, а иногда это делалось просто в качестве комплимента. В восточной половине империи такие поселения были сравнительно редки; они были всего лишь точками на карте, как в Коринфе, Филиппах, Антиохии в Писидии или Кесарии. На Западе их было гораздо больше. На юге Франции их было много; некоторое количество также существовало на юге Испании. В этих краях действительно было посажено так много растений, что они, как уже отмечалось, были полностью латинизированы. Дальше на север Кельн до сих пор носит свое римское название Колония. Тем не менее на Западе большая часть земель провинций еще далека от того, чтобы быть захваченной колониями в 64 году.

Помимо присвоенных таким образом земель, что происходит с остальной завоеванной территорией, которая теоретически является римской собственностью? Как правило, он возвращается его первоначальным обитателям при условии, что они платят за него арендную плату, будь то деньгами или натурой, или частично каждым из них. Египет платит натурой, когда отправляет в Рим зерно крупными торговыми судами; Африка платит натурой, когда делает то же самое; голландские фризцы платят натурой, когда поставляют определенное количество шкур. До правления императора Августа в империи вообще существовала отвратительная система десятины, которую собирали компании. Но после него и в наши дни по большей части оплата производится фиксированной суммой денег, которая была рассчитана на основе этих десятин. В имперском архиве имеется реестр площади земли в данной провинции и оценка ее производственной ценности. Таким образом, размер земельного налога, подлежащего уплате в римскую казну, является фиксированным. Тем, кто читает в Новом Завете, что Август Цезарь издал приказ о том, что "весь мир — то есть римский мир — должен быть обложен налогами", не составит труда понять, что это значит. "Облагаемый налогом" на древнеанглийском означает оцененный, например, когда мы говорим о "обложении налогом счета расходов". Греческое слово означает просто, что должна быть произведена регистрация. Приказ Августа состоял в том, что по всем провинциям должна быть проведена перепись населения; что следует произвести подсчет населения, имущества, профессий и всего, что разумное правительство требует знать; и что таким образом должны быть определены выплаты. Весь мир был "обложен налогами" в современном смысле задолго до Августа, и с тех пор он облагается налогами, к сожалению, без особых обещаний передышки.

Основные доходы Рима поступали от этого поземельного налога; но в сочетании с другими налогами значительная его часть расходовалась на управление провинцией, из которой он поступал. Не может быть большей ошибки, чем предположить, что римские офицеры просто пришли и увезли все эти деньги в качестве добычи в Рим для баловства его императора и населения. Естественно, что баланс, накопленный на прокорм Борна, на развлечения Рима и римские постройки, был очень велик; и, несомненно, этот факт плохо сказывался на моральном духе самого Рима и требует значительной казуистики для его защиты. Но было бы чудовищным заблуждением воображать, что вся "дань, выплачиваемая цезарю", была полностью истощена в результате акта явного угнетения, год за годом полностью выводимого из провинции. Ни одна страна не может быть защищена, находиться под контролем полиции и вершить правосудие без

налогов, и жители провинций платили не больше, а часто гораздо меньше, а также платили это более справедливым и рациональным способом, чем когда их облагали налогами их собственные короли, их собственные олигархии или их собственные социалистические демократии. Римские поселения—колонии - за исключением случаев особого освобождения, должны были платить земельный налог в том же размере, что и любая другая община. Единственной страной, которая была освобождена от него, была Италия, и Италия платила множество других налогов, чтобы компенсировать это, по крайней мере частично. Но хотя Италия была в первую очередь в глазах императора, император ни в коем случае не был безразличен к благосостоянию провинций. Если на город обрушивалось землетрясение, пожар или другое крупное бедствие, император отнюдь не редко посылал крупную сумму денег на помощь.

Помимо земельного налога существовал также налог на физических лиц и движимое имущество. Налог на людей был не совсем подушным сбором, за исключением таких мест, как Британия и Египет, где в противном случае было трудно произвести правильные расчеты, а налогом на профессии. Это, если мы захотим, может быть отнесено к грубой форме подоходного налога, хотя на самом деле он не начислялся на доход. В другом смысле это можно рассматривать как налог на лицензию, предполагая, что мы требуем лицензии на любой вид деятельности. Италия снова была освобождена и от этого налога. Очевидно, что для внедрения этой системы была необходима перепись, причем регулярно пересматриваемая; и Риму требовалась целая армия агентов, точно так же, как это потребовалось бы современному государству, для оценки и сбора этих взносов.

Земельный налог и налог с населения были двумя основными источниками доходов Рима. Они были регулярными и прямыми. Были и другие, которые, как и наши собственные налоги, могли увеличиваться или уменьшаться в зависимости от обстоятельств, но по большей части оставались практически на одном уровне при нескольких сменявших друг друга императорах. Например, существовали таможенные пошлины, уплачиваемые на границах империи, а также на границах провинций или естественных групп провинций, не как часть какой-либо защитной системы, поскольку империя едина, а как средство получения денег от товаров. В Италии действовала пошлина в размере 2-1 / 2%. Предметы роскоши, ввозимые из Индии и Аравии через порты Красного моря, облагались специальным налогом в размере 25%. Если вы продавали раба, вы платили от 2 до 4 процентов от суммы покупки. Иногда существовал налог на холостяков. В Италии, но не где-либо еще, 5-процентный налог на наследство выплачивался, если получатель не был близким родственником и если сумма наследства не превышала 1000 фунтов стерлингов.

Добавьте к этим доходам арендную плату за государственные пастбища, государственные леса и государственные шахты. В казну поступало также не востребованное имущество и собственность определенных классов осужденных преступников.

Вот и все о характере налогообложения. В том, что касается правления, римляне были на редкость либеральными. Когда провинция была завоевана или аннексирована, Сенат отправлял комиссию из десяти человек, которые тщательно изучали существующее положение вещей, законы и формы управления, фактически бывшие в моде, и составляли конституцию для провинции, воплощая в себе столько из них, сколько было возможно или вообще заслуживало похвалы; фактически, столько, сколько было совместимо с римскими связями. Эта конституция,

одобренная Сенатом, имела обязательную силу для любого губернатора, назначенного Римом в провинцию. Такой губернатор мог толковать закон; он не мог его изменить.

Но хотя провинция была единым целым, поскольку подчинялась одному правителю, римляне твердо верили в строго местное управление. Их политикой в этом, как и в завоевании, было "разделяй и властвуй". Их целям не соответствовало осознание какой-либо значительной частью империи корпоративного существования. Административной единицей был, таким образом, город и его округ - "община". В Галлии насчитывалось около шестидесяти таких подразделений, каждое из которых примерно соответствовало по размеру современному французскому "департаменту". Такое сообщество имело свой собственный местный совет и должностных лиц, которые в конечном итоге были ответственны перед губернатором. Пока они правильно и честно выполняли свои муниципальные функции, им никто не мешал. Главный принцип, на котором настаивал Рим, заключался в том, что их местное самоуправление должно быть аристократическим, или, скорее, что должность должна основываться на богатстве. Губернатор, конечно, вмешался, когда почувствовал, что это его долг. От него требовалось подавить все тайные общества или политические союзы. Забастовка пекарей в одном городе Малой Азии была быстро подавлена губернатором как вмешательство в общественный порядок и общественные нужды.

Общины издавали свои собственные подзаконные акты, они собирали земельный налог в своем собственном округе и передавали его финансовому представителю римского правительства. Это делали люди из их собственного народа, часто низшего класса, известные в Евангелиях как "мытари", которые так часто ассоциировались с грешниками. Святой Матфей был одним из второстепенных агентов по сбору таких пожертвований в Галилее. Другие налоги — те, что были косвенными, — могли взиматься крупными налоговыми компаниями римских "рыцарей", которые предлагали за них правительству единовременную сумму и извлекали из этой сделки все, что могли.

Одним из побочных последствий этого систематического разделения на коммун стало распространение по всей империи сильного муниципального патриотизма, особенно в греческом мире. За этим последовали щедрые местные расходы со стороны богатых провинциалов на украшение своих центров общественными зданиями и произведениями искусства, в основном, без сомнения, ради местных почестей, которыми они были вознаграждены, но тем не менее оказанных.

Большинство городов или общин по всей империи находились в описанном положении. Однако некоторые общины, такие как Фессалоники, хотя и располагались внутри провинции, в прошлом за какие-то особые заслуги были освобождены от вмешательства губернатора, и им было разрешено в полной мере применять свои собственные законы даже в отношении римских граждан, которые могли там проживать. Они назывались "свободными" городами. В других случаях сообщество, вступившее в добровольный союз с Римом в определенный момент и до завоевания, все еще рассматривалось как "союзное" государство и было освобождено ни от вмешательства, ни от налогов, при условии, что оно предоставляло свою норму солдат по мере необходимости. Такие города, однако, были явным исключением, и большинство из них в конце концов предпочли войти непосредственно в сферу римского управления. Они часто находили свое бремя меньшим и менее капризным, чем когда они облагали себя налогами через свои собственные органы власти.

Функция губернатора заключалась в том, чтобы следить за тем, чтобы различные местные органы выполняли свою работу, соблюдали свои права и платили налоги. Он также, либо лично, либо через своих заместителей, вершил правосудие везде, где касались римские законы. Там, где они не были затронуты, он обязательно поступал так же, как Галлион поступил с обвинениями евреев против Павла в Коринфе; он отклонил это дело как не требующее его юрисдикции. Галлион сказал: "Если бы речь шла о проступке или преступлении, я был бы призван проявить к вам терпение; но если это вопросы (простых) слов и имен и вашего (еврейского) закона, вы должны позаботиться об этом сами". Когда стоявшие рядом греки начали избивать главного из иудейских обвинителей Павла, губернатор закрыл на это глаза. Возможно, это было проявлением небрежности, но могло показаться, что Галлиону почти нравилось их поведение.

В целях правосудия провинция была разделена на "Округа судебных присяжных", и губернатор или его заместители разъезжали по округам. В суде он сидел на возвышении в своем официальном кресле в окружении своих ликторов. Официальным языком суда и его протоколов, конечно, была латынь, но в восточной половине империи члены суда не всегда могли притворяться, что не понимают греческого. Однако, поскольку он не понимал бы иврит, евреям нужно было бы говорить через представителя, знающего латынь, и это, по-видимому, является причиной выступления Тертулла против святого Павла в Кесарии. Римский гражданин, то есть лицо, обладавшее всеми римскими правами, если он либо отказывался от юрисдикции, либо подвергался опасности быть приговоренным к смертной казни, мог, если только он не был пойман с поличным за определенные отвратительные преступления, обратиться к цезарю и потребовать, чтобы его отправили в Рим. Если только губернатору не были прямо возложены исключительные полномочия, или если дело не было настолько самоочевидным, что ему нечего было бояться отказа, у него не было другого выбора, кроме как отправить апелланта в метрополию. Прибывшего туда заключенного отводили в гауптвахту или камеры в казармах специального префекта, который отвечал за таких прибывших из-за границы, и его делом в надлежащее время занимался либо сам император, если оно было достаточно важным, либо магистраты, которым император делегировал свои полномочия для этой цели.

Между тем, жители провинций, не являющиеся полноправными гражданами Рима, не пользовались такой привилегией. Они не могли подавать апелляцию. Губернатор был верховным судьей, и его вердикт или приговор приводился в исполнение. В сомнительных вопросах, административных или судебных, губернатор мог обращаться к императору за указаниями или советом, и мы располагаем несколько более поздним собранием писем и ответов на них, которые таким образом передавались между Плинием и императором Траяном.

При взгляде на карту вы увидите, что некоторые провинции названы жирным шрифтом, а некоторые - курсивом. *Курсивом* выделены провинции, в которые сенат имеет право назначать губернаторов, в данном случае называемых "проконсулами". Конечно, Его Высочеству Главе государства милостиво угодно одобрить выбор Сената; это означает, что Сенат не будет предпринимать попыток назначить кого-либо, что не понравилось бы императору. Доходы этих провинций поступают в казну, контролируемую Сенатом. Из тех, кто указан жирным шрифтом, император сам является губернатором или проконсулом. Теоретически он назначен

губернатором всех этих стран просто потому, что они содержат армии или могут нуждаться в них, и он является главнокомандующим этими армиями. Но поскольку он находится в Риме и в любом случае не может быть везде одновременно, он управляет всеми такими провинциями посредством своих заместителей, которых он назначает сам. Они его лейтенанты, и их так называют, а именно "лейтенанты Цезаря" и "заместители командующего". Доходы этих имперских провинций собираются "агентом" или "фактором" цезаря и поступают в казну, контролируемую императором. В любой из своих провинций император был бы ее губернатором и осуществлял бы обычные военные и гражданские полномочия губернатора. Его наместник в каждой провинции просто действует вместо него, получает те же полномочия и является губернатором этой провинции точно так же, как проконсул, посланный Сенатом, является губернатором в его собственной. Но в то время как губернаторы сенаторских провинций носят мирную одежду и назначаются, как и другие гражданские чиновники, только на один год, "заместители Цезаря", главнокомандующего, носят военную форму и остаются на посту ровно столько, сколько их начальник сочтет нужным. Это похоже на то, как если бы в наше время губернатор одной провинции появлялся на публике в гражданской одежде, а губернатор другой - в форме.

Фактическим результатом этой системы было то, что провинции императора в целом управлялись лучше, чем провинции сената. В последнем случае перемены происходили слишком часто, и губернатор иногда мог напрячься, чтобы быстро обогатиться. Но ни в коем случае нельзя вообразить, что в то время губернатор мог безнаказанно грабить или притеснять провинциалов, как он слишком часто делал в старые добрые времена республики. Ему выплачивали жалованье, которое могло достигать 10 000 фунтов стерлингов; его пособия и право производить реквизиции, такие как соль, дрова и сено во время путешествий, были строго определены законом; любое явное вымогательство, притеснение или нечестность влекли за собой возможность импичмента; и такое обвинение было предъявлено с достаточной долей вероятности. Среди стольких губернаторов было неизбежно, что некоторым должен был быть объявлен импичмент. Мы знаем о двадцати семи случаях, в результате которых было вынесено двадцать обвинительных приговоров и только семь оправдательных. Императоры, по крайней мере, внимательно следили за своими собственными провинциями; они также не потерпели бы никаких грубых нарушений в тех других провинциях, которые номинально контролировались сенатом. Покидая свою провинцию, каждый губернатор должен оформить дубликаты своих счетов: один оставить в провинции, другой переслать в Рим.

В *Деяниях апостолов* мы имеем упоминание о двух губернаторах сенаторских провинций - другими словами, о двух "проконсулах" — Галлионе в Ахайе (или Греции) и Сергии Павле на Кипре. Поучительно сравнить снисходительное и здравомыслящее отношение этих образованных римских аристократов к буйным местным толпам, которые расправлялись со святым Павлом в Малой Азии, Иудее или Греции. Из второстепенных губернаторов небольших провинций, именуемых "агентами" или "факторами" Цезаря, мы встречаемся с Понтием Пилатом, Феликсом и Фестом.

Остается только отметить, что, в то время как казначейство Сената, получавшее доходы от сенаторских провинций, оплачивало расходы по их управлению, а также по управлению Италией, казначейство императора, получавшее доходы от других провинций, обеспечивало их управление, жалованье армии, снабжение Рима зерном и водой, общественные здания, большие военные дороги и императорскую почту. Тем не менее император мог распоряжаться

всеми этими последними деньгами именно так, как ему заблагорассудится, и именно из этого сундука Нерон черпал средства для всех своих расточительных поступков и незаслуженных и расточительных щедрот. Однако даже Нерон вряд ли был так плох, как Калигула, который умудрился потратить 22 000 000 фунтов стерлингов менее чем за один год.

ГЛАВА VII

РИМ: ИМПЕРСКИЙ ГОРОД

В 64 году столица Римской империи была, это правда, большим и великолепным городом и "воплощением мира", но она еще не достигла ни зенита своего великолепия, ни максимума своих размеров. Многие из самых больших и роскошных сооружений, о которых у нас есть записи, и в большинстве случаев руины, еще не были построены или даже не рассматривались. Не было Колизея, не было Бань Траяна, Каракаллы или Диоклетиана. Колонна Траяна, все еще возвышающаяся на Форуме Траяна, и Марка Аврелия, ныне столь заметная на Пьяцца Колонна, относятся к более позднему времени. Так же как и три большие триумфальные арки, которые стоят до сих пор, — арки Тита, Севера и Константина. Мавзолей Адриана, ныне лишенный своего внешнего великолепия мрамора и скульптуры и известный как замок Сант-Анджело, не строился в течение двух поколений. Дворцы цезарей на Палатинском холме были широкими и величественными, но не более чем наполовину такими просторными и внушительными, какими они стали к концу следующего столетия.

Внизу, на Форуме, не было базилики Константина; место нескольких более поздних храмов и святынь заняли здания менее величественные; многие колонны и статуи, а также множество украшений из позолоты или мрамора были еще впереди. Рядом и за пределами двух украшенных общественных мест, которые были добавлены для общественного комфорта Юлием Цезарем и Августом и которые были известны соответственно как Форум Юлиана и Форум Августа, находились только дома горожан или улицы с магазинами. От Форума к более поздней Арке Тита и Колизею "Верхний священный путь" представлял собой всего лишь узкую дорогу между зданиями по большей части обычного характера, в основном магазинами, предлагающими блюда роскоши. Спустя два с половиной столетия эта улица была преобразована в широкий проспект, образующий достойный подход к "центру вселенной".

В руинах, которые лежат на Палатинском холме, или вдоль долины Форума внизу, или вверх по Священному склону к Колизею, или там, где улицы петляют от "Римского" форума через форум Траяна к Корсо, современный посетитель Вечного города видит не просто остатки храмов, залов, площадей и арок, которые действительно существовали во времена Нерона. Мы не должны говорить об этих местах, что святой Павел ступал по тем самым булыжникам мостовой или смотрел на те самые стены, которые мы сейчас находим в их изношенном и разрушенном состоянии. В некоторых случаях это может быть так; в большинстве, безусловно, иначе. Либо здания там не было, либо то, что мы сейчас видим, является частью реконструкции или расширения. Пожары, наводнения, землетрясения и износ со временем потребовали от многих перестроек или реставрации. В тот самый год, на который мы указываем, по всей этой части города прокатился, возможно, самый разрушительный пожар, который он когда-либо испытывал. Другое, лишь немного менее разрушительное событие произошло в 283 году нашей эры, и когда мы говорим, что остатки славы древнего Рима все еще видны на раскопанном

Форуме, мы должны признать, что слава, которую они представляют, - это слава места, восстановленного после того года.

Это не означает, что общий план и внешний вид заметно отличались при Нероне или что им не хватало великолепия; это всего лишь предостережение от частого неправильного представления.

[Иллюстрация]

[Иллюстрация]

Если на Форуме не было Арки Севера, то рядом с храмом Кастора была Арка Августа, увенчанная его статуей в четырехконной колеснице завоевателя, а рядом с храмом Сатурна была Арка Тиберия. Если на севере еще не было моста или "замка" Сант-Анджело в честь умершего Адриана, то на ближайшем берегу Тибра, недалеко от современной Пьяцца дель Пополо, находился великолепный мавзолей обожествленного Августа и его семьи. На главном форуме Храмы Весты, Юлия Цезаря, Кастора, Сатурна и Согласия существовали при Нероне в тех же местах и во многом в том же стиле, что и на протяжении всей остальной римской истории. Над ними возвышался Капитолийский холм с его великолепным храмом Юпитера на одной вершине и великим святилищем Юноны на другой. Дальше, на "Марсовом поле" — месте самой густонаселенной части современного Рима — находилось почти непрерывное скопление общественных зданий и курортов, театров, храмов, включая первую часть этого несравненного сооружения, Пантеон, единственное здание древнего Рима, которое все еще сохранилось практически целым, — бани, портики и закрытые прогулочные аллеи.

[Иллюстрация: РИС. 16. — НЕКОТОРЫЕ ОСТАТКИ АКВЕДУКА КЛАВДИЯ.]

В противоположном направлении тянулась Аппиева дорога, и в 64 году прекрасная гробница Цецилии Метеллы, столь знакомая по изображениям, стояла, возможно, самой благородной среди множества патрицианских гробниц. Апостол Павел, несомненно, проходил мимо него по пути из Путеоли. Акведук, множество арок которого до сих пор бросается в глаза при пересечении Кампаньи, был построен предшественником Нерона Клавдием, и он до сих пор носит его имя — Aqua Claudia. Там, где сейчас вы выходите из ворот собора Святого Павла За стены, стояла - более свободная и заметная, чем сейчас, — пирамида Цестия, рядом с тенью которой покоятся могилы английских Шелли и Китса. Во времена Нерона в этом месте не было ворот, поскольку великая стена, многие участки которой — более или менее восстановленные — все еще бросаются в глаза, не существовала до гораздо более позднего времени, когда империя уже была близка к своему падению и когда Аврелиан был вынужден признать, что сердце империи, остававшееся в безопасности на протяжении веков, должно, наконец, подвергнуться нападению. Действительно, существовала внутренняя стена древнего происхождения (ее можно увидеть на плане), которая окружала "Семь холмов" еще до того, как Рим стал хозяином не только своего небольшого окружения. Но город давным-давно перешагнул эту границу, и новые кварталы были так же открыты сельской местности, как и наши современные города.

Насколько далеко простирались пригороды или, точнее, насколько далеко простирался сам Рим во времена Нерона, решить непросто. Мы, по всей вероятности, будем близки к цели, если примем линию более поздней стены Аврелиана практически за границу того, что могло быть включено в "Столичную область". Общая окружность всего города составляла около

двенадцати английских миль, что несколько уступало окружности Александрии и, вероятно, Антиохии, хотя по реальной значимости эти города занимали лишь второе и третье места соответственно.

Некоторые районы в пределах этой линии были густо заселены, в некоторых домах, должно быть, было мало жилья. Особенно на верхних склонах холмов — Пинцианских, Квиринальских, Эсквилинских, Целианских и Авентинских — располагались просторные дома и сады богачей. Палатин был почти, хотя и не полностью, монополизирован императорскими дворцами и различными храмами. Марсово поле было в основном районом общественных зданий и площадок для прогулок и физических упражнений, хотя некоторые из лучших магазинов располагались совсем рядом с тем местом, где они стоят сегодня, в том фламинианском стиле, который сейчас называется Корсо Гумберта. С одной стороны, ниже Палатинского холма, пространство было занято огромным Цирком или ипподромом; с другой стороны располагались общественные места, известные как Форумы. Более бедным жителям было предоставлено тесниться в долинах города, либо между Форумом и отрогами нескольких холмов, которые тянутся к центру — вверх под Квириналом, Виминалом, Эсквилином или Целианом, — слева за зданиями, когда вы сейчас идете от подножия Форума к Колизею; или между Форумом и Тибром в низине, называемой Велабрум, и около нее; или же за рекой, в том "Транстиберском" регионе, который до сих пор носит название Тибра. Трастевере.

Поэтому, если спросить, каково могло быть население Рима эпохи Нерона, то не должно вызывать удивления, если тому, кто привык к нашим огромным современным городам, это число покажется сравнительно небольшим. Рим никогда не был центром мануфактур. Его богатство и роскошь почти полностью происходили из его империи, и это было подчеркнуто город для богатых и правящих классов. Во времена Нерона она все еще росла, и даже в период своего расцвета сомнительно, чтобы население когда-либо превышало или даже достигало миллиона с четвертью. Возможно, для 64-го года мы можем с наибольшей уверенностью предположить, что он составит около 750 000 человек.

* * * * *

Теперь представьте, что вы стоите в точке F в признанном центре римской жизни, "Римском форуме". Здесь, прежде чем мы начнем наше быстрое знакомство с городом, хорошо бы очистить наши умы от одного ложного представления, которое слишком часто преобладает. Подумайте о любом современном городе, который вам понравится, и помните, что, каким бы ни было скопление архитектурного великолепия вокруг того или иного места, жители этого города относятся ко всему этому фамильярно и без лишних сантиментов. Они будут открывать свои магазины или киоски везде, где им позволят; они будут продолжать свое движение и свои развлечения; они будут прогуливаться, сидеть на ступеньках и плохо себя вести, не чувствуя себя угнетенными каким-либо заметным благоговением перед окружающим миром. Так было, и даже в большей степени, в Древнем Риме. Тот факт, что со всех сторон были расположены святилища или общественные здания, не мешал римлянам слоняться без дела по Форуму, сидеть на ступенях храма или базилики, или прислоняться к его колоннам или статуям, или играть в своего рода шашки или нарды на его мраморных платформах — линии для размещения "мужчин" кое-где все еще видны на тротуарах — или даже нацарапывать имя или рисунок на колонне. В определенных частях Форума царила суматоха финансовых дел и, несомненно, при определенных ограничениях, движение разносчиков. Были выставлены диковинки, глашатай

выкрикивал свои объявления, и, короче говоря, это место почти так же свободно использовалось для вульгарных целей обычной жизни, как и для достойных собраний и церемоний, которые, на наш взгляд, кажутся ему гораздо более подходящими. Хотя мы еще не рассматриваем социальную жизнь Рима, будь то в помещении или на улице, представляется целесообразным сделать это замечание, прежде чем продолжить.

[Иллюстрация: РИС. 17.—РОСТРА: ВИД СЗАДИ. (Вероятная реставрация для 64 года н.э.)]

Давайте теперь остановимся на точке F и посмотрим вокруг, в сторону Капитолия, отмечая только основные черты сцены. Читателю не мешало бы ознакомиться с планом вместе с фронтисписом к этой книге. Мы находимся на открытом пространстве, вымощенном мраморными плитами, вокруг которого стоят различные почетные статуи и различные второстепенные памятники, о которых нам сейчас нет необходимости расспрашивать. Напротив нас, в дальнем конце, находится платформа около 80 футов в длину и 11 футов в высоту, облицованная мрамором. Вдоль него с обеих сторон проходит решетчатая рейка, или перфорированный экран, а также проходит вдоль фасада на одну треть расстояния от любого конца. Одна треть в середине передней части открыта. К этой платформе сзади ведет лестница, а на отвесной поверхности в качестве украшений установлены ряды бронзовых "клювов" или "таранов", вырезанных из захваченных во время войны кораблей. От этих "клювов" платформа получила свое название — Ростра. Это платформа для речей, обращенных к римскому народу — римским гражданам, которые вежливо считаются политическим органом, — а открытое пространство спереди служит местом для оратора. Именно с этого стенда делаются важные объявления для широких слоев населения. С него может говорить император или его кандидатура; магистрат может произнести какое-либо заявление; может быть произнесено политическое увещевание; в случае публичных похорон или даже частных похорон в какой-нибудь выдающейся семье, речь над усопшим может быть произнесена с той законченной и одушевленной речью, которую римляне так ревностно культивировали и которой итальянцы до сих пор пользуются с немалым успехом. На самом деле это не та платформа, которую использовали Цицерон и ораторы республики: она использовалась в другом месте, и, несомненно, с того дня содержание публичных выступлений прискорбно пошло на убыль. Тем не менее, много потоков богатой и звучной латыни, должно быть, хлынуло на Форум с этого благородного возвышения, и римлянину, должно быть, все же стоило потратить время на развитие как своего голоса, так и своего ораторского искусства. Еще дальше, справа за Рострой, стоит Храм Согласия, где в прежние времена Сенат неоднократно собирался, чтобы послушать Цицерона, и где императоры создали практически галерею произведений искусства; слева находится Храм Сатурна, долгое время использовавшийся как Римская сокровищница, восемь колонн которого до сих пор остаются, пожалуй, самой заметной деталью среди существующих руин. Другим объектом на заднем плане слева, в задней части Ростры, будет каменный столб, покрытый позолоченной бронзой, на котором первый император Август начертал названия великих дорог, ведущих из Рима вглубь империи, со списком главных городов, к которым эти дороги приведут вас, и расстояниями до них. Название этого столба — "Золотая вежа". За этими объектами, тянущимися вдоль высокого склона Капитолийского холма, видны аркады Архивов, большая часть которых сохранилась до сих пор, хотя и лишенная архитектурного изящества и застроенная заново в более современные времена, в состоянии, представленном на рис. 18. Еще выше на вершине слева, с блестящими на солнце позолоченными плитками — по крайней мере, они были позолочены в течение следующих нескольких лет — возвышается самое священное сооружение из всех, здание, наиболее тесно

отождествляемое в сознании римлян с вечностью империи. Это великолепный храм Юпитера, Высший и Самый Благостный. От этого сооружения сейчас не осталось ничего существенного, кроме платформы, на ее месте находится объект, существование которого было бы немыслимо для древнего римлянина, а именно германское посольство. На другой вершине, в укрепленной цитадели справа от вас, возвышается храм супруги Юпитера. В этом святилище она была известна как Юнона Монета, и поскольку при ее храме в этой цитадели располагалась контора римской чеканки монет, ее имя Монета стало привычным для современных уст в форме "Монетный двор". Если вы сейчас ищете место, где находится этот храм, вы должны искать его под церковью Санта-Мария-ин-Ара-Коэли.

[Иллюстрация: рис. 18. —РУИНЫ ФОРУМА.]

[Иллюстрация: Фото, Андерсон. (Офис звукозаписи на заднем плане с современным зданием сверху.)]

Затем, вместо того чтобы смотреть на холм, посмотрите налево, и вы увидите идущее вдоль той стороны Форума, рядом со Священным Путем, просторное общественное здание, известное как Базилика Юлия, то есть Юлия Цезаря. Это здание того типа, который известен в городах римского мира. Вы поднимаетесь по ступенькам со Священного Пути и оказываетесь под внешней двухэтажной аркадой, подходящей для отдыха или прогулки во время обсуждения деловых вопросов или сплетен с друзьями. Пройдя отсюда внутрь, вы попадаете в здание, состоящее из крытой колоннады, или нефа, около 270 футов в длину, с рядом колонн по обе стороны. С каждой стороны находится галерея, или верхний этаж, с которого зрители могут смотреть вниз на внутренние помещения или, с внешней стороны, на открытый Форум. В дальнем конце находится ниша с приподнятым трибунами, отгороженная, при необходимости, перилами. В других базиликах в этом месте может быть апсида, огороженная аналогичным образом. Это место служит трибуналом, вокруг которого могут стоять любопытствующие или на который внимательные зрители могут смотреть с концов галерей наверху. Тем временем на открытом пространстве нефа по предварительной записи можно вести всевозможные словесные переговоры, точно так же, как раньше такие переговоры велись в старом соборе Святого Павла в Лондоне или в других церквях. В том, что можно назвать внутренним боковым проходом, расположены офисы различного рода, включая офисы различных государственных корпораций, советов директоров или комиссий. Весь этот большой зал вымощен цветным мрамором; его колонны покрыты мрамором; его потолок украшен росписью и позолотой; он украшен статуями; и он освещается сверху с помощью этажерки. Хотя этот вопрос обсуждался, почти наверняка ранняя церковь создала свои базилики в основном из зданий, подобных этому, или из помещений, аналогичным образом построенных в роскошных домах, с их нефами, нефами и клерикалами, а также с огражденной перилами апсидой в конце, где на возвышении стояло кресло епископа. На противоположной стороне Форума, справа от вас, находится другое сооружение такого же типа, в художественном отношении более совершенное. В этой базилике Эмилия главным бизнесом были банкиры и менялы, хотя она служила и для других целей в зависимости от удобства.

Если бы вы могли заглянуть за дальний конец этой базилики справа, то увидели бы начало одной из самых оживленных улиц Рима — Аргилетума, известной главным образом как излюбленный квартал книготорговцев, которые прикрепляют к дверным косякам или к колоннам, поддерживающим балкон или верхний этаж, списки новейших или наиболее

популярных изданий, которые можно купить в пределах. И там, где эта улица выходит на Форум, хотя и немного в стороне от вашего поля зрения — возможно, вы сможете увидеть ее вершину над углом Базилики, — находится похожее на храм здание Сената с его офисами. Здесь собираются шестьсот человек, которые номинально правят совместно с императором. Если вы посетите Рим сегодня, вы обнаружите, что большая часть настоящего зала, хотя и в ужасном состоянии, носит название церкви Святого Адриано.

[Иллюстрация: рис. 19.—Н.Э. ФОРУМА, 64 г. н.э. (дополнение к фронтиспису.)]

Слева: на заднем плане - Архив с Храмом Согласия и Рострой внизу; на вершине - Храм Юноны и Цитадель; внизу - Тюрьма со святилищем Януса впереди. Справа: базилика Эмилия с фронтоном здания Сената за ней. (В основном в честь Тонетти.)]

Маленькое здание, наполовину арка, наполовину святилище, которое вы видите свободно стоящим там, где дороги сходятся на Форуме, - это знаменитое святилище Януса, двери которого никогда не закрываются, пока во всем римском мире не воцарится полный покой. Пока Рим где-либо вовлечен в большую или малую войну, открытые двери Януса сообщают об этом народу, который в противном случае мог бы не знать о столь незначительном или отдаленном обстоятельстве.

* * * * *

[Иллюстрация: рис. 20.—ХРАМ ФОРТУНЫ АВГУСТЫ. (Помпеи.)]

Нам нет необходимости подробно описывать храм Кастора, или, скорее, "Братьев-близнецов", который стоит непосредственно слева от вас, или храм обожествленного Юлия Цезаря, который находится сразу за вами, на том месте, где было сожжено тело великого диктатора. Возможно, более интересно отметить обычную — хотя ни в коем случае не единственную — форму римского храма в целом. Те, кто видел так называемый *Maison Carrée* в Ниме, будут иметь четкое представление о самой распространенной или типичной форме и расположении. По большей части у нас есть довольно высокая платформа, установленная с одного конца ступенями, которые обрамлены стенами или балюстрадами, часто несущими на своих концах конные статуи или другие соответствующие фигуры. На платформе возвышается собственно храм, состоящий из зала, в котором находится статуя бога. Там, где в одном храме объединено более одного божества — как в храме Юпитера на Капитолийском холме, где верховное божество имеет Юнону и Минерву слева и справа от себя, — может быть либо столько отдельных покоев, либо столько отсеков, похожих на часовни, сколько божеств. Алтарь для жертвоприношений находится снаружи, напротив входа, и устанавливается либо на вершине главной платформы, либо, чаще всего, на отдельной небольшой платформе посреди ступеней. В большинстве случаев камера находится позади ряда, в некоторых случаях двух рядов колонн, которые поддерживают характерный антаблемент, изображенный на иллюстрациях. В случае с более грандиозными храмами ряд колонн может проходить по всему зданию, являясь продолжением крыши, под которой, таким образом, образуется крытая колоннада. Чаще всего по бокам и в задней части зала есть только так называемые "зацепленные" колонны, как бы наполовину встроенные в стену. Крыша двускатная и черепичная, с орнаментом вдоль карниза. Фасад украшен антаблементом с треугольником каменной кладки, называемым "фронтоном", состоящим из карниза, нависающего над утопленной поверхностью, украшенной скульптурной группой. Над каждым углом, справа, слева и на вершине, находится каменное основание,

поддерживающее какой-нибудь заметный орнамент, такой как статуя, орел или фигура в колеснице. В середине фасада здания, за колоннами портика, находятся двойные двери, обычно сделанные из декорированной бронзы, с открытой решеткой из того же металла над ними. Внешне все сооружение выполнено из мрамора, либо полностью белого, либо с цветными колоннами, но сердцевина, по крайней мере, платформы, обычно изготавливается из чрезвычайно прочного римского бетона или из блоков менее красивых и дорогих пород камня.

Что касается архитектурного стиля, то римляне того времени, которые в художественных вопросах были всего лишь подражателями греков и гораздо менее уверены во вкусе, чем их хозяева, предпочитали коринфский, как самый витиеватый. Даже это они не смогли оставить в его исконной чистоте, но по большей части превратили в греко-римские или составные сорта. Главным недостатком римского вкуса была тогда, как и всегда, любовь к великолепию, к чрезмерным и навязчивым украшениям. Почти в любой современной римской церкви мы находим стены и колонны, облепленные фигурами, плитами и так называемыми украшениями до такой степени, что более тонкие линии и пропорции часто нарушаются, точно так же у древних римлян обычно создавалось впечатление, что чем больше украшений вы добавляете, тем величественнее становится здание. Несомненно, здесь было много зданий в более простом и чистом вкусе, вероятно, выполненных греческими художниками под руководством какого-нибудь римлянина, который обладал более тонким суждением или меньшей самоуверенностью. Тем не менее вина за чрезмерную проработку явно римская.

[Иллюстрация: рис. 21. — ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ХРАМ СИВИЛЛЫ В ТИВОЛИ.]

Мы не должны упускать из виду, что, помимо храмов этой типичной прямоугольной формы, были и другие круглой формы, окруженные колоннами, как то изящное сооружение в Тиволи, обычно, хотя и ошибочно, известное как храм Сивиллы, и то небольшое здание, которое все еще существует в запущенном состоянии недалеко от Тибра и которое раньше носило ошибочное название храм Весты. Другие снова были просто круглыми и куполообразными, как настоящий храм Весты на Форуме или великолепный Пантеон на Марсовом поле. Поскольку в этих случаях голая округлость была нарушена, это было сделано либо портиком с колоннами, как в Пантеоне, либо зацепленными колоннами и орнаментом, как в истинном храме Весты.

Упоминание о храме Весты напоминает нам, что пора повернуться лицом и, проходя за храмом Юлия, посмотреть в противоположную сторону, от V. Перед нами находится это круглое святилище, форма которого постепенно развилась из примитивной круглой хижины, которая когда-то служила домом доисторическим предкам римского племени. Как долгом незамужних дочерей этого древнего племени было поддерживать огонь в домашнем очаге, так и на протяжении всей истории Рима долгом некоторых избранных дев было постоянно поддерживать огонь в очаге города. Крыша храма открыта посередине, и вы, возможно, увидите выходящий из нее дым. Но если вы мужчина, вам запрещено входить. Ни один мужчина, за исключением верховного понтифика, не может ступить в святилище богини-девственницы, которому служат жрицы-девственницы. Прямо за храмом стоит дом этих весталок. Они во многом являются древним прототипом современной монахини, а их дом - прототипом женского монастыря. Шесть молодых женщин благородного происхождения, поклявшихся в целомудрии и одетых в ритуальные одежды, живут в великолепном здании под властью той, кто является главной Весталкой, своего рода Матерью-настоятельницей. Многие пьедесталы статуй таких верховных жриц сохранились до сих пор, и мы можем четко проследить устройство их жилища с

его открытым двором, в котором когда—то был сад и прохладные резервуары с чистой водой, отдельной комнатой для каждой весталки, банями и средствами значительного комфорта и даже роскоши.

[Иллюстрация: рис. 22. —ДЕВСТВЕННАЯ ВЕСТАЛКА]

Если, стоя лицом в эту сторону, вы посмотрите направо, то увидите круто возвышающийся над вами Палатинский холм, вершину которого венчают величественные дворцы и сады, построенные цезарями. Сбоку и на углу, выходящем на Форум, находится часть, построенная Калигулой, эпилептиком, который считал себя не чем иным, как богом, и который в результате не только превратил храм Кастора в нижний вестибюль своего собственного дома, но и построил мост через долину над храмом Августа и базиликой Юлия к Капитолийскому холму, чтобы он мог посещать Юпитера, своего единственного компаньона, и беседовать с ним. С вершины Базилики он время от времени бросал деньги на Форум, за которые боролись люди, которые при этом давили друг друга насмерть. Потребовалось бы слишком много места, если бы мы поднялись по наклонной дороге, ведущей к Палатину, и осмотрели различные сооружения на этом холме. В том виде, в каком мы сейчас видим его в руинах, это, пожалуй, самое загадочное и впечатляющее место в мире. Но многие перестройки и расширения дворцов были произведены после правления Нерона, и сейчас мы не можем быть уверены в точном виде вершины холма в его дни. Достаточно сказать, что с видом на Форум, с видом на долину Велабрум, которая ведет от Форума к Тибру, и с видом на середину долины, где обширный Цирк или ипподром отделял императорский холм от Авентина, были расположены части огромных императорских резиденций, возвышающиеся в несколько этажей, сверкающие мрамором и наслаждающиеся чистейшим воздухом и самыми широкими видами, доступными в пределах города. Правда, сам Нерон не был доволен таким простым человеческим жильем. После великого пожара 64—го года он приступил к строительству для себя того, что он назвал "домом, подходящим для мужчины", и так и не построил — хотя так и не закончил - тот знаменитый или печально известный "Золотой дом", который тянулся от Палатина по всей верхней Священной дороге и лощине, ныне занятой Колизеем, далеко до противоположных холмов — дом с бесчисленными комнатами, с трехмильной колоннадой, огороженными садами, достаточно большими, чтобы называться парком, и собственной статуей высотой 120 футов. Эпиграмма гласила, что жители Рима должны мигрировать, поскольку то, что когда-то было городом, теперь превратилось всего лишь в частный дом. Этого, однако, еще не произошло, и мы скорее должны думать о дворцах и садах, действительно богатых, но ни в коем случае не занимающих весь Палатинский холм в одиночку. Конечно, существовало множество зданий, более или менее связанных с императорским учреждением, среди них были помещения для офицеров и солдат гвардии. Было также несколько храмов, один из которых, великолепное святилище Аполлона, бога света и учености, находился во дворе, чудесно украшенном шедеврами скульптуры, в то время как с ним были связаны библиотеки, наполненные греческими и латинскими книгами и украшенные бюстами и медальонами-портретами или статуями великих авторов.

Если бы мы сейчас продолжили подниматься по Священному Пути по узкой улочке, окаймленной ювелирными и другими лавками, мы бы пока не встретили Арки Тита и, спускаясь за ее пределы, не увидели бы Колизея, а только квартал обычных жилых домов, который позже в этом году будет снесен пожаром, освободившим место для декоративных вод Золотого дома Нерона. Повернув направо по долине между Палатинским и Целианским холмами, нам не

пришлось бы проезжать ни под какой аркой Константина; но, взглянув налево на большой недостроенный храм Клавдия и пройдя под Клавдиевым акведуком, по которому вода поступает на Палатин, мы должны были двигаться между частными домами и садами, пока не достигнем знаменитых ворот в древней стене и не окажемся на знаменитой Аппиевой дороге, которая приведет нас в Капую, а оттуда через Апеннины в Бриндизи и на Восток. Сразу за воротами мы должны найти конюшню с экипажами и лошадьми или мулами, ожидающими, когда их наймут для дилижанса, который доставит нас до склона на южной окраине Альбанских холмов.

Но мы не будем двигаться в этом направлении. С нашей позиции на V перед храмом Весты мы повернем назад, пройдем по Форуму справа от Ростры, между святилищем Януса и фасадом Здания Сената. Оттуда мы пересечем закрытый форум, или общественное место, возведенное Юлием Цезарем, с храмом "Венеры-Матери" посередине и таким образом войдем на Форум Августа. На этом стоит сделать паузу. Когда вы проходите сегодня по узкой Виа Бонелла и видите рядом с аркой Пантани несколько внушительных колонн и участок довольно унылой голой стены, требуется немало усилий, чтобы осознать, что когда-то здесь было благородное пространство, окруженное стенами, отделанными мрамором, высотой 100 футов, и что в этих стенах в ряде ниш находилась галерея статуй всех военных героев и патриотов римской истории, начиная с Энея. Между тем несколько колонн рядом с вами - единственные уцелевшие из числа тех, что окружали великолепный храм Марса Мстителя, святыню, которая во времена империи отождествлялась с военной мощью Рима и которая получила захваченные у врага штандарты, точно так же, как захваченные флаги можно увидеть во многих современных церквях.

Покидая этот Форум, мы не будем поворачивать направо, чтобы оказаться среди густого населения Субуры и ее окрестностей, но повернем налево и пройдем между Капитолийским и Квиринальским холмами, которые тогда сходились более круто и вплотную, чем пятьдесят лет спустя, когда Траян срезал возвышенность и выровнял открытое пространство, что, должно быть, было неоценимым преимуществом для удобства города. Возможно, здесь уместно заметить, что нагромождение руин и преднамеренные выравнивания, как в древние, так и в современные времена, сильно изменили внешний вид часто упоминаемых холмов Рима, особенно Квиринала, Виминала и Эсквилина.

[Иллюстрация: рис. 23.—ХРАМ МАРСА-МСТИТЕЛЯ На ФОРУМЕ АВГУСТА. (После Рипостелли.)]

Выйдя из этого слишком узкого прохода и пройдя небольшое расстояние, мы попадаем на прямую Фламинианскую дорогу, которая была заменена современным Корсо, начинающимся у площади Венеции. В течение первой части своего курса он был также известен как "Бродвей". Сейчас мы находимся в той более открытой части Рима, которая находится за пределами древней стены и которую обычно называют Марсовым полем. И здесь опять невозможно осмотреть все различные достопримечательности, видимые в 64 году. Должно быть достаточно нескольких примеров. Идя по этой прямой магистрали — началу дороги, которая в конечном итоге приведет вас на Север Италии, — вы увидите справа от себя лишь несколько скольки-нибудь примечательных зданий. Слева от вас находится длинное и широкое закрытое помещение, в котором расположены не только определенные общественные учреждения и набережная с колоннами, но и богатейшие магазины Рима, где продаются золотые и

серебряные изделия, предметы искусства, гобелены и изысканные ткани из Александрии, Сирии и дальнего Востока. На самом деле это место представляет собой в основном огромный базар. По Фламиниевой дороге за этой оградой мы проходим под триумфальной аркой, воздвигнутой покойным императором Клавдием в память о его завоевании Британии, где он покорил "одиннадцать королей" без потерь для Рима. Продолжая двигаться прямо, мы проходим, на этот раз справа от нас, еще одно большое ограждение, окруженное аркадами, где сейчас находится восточная сторона Пьяцца Колонна. В этой местности и около нее проводятся не только прогулки, но и различные спортивные упражнения, в том числе искусство верховой езды. Пройдя еще дальше, вы увидите слева от себя Мавзолей Августа, возвышающийся примерно на 220 футов в воздух. Его основание, облицованное скульптурным мрамором, содержит одну большую усыпальницу для самого Августа и четырнадцать комнат поменьше для членов его семьи. Над этим основанием возвышается коническая земляная насыпь, засаженная вечнозелеными деревьями, а на вершине находится колоссальная статуя первого императора. Рядом находится мощеная площадка, где кремируют тела цезарей перед тем, как поместить их прах в Мавзолей. С этого места готовая вера увидела свою бессмертную часть, унесенную на небеса орлом, вестником Юпитера.

Поворачивая назад и проходя через Кампус, мы подходим к общественным баням, возведенным Нероном, а затем к Пантеону. Это здание, хотя и лишенное многих своих декоративных украшений как внутри, так и снаружи, все еще стоит структурно нетронутым, по крайней мере, поскольку оно было отреставрировано и расширено на два поколения позже нашей даты. Вряд ли возможно сказать, насколько изменилась его форма при реставрации при Адриане, но мы можем временно рассматривать это сооружение как уже относящееся к нашему периоду. По прошествии всех этих столетий она все еще представляет собой совершенно благородную грудку и является подходящимместищем для гробницы не только Виктора Эмануэля, но и Рафаэля. Его форма представляет собой ротонду со стенами из бетона толщиной 20 футов и куполом из бетона, отлитым из цельного массива. Середина купола открыта небу, и благодаря этому здание освещается наиболее подходящим для него образом. Если бы мы могли увидеть его полностью отреставрированным и в лучшем виде, мы бы увидели над его портиком, который поддерживают огромные мраморные колонны, каждая из которых сделана из цельного камня, большие бронзовые рельефы богов и великанов. По одну сторону от дверей должна была стоять колоссальная статуя Августа, по другую - колоссальная статуя строителя Агриппы, зятя этого императора. Внутри есть ряд ниш для колоссальных изображений Марса, Венеры и других божеств, связанных с семьей Джулианов. Мраморные колонны, разделяющие ниши, имеют капители из тонкой бронзы, а кессонный потолок купола, сейчас голый и бесцветный, сияет позолотой на голубом фоне, как небо, усыпанное звездами. Двери, которые таинственным образом остались целыми, также сделаны из благородной бронзы; крыша состоит из бронзовой черепицы, тонко покрытой золотом. Золото, естественно, исчезло после того, как перешло в руки сарацин; из бронзы со здания было изъято около полумиллиона фунтов весом, часть пошла на изготовление пушек для обороны замка Святого Анджело, часть - на формирование витых колонн, которые сейчас поддерживают гигантский балдахин под куполом собора Святого Петра.

На небольшом расстоянии позади этого великолепного храма Агриппа— который отвечал за акведуки и водоснабжение, также построил первые большие общественные бани. Вероятно, было бы неверно основывать какое-либо подробное описание их на том, что мы знаем о колоссальных сооружениях Каракаллы и Диоклетиана, которые были, пожалуй, самыми

удивительными проявлениями общественной роскоши, когда-либо виденными в мире. Из них мы знаем, какими огромными и великолепными были залы с их цветным мрамором, мозаичными полами, колоссальными шедеврами скульптуры, тщательно продуманным расположением ванн — холодных, тепловатых, горячих и с сухим потоотделением, — их беседных и читальных залов. Но мы не можем претендовать на то, чтобы сказать, насколько бани Агриппы и Нерона 64 года соответствовали им по великолепию. Для нас будет безопаснее просто предположить, что, поскольку бани Помпеи в рассматриваемом году работали полным ходом, Хоум должен был располагать заведениями аналогичного типа, но в большем и более роскошном масштабе.

[Иллюстрация: рис. 24.—ВНЕШНИЙ ОПЕРАЦИОННЫЙ ТЕАТР МАРЦЕЛЛА. (Современное состояние.)]

Оставляя без дальнейшего упоминания различные храмы Минервы, Исиды, Сераписа и других божеств, которые можно найти на Марсовом поле, отметим ничем не примечательный каменный амфитеатр, единственный курорт такого рода, которым пока владеет метрополия. Здесь были представлены кровавые бои гладиаторов друг с другом, а также схватки с дикими зверями, проводимые обученными профессионалами или преступниками, продающими свои жизни как можно дороже. Об этих "видах спорта" мы поговорим в одной из последующих глав. Приближаясь к Тибру, возвращаясь в сам город, мы последовательно проезжаем три больших театра, высокие полукруглые сооружения из камня и бетона, облицованные мрамором, одно рассчитано на 40 000 зрителей, но, вероятно, вмещает не более 25 000, а остальные - около 20 000 и 12 000 соответственно. В этих вопросах мы должны допускать как римское преувеличение, так и римскую близорукость. Театры состоят из трех этажей, внешние стороны которых состоят из открытых аркад, украшенных колоннами в различных стилях, а вокруг их оснований расположены магазины по продаже сладостей, напитков, парфюмерии и других товаров, которые могут понадобиться театралу или празднующейся публике. На что было похоже театральное представление - это вопрос, относящийся к вопросу о зрелищах и увеселениях. Позади самого большого театра — Помпейского - раскинулась большая площадь, окруженная колоннадами из ста колонн, где платаны образуют аллеи и играют фонтаны, а статуи законченной работы стоят там, где они производят наилучший эффект. Особую благодарность римскому шезлонгу принесли сиденья в больших полукруглых нишах, расположенные таким образом, чтобы обеспечить полную защиту от слишком жаркого солнца или слишком холодного ветра.

[Иллюстрация: рис. 25.—ТЕАТР МАРЦЕЛЛА. (Восстановлен.)]

[Иллюстрация: рис. 27. — БОЛЬШОЙ ЦИРК (отреставрирован); Императорские дворцы на Палатине слева.]

К тому времени, когда мы миновали последний театр из трех, мы прибыли к берегу реки в низине, ведущей к Форуму между Капитолийским холмом и Палатином, к месту, которое когда-то было рынком крупного рогатого скота, но теперь превратилось в открытое пространство, окруженное более скромными жилищами. Однако он по-прежнему носил название "Рынок крупного рогатого скота". Если с этого места мы пойдем вдоль берега реки, то придем к пристаням, к которым небольшие суда доставляют вверх по Тибру грузы зерна, перегруженного с более крупных судов из Александрии или Карфагена, или мрамора из каменолен Нумидии, Греции и Фригии, или гранита и порфира из Верхнего Египта. По всему этому берегу

расположены офисы и склады для таких грузов, и здесь также выполняется большая часть формовки тех блоков, которые Рим использует в таком поразительном изобилии. Вдоль реки, у каменной набережной, пришвартованы корабли, тросы которых пропущены через огромные каменные карнизы или скульптурные львиные пасти. Более оживленной части Рима, чем эта, найти невозможно, но у нас нет времени двигаться дальше в этом направлении.

Перед нами возвышается Авентинский холм, еще один квартал богачей, но в остальном он выделяется главным образом своими храмами царицы Юноны и Дианы. Переведя взгляд с Авентина налево, мы видим раскинувшийся в долине между Авентином и Палатином — там, где сейчас находятся Еврейское кладбище и закопченный Газовый завод, — огромный Большой цирк, или Ипподром. Это сооружение, предназначенное в основном для гонок на колесницах, имеет около 700 ярдов в длину и 135 в ширину и в крайнем случае вмещает почти четверть миллиона зрителей. По всей вероятности, оно вмещает 150 000 человек. Он состоит, как будет показано на рисунке, из длинных рядов сидений, спускающихся по бокам и огибающих изогнутый конец продолговатого помещения. Как и в театрах, его внешний вид представляет собой три яруса мраморных арок, а через нижний ярус проходят многочисленные лестницы, ведущие к различным секциям зрительских мест внутри. Сами эти сиденья установлены на больших бетонных сводах; нижние ряды сделаны из мрамора, верхние пока из дерева. О том, как проводились гонки на колесницах и что подразумевается под "цирковыми видами спорта", естественно, потребуется отдельное повествование.

Возвращаясь от входа в это гигантское увеселительное заведение и поворачивая вверх по долине Велабрум, мы проходим мимо храма Августа, к которому пристроена публичная библиотека, и выходим мимо храма Кастора на Форум к нашей первой стоянке в F.

ГЛАВА VIII

УЛИЦЫ, ВОДОСНАБЖЕНИЕ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

После этой быстрой прогулки по наиболее интересным районам столицы мы можем рассмотреть одну или две связанные темы, представляющие естественный интерес.

Как выглядят обычные улицы среди всего этого великолепия и простора общественных зданий? В этом отношении Риму отнюдь не повезло. Как и в Старом Лондоне, Старом Париже или Старом Нью-Йорке, улицы по большей части росли так, как того требовали случайные обстоятельства. Было очень мало магистралей, проложенных с самого начала, подобных Фламиниевой, или "Широкой" дороге. Александрия и Антиохия были творениями монархов, которые начинали с чистого поля и последовательной схемы. Их прямым, широким улицам вполне могла бы позавидовать столица. Римляне тогда, как и сейчас, обладали инженерным гением, но они не могли полностью отменить работу прошлого, которое привело к скоплению населения под защитой стены. Они знали, как обильно снабжать город водой и как осушать ее с помощью канализационных коллекторов огромной емкости и прочности. Главный из таких коллекторов — Cloaca Maxima, — который проходил под Форумом к Тибру и был проложен более двадцати пяти веков назад, до сих пор находится в рабочем состоянии. Но ни одно республиканское или имперское правительство так и не взяло на себя управление городом, даже после одного из тех разрушительных пожаров, которые, казалось бы, расчистили путь. Это правда, что любое движение транспортных средств, за исключением специальных процессий, для девственников—весталок и нескольких других случаев, было запрещено на десять часов в

день. Все утро и после полудня на римских улицах не было колес, если только какое-нибудь общественное здание не требовало загрузки камней или бревен, или если только несколько привилегированных персон не отправлялись в своих экипажах на какой-нибудь праздник. Тем не менее богатые мужчины и женщины в своих носилках или портшезах в сопровождении слуг или клиентов; носильщики, несущие тяжелую поклажу; странствующие торговцы и обычные люди с поручениями или по другим делам - все это составляло толпу, через которую часто было трудно пройти.

Еще одним следствием прежнего сжатия в узких стенах было то, что по мере увеличения численности населения дома становились все более высокими. Мы не можем сказать, насколько высоко римляне строили или им разрешалось строить во времена республики. Тенденция, безусловно, заключалась в том, чтобы строить все выше и выше, и небоскребы, возможно, стали бы правилом, если бы древний римлянин понимал использование материалов, как достаточно легких, так и достаточно прочных, или если бы он был вынужден строить свои работы на надежном фундаменте. На самом деле там было и продолжает быть слишком много джерри-билдинга. Дома иногда рушились, и многие были ненадежно укреплены. Наводнение или землетрясение могли застать их врасплох, и на улицах часто возникали опасности. Большинство жилищ людей со скромным достатком не были похожи на жилища в небольших городах, таких как Помпеи, и еще меньше на жилища в сельской местности. Это были "доходные дома", большие блоки, сдаваемые в аренду с комнатами и квартирами, и было естественно, что домовладельцы поспешили их достроить и увеличить количество этажей. Когда Август стал императором, он принял то, что можно назвать Законом о столичном строительстве, который настаивал на более прочном фундаменте и ограничивал высоту до 70 футов. Этот закон, по-видимому, все еще действовал в эпоху Нерона, и мы можем предположить, что на наиболее оживленных улицах дома обычно достигали высоты в четыре или пять этажей. Они казались еще выше из-за узости самой улицы. Хотя, возможно, хотя и не обязательно, было бы преувеличением для эпиграмматиста, жившего "на трех парах ступенек выше", сказать, что он мог дотронуться рукой до своего соседа напротив, это, по крайней мере, свидетельствует об истине. Некоторые из более узких переулков между кварталами были не более нескольких футов в ширину.

Также не похоже, чтобы обитатели комнат, выходящих на улицу, были очень разборчивы в том, что они выбрасывали в виде мусора или грязной воды. Это правда, что там были эдилы, или офицеры, следившие за порядком на улицах и в общественных местах, но их усилия, по-видимому, были в основном направлены на предотвращение явных препятствий. К практикам, которые мы должны были бы расценивать как отвратительные, относились легкомысленно или игнорировали. Что еще хуже, лавочники, занимавшие нижние фасады большинства таких домов, позволяли себе величайшие вольности, выходя на проезжую часть, когда выставляли свои товары, и только через двадцать лет после нашей даты император Домициан приказал им не выходить за пороги своих домов.

Помимо вопроса о свободе движения, легко представить, что при наличии всех деревянных прилавков, дверей и ставен внизу и при непропорциональном количестве деревянных элементов в балках, полах и даже стенах наверху пожары были самым обычным явлением, а при таких высоких и узких улицах пожар целого квартала города был быстрым и полным. Август разделил столичную область на четырнадцать регионов и распределил по ним отряд из 7000 сторожей для поддержания порядка и борьбы с пожарами по ночам; но если пожар возникал в

высотном здании, не следовало ожидать, что этот отряд при помощи или препятствии соседей сможет что-то сделать с ведрами, сифонами и мокрыми одеялами, которые составляли средства пожаротушения того времени.

Другая серьезная опасность, а если и не опасность, то, по крайней мере, дискомфорт, исходила от того, что Тибр всегда умел затоплять нижние части города. Несколько позже нашей даты река была ограничена мощными каменными насыпями, по которым приходилось спускаться по ступенькам, чтобы добраться до реки на паромах или других лодках; но это, должно быть, было сделано недостаточно в ранний период существования империи, и сильное наводнение могло, например, привести к тому, что дома в Велабруме обрушатся на уши их обитателей.

В целом по улицам Рима эпохи Нерона ходить было не очень удобно и не очень безопасно. Ночью здесь не было освещения, за исключением тех случаев, когда на каком-нибудь большом празднике иллюминация могла быть устроена по приказу императора на всю ночь или, возможно, на несколько ночей. В обычное время факелы и фонари нужно добывать самостоятельно, и даже 7000 сторожей вряд ли давали вам полное ощущение безопасности. Точные приготовления к уборке мусора неизвестны, но предположительно это делали общественные рабы под присмотром эдилов. Однако из жалоб современников легко обнаружить, что улицы часто были раздражающе влажными и скользкими.

Одна вещь, на которую обычный римлянин, похоже, никогда не обращал внимания, не больше, чем обращают внимание в наши дни. Это был шум. В древней литературе достаточно прилежных людей, которые жалуются, что в Риме невозможно спать или учиться. Они восхищаются криками разносчиков, распевными песнями нищих, стуком молотков, пением школьников, обучающихся чтению на открытых верандах или балконах, которые часто служили школами, и криками в банях. Всю ночь напролет слышался грохот телег и скрип тяжелых повозок. Но среднестатистический римлянин очень мало заботился и до сих пор заботится о покое или сне, и ни один император не пытался обуздать это раздражение. Возможно, он не смог придумать сдерживающего фактора. Возможно, сам он, находясь на Палатине, и его советники, находясь в своих собственных сравнительно уединенных домах на холмах, едва ли осознавали всю чудовищность ночного рева Рима. В любом случае факт шума неоспорим. Тогда было почти так же, как и сейчас, когда пытаешься спать в номерах на Корсо или Виа Бабуино. Высказывание о том, что "Бог создал страну, а человек - город", встречается у римского писателя эпохи Августа, и шум является одним из факторов разницы.

Мы уже говорили, что древние римляне были мастерами практического инженерного дела, и главной славой города были его обильные запасы воды. Помимо Тибра и природных источников, в 64 году существовало по меньшей мере восемь акведуков, по которым в город поступала питьевая вода. Следить за этим вопросом, как и за поставками зерна, было заботой императора, но на практике он назначил того, кого можно было бы назвать своим министром водоснабжения, и предоставил ему щедрые средства для обеспечения большого штата инженеров, геодезистов, каменщиков, трубоукладчиков, инспекторов и сторожей. Распространенной ошибкой является представление, что римляне не знали о простом гидравлическом законе том, что вода сама найдет свой уровень, и предполагать, что их акведуки были построены из-за этого незнания. Фактически, они знали закон не хуже нас. Их ранние акведуки были почти полностью подземными; все более поздние были построены на

арках. Когда они хотели доставить воду на высоту в пределах города, вверх по водонапорной башне к распределительному резервуару или на верхний этаж здания, они делали это по трубам, как и следовало бы нам; но когда воду доставляли за сорок миль, они предпочитали подавать ее по каналам, облицованным непроницаемым цементом и натянутым на арки, которые петляли по всей стране в соответствии с уровнями, чтобы избежать чрезмерного давления при слишком крутом уклоне. Причины их выбора достаточно просты. Их главная трудность заключалась в изготовлении железных труб достаточной емкости. С другой стороны, было легко соорудить цементированный канал в каменной кладке любого желаемого размера. В следующем месте вода вокруг Рима быстро откладывает известковый налет, и его гораздо легче очистить из легкодоступного канала, чем из труб, зарытых в землю. Трубки, которые римляне обычно делали, были из свинца, бронзы или дерева. Ни один из них не мог быть изготовлен и очищен достаточно дешево, чтобы обеспечить объем воды, необходимый для бытовых нужд, бань и общественных фонтанов Рима. Между тем рабский труд был недорогим, и стоимость строительства акведука любой длины не имела большого значения для римлянина.

Когда вода поступала в город, ее отводили в отстойные и распределительные резервуары и регулировали ее расход. Оттуда ее доставляли по трубам, в основном свинцовым, туда, где это требовалось. Когда Агриппа был министром водоснабжения, он построил в городе 700 общественных бассейнов и 500 фонтанов, питаемых из 130 коллекторов. И к чести Агриппы и Рима следует отметить, что все эти бассейны, фонтаны и водохранилища были сделаны приятными для глаз с помощью соответствующего украшения. Упоминается о 400 мраморных колоннах и 300 статуях, но их следует рассматривать только как главные украшения.

Улицы Рима обычно были вымощены блоками лавы, добытой по соседству из обильных отложений, образовавшихся в не очень отдаленный вулканический период.

Материалы, использовавшиеся для солидного строительства, были различными; в прежние времена красный и черный туф — камень настолько мягкий, что требовал защиты слоем штукатурки; позже темно-коричневый пеперино, золотисто-кремовый травертин, белый и цветной мрамор и бетон. Современный посетитель Рима, который смотрит на руины поверхностно, естественно, вообразит, что многие здания были построены в основном из кирпича. На самом деле такого сложного здания не было. Плоские треугольные кирпичи, или, скорее, плитки, которые так часто бросаются в глаза, всего лишь вставлены в поверхность бетона, чтобы прикрыть наготу этого материала. Один только бетон мог бы служить для изготовления стержней и фундаментов, но те части здания, которые были видны, должны были иметь более приятную поверхность. Во времена Нерона это могло быть достигнуто облицовкой из мраморных плит и блоков, но чаще всего это получалось с помощью упомянутых выше треугольных красных или желтых плиток. В зданиях чуть более ранней постройки внешний вид часто представлял собой "ромбовидный узор" или сетчатое расположение квадратных кусков камня, вставленных в бетон, когда он был еще мягким. Огромные своды и арки, пострадавшие от римлян, сделали бетон особенно удобным материалом, и ничто не может лучше продемонстрировать его прочность, чем упорство, с которым он выдерживал нагрузку в неподдерживаемых частях сводов базилики Константина. Любое из наиболее внушительных зданий, которые не были в основном бетонными, состояло из каменных блоков, скрепленных друг с другом скобами, впаянными в свинец. Немногие, если вообще были, такие здания были полностью построены из мрамора. В случае тех композиций, из других уже названных разновидностей камня, поверхность обычно покрывалась либо штукатуркой, либо мраморной

облицовкой, прикрепленной с помощью крюкообразных зажимов, вмонтированных в основную конструкцию. Внешне Рим — в том, что касается его общественных зданий - выглядел как город из мрамора. Настоящее на протяжении веков уносили либо для использования в другом месте, либо, что чаще, для сжигания в качестве извести.

[Иллюстрация: РИС. 28.—СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. (Из Миддлтона.)]

ГЛАВА IX

РИМСКИЙ ГОРОДСКОЙ ДОМ

Мы сделали общий обзор города Рима, его открытых пространств, улиц и общественных зданий. Теперь мы можем взглянуть на дома, в которых жили римляне, и на мебель, которую можно ожидать увидеть в них.

Уже упоминалось о больших и высоких многоквартирных домах или блоках, часто просто человеческих лежбищах, которые сдавались в аренду тем, кто не обладал достаточными средствами, чтобы иметь собственное жилище. Эти здания, которые, естественно, можно было найти на более оживленных улицах и в более густонаселенных кварталах, однако, не были наиболее типичными для романизированного мира. Они были созданы особыми условиями города и могли повторяться в других городах, где условия были схожими. Например, в тесной островной части Тира были дома даже более высокие, чем в Риме. Там, где было достаточно места — то есть там, где не было большого скопления людей, теснившихся в пространстве, ограниченном природой или защитными стенами, — обычный дом имел совсем другой характер. Он был построен по другому плану и редко достигал более двух этажей, если уж такой высоты. Вскоре мы перейдем к описанию такого дома; но сначала желательно сказать еще кое-что о многоквартирном "квартале" в метрополии. Следует сожалеть, что до нас на самом деле не дошло ни одного подобного здания; поэтому мы вынуждены формировать свои представления о нем на основе разрозненных ссылок и намеков литературы. Тем не менее, если рассматривать их в свете обычаев, все еще наблюдаемых в самом Риме и в других частях Италии, картина становится довольно определенной.

Квартал — или "остров", как его называли, — мог представлять собой здание в четыре или пять этажей, окруженное четырьмя узкими улочками, переулками или аллеями, которые образовывали сеть в городе. Независимо от того, управлялся ли он арендодателем, его агентом или арендатором, который сдавал его в субаренду с прибылью, он был разделен на жилые помещения, которые могли состоять либо из одной комнаты, либо из апартаментов. Некоторые такие комнаты и квартиры были "обычными", другие описывались (как они до сих пор фигурируют в рекламе современного Рима) как "подходящие для джентльмена" или, выражаясь точным языком того времени, "подходящие для рыцаря". Доступ в соответствующие помещения дома должен был осуществляться не только через главную дверь, но и по отдельным лестницам, ведущим вверх прямо с улиц и переулков. Похоже, что у каждого жильца был свой собственный ключ, соответствующий, хотя и вряд ли по удобству размера, нашему ключу-защелке. В то время как будет обнаружено, что обычный частный одноэтажный дом по большей части освещался отверстиями в крыше и широкими дворами, очевидно, что такое расположение могло быть применено лишь частично к высоким многоквартирным домам. Правда, в средней части такого блока могло бы существовать открытое пространство, или "колодец", с галереями, идущими вокруг него на каждом этаже, чтобы во внутренние

помещения мог проникать свет из этой части. Также следует предположить, что к этим галереям вела лестница, так что таким образом был сделан доступ во внутренние комнаты или квартиры. Однако в основном свет исходил из окон, выходящих на улицу. Если бы мы посмотрели на них снизу вверх, то обнаружили бы, что они уже, чем наши современные, — поскольку мы открыли, как производить большие и полностью прозрачные листы стекла, — но, вероятно, не уже, чем те, что были столетней давности. Они представляли собой либо простые отверстия со ставнями, либо, в лучших домах, были застеклены прозрачным материалом. В светлое время года они размещали свои ящики с цветущими или другими растениями и часто были снабжены теньевым навесом, мало чем отличающимся от тех, что так хорошо известны в Париже.

Крыша такого здания была либо остроконечной и покрытой черепицей, либо, хотя, возможно, реже, плоской. Плоская крыша иногда образовывала террасу, на которой можно было найти растения из "сада на крыше", растущие либо в глиняных кадках, либо в земле, посыпанной слоем непроницаемого цемента. Самый нижний этаж, на уровне улицы, обычно состоял из магазинов, которые были открыты во всю длину днем, но ночью закрывались ставнями и засовами. Как и магазины, которые сейчас встроены в стены больших отелей и тому подобное, они не имели связи с интерьером здания. Однако обычно у них имелась короткая лестница сзади или сбоку, ведущая в верхнюю комнату или *антресоль*, где в более бедных случаях мог фактически проживать владелец магазина. Для римлянина-аристократа, с его презрением к мелкой торговле, "рожденный на чердаке лавки" было презрительным выражением, обозначающим "ничтожного сына".

Между тем наиболее представительные дома строго римской части римского мира, то есть жилища римлян или подражателей римлянам, где бы они ни селились, в отличие от греческих и восточных домов или от различных видов примитивных хижин, встречающихся среди жителей западных провинций — были трех основных типов. Это были городской дом, загородное поместье и загородная усадьба. Конечно, ничто не мешало богатому римлянину построить свой городской дом точно так же, как загородное поместье, или наоборот, если бы он так захотел, но из соображений цели, помимо соображений местного пространства и вида, было бы совершенно нерационально избирать любой путь. Условия его жизни в городе и деревне отличались еще больше, чем у нас. Более того, средний римлянин любил разнообразие в отношении своего жилья. У несколько более позднего эпиграмматиста мы находим, что один вельможа владеет четырьмя городскими домами в самом Риме и по своей прихоти переезжает из одного в другой, так что вы никогда не знаете, где его найдете. В разное время года или в разном настроении он может предпочесть ту или иную ситуацию или аспект. Что же касается загородных усадеб различной степени великолепия, то у человека может быть — как у многих современных аристократов или членов королевской семьи — три, четыре, дюжина или двадцать. Он мог бы, например, владеть одним или несколькими озерами в Италии, одним в Тоскане, одним на Сабинских или Альбанских холмах, одним на побережье в пределах полудня пути от Рима, одним на берегу Неаполитанского залива, одним в самом сердце Италии и так далее. Плиний Младший, родившийся во времена правления Нерона, не был особенно богатым человеком, однако ему принадлежало несколько загородных поместий только на озере Комо, помимо других, расположенных ближе к Риму на севере и юге, на берегу моря или на холмах.

Мы можем начать с городского дома, и наша самая простая процедура - взять план, показывающий те части, которые были наиболее обычными для заведений даже с умеренными претензиями. Следует понимать, что это всего лишь симметричный набросок общей схемы,

которая на практике подвергалась неограниченному расширению или модификации. В доме Ливии, матери Августа, на Палатинском холме в Риме и в различных домах в Помпеях — таких, как дома Веттиев, "Саллюстия", "Фавна" или "Трагического поэта" — можно обнаружить большоеразнообразие в количестве и расположении комнат, залов и дворов. Тем не менее, основной принцип деления, общая концепция частей, необходимых для их различных целей, была практически одинаковой. Некоторые различия и увеличения могут быть проиллюстрированы после того, как мы рассмотрим наш первый простой план. Однако, прежде чем мы возьмемся за это, было бы неплохо предупредить любого, кто, возможно, посетил или собирается посетить Помпеи, что он должен исключить из своих мыслей все те небольшие помещения в виде одной или двух комнат, которые выходят окнами на многие улицы. В основном это были магазины, с которыми мы сейчас не имеем дела. Он также должен исключить все общественные здания. Сделав это, он должен помнить, что теперь у нас есть только части стен без крыши, и что в таких обстоятельствах квартиры всегда кажутся намного меньше, чем они есть на самом деле, или чем они кажутся, когда в них должным образом расставлена мебель и оборудование. Наконец, он не должен воспринимать помпейский дом, даже самый просторный, как наглядный пример размера или великолепия больших домов в мегаполисе. Помпеи были всего лишь небольшим местечком с населением, не отличавшимся большим богатством или положением, и его дома выглядели бы всего лишь провинциальными среди построек того же времени на Авентинских, Целийских, Эсквилинских или Квиринальских холмах. Тем не менее, они чрезвычайно полезны для нас при восстановлении типа. Мы сейчас рассматриваем именно этот тип, а не исключение.

Городской дом может быть либо отдельно стоящим, либо стоять на улице, как один из многоквартирных домов, с магазинами, расположенными в менее важных частях внешней стены первого этажа. Естественно, многое зависело от средств и достоинства владельца. В любом случае внутренние помещения принадлежали частной резиденции. Как правило, внешнему виду обычного дома уделялось мало внимания. На него не тратилась впустую архитектура; украшения и другое великолепие принадлежали интерьеру. При условии, что в доме был более или менее внушительный дверной проем, его наружные стены можно было оставить либо для магазинов, либо для тусклой монохромной штукатурки, прорезанной тут и там, при необходимости, на высоте 9 или 10 футов от земли зарешеченными щелями, которые нельзя назвать окнами, для проникновения света. Общий принцип римского дома, как и греческого, заключался в том, что комнаты окружали пространства, освещенные изнутри. На самом деле римляне не так тщательно стремились к уединению от внешнего мира, как афиняне, — главным образом из—за более свободного положения, занимаемого римскими женщинами, — тем не менее оно было обеспечено отсутствием окон на первом этаже, выходящих на какую-либо улицу.

[Иллюстрация: РИС. 29. — ТИПИЧНАЯ СХЕМА РИМСКОГО ДОМА.]

Перед самой дверью обычно было открытое пространство немного в стороне от улицы, в котором посетители могли подождать, пока дверь откроют. Это был "вестибюль", и в случае более крупных домов знати он часто украшался почетными статуями, верхом на лошадях или иным образом, в то время как над дверью можно было увидеть знаки отличия, одержанные семьей, украшение, в некоторой степени соответствующее современной инкрустации, за исключением того, что оно было постоянно закреплено. Это регулярно оставалось отличительной чертой дома, даже когда у него менялись владельцы. Именно в таком вестибюле

своего Золотого дома Нерон воздвиг свою собственную колоссальную статую, которой впоследствии суждено было дать название Колизею. Над большими вестибюлями могла быть частичная крыша, но обычно, и, возможно, всегда в то время, они были без покрытия.

Напротив вас в середине вестибюля находятся двойные или складные двери, более или менее богато украшенные бронзой, слоновой костью и другими изделиями ручной работы, и обычно с большим кольцом или ручкой, которые служат либо в качестве молотка, либо для того, чтобы потянуть за дверь. Над ними находится бронзовая решетка или резьба для дальнейшего украшения и пропуска света и воздуха. Некоторые домовладельцы, более суеверные или общепринятые, чем остальные, сделали надпись, например, "Да не войдет сюда зло", а над каким-нибудь более скромным входом вы могли бы найти клетку с попугаем или сорокой, которых приучили говорить "Удачи вам" по-гречески. По обе стороны от двери или собственно входа в вестибюль находятся колонны или пилястры, либо сделанные из дерева и облицованные другими, более красивыми и дорогими породами дерева, либо состоящие из цветного мрамора с богато украшенной капителью. Эти "дверные косяки" увивали лавром или другой листвой по торжественным случаям, например, когда жилец завоевывал какие-либо выдающиеся почести на поле боя, в суде или на выборах, или когда бракосочетание проходило изнутри. На похоронах в вестибюле и вокруг него клали небольшие кипарисовые деревца или ветки. С одной стороны от него иногда можно было найти дверь поменьше, которую можно было использовать для обычного входа и выхода, когда открывать большие двери было не нужно или неудобно.

[Иллюстрация: РИС. 30.—ВХОД В ДОМ ПАНСЫ. (Помпеи.)]

Сами двери поворачиваются не на современных петлях, а на шарнирах, которые вращаются, часто слишком шумно, в гнездах, проделанных в пороге и перемычке. Крепления состояли из замков — часто весьма хитроумных — из перекадины, проложенной поперек от стены к стене, из засовов, расположенных поперек или вверх и вниз, а иногда из подпорки, прислоненной к внутренней стороне двери и входящей в углубление в полу коридора. Пол самого входного коридора мог быть вымощен мраморными плитками или сделан просто из полированного цемента с нанесенными на него узорами или без них; или он мог состоять из маленьких каменных кубиков белого, черного или более разнообразного цвета, часто выполненных в виде фигур и время от времени сопровождаемых надписью прямо у порога, такой как "Приветствие" или "Берегись собаки". В одном помпейском доме на полу хорошо известное мозаичное изображение собаки, которую держат на цепи. Сбоку от прохода часто есть комната поменьше для уборщика. Если таковой нет, следует предположить, что он воспользовался передвижным сиденьем.

Пройдя по коридору, вы попадаете в прямоугольный зал, в котором было расточительно выставлено главное украшение с точки зрения возвышенности. В середине потолка находится открытое пространство, квадратное или продолговатое, к которому сверху сходятся плитки остроконечной крыши, а в середине пола под ним находится соответствующая чаша, обрамленная по краям и вымощенная цветным или простым мрамором. Бассейн небольшой глубины и содержит воду, которая наливалась в него из декоративных бронзовых или терракотовых труб, выступающих, подобно горгульям, из края отверстия наверху. Иногда в бассейне находился фонтан. Конечно, есть отводная труба для избыточной воды, но часть этой переливающейся воды часто стекала в крытый резервуар, над которым вы могли бы найти

небольшое круглое отверстие колодца, украшенное скульптурными рельефами. Отверстие в потолке может быть образовано просто пространством между четырьмя поперечными балками, или оно может поддерживаться колонной — мраморной или облицованной мрамором — в каждом углу, или оно может опираться на большее количество таких колонн. Именно это отверстие пропускает свет и воздух в холл, и всегда следует помнить, что у итальянского дома было больше поводов искать прохладу и свежесть, чем тепло. В день яркого солнечного света и жары всегда можно было расстелить под проемом тент или занавеску фиолетового или другого цвета, отраженные оттенки которых тем временем придавали богатство пространству внизу. Если мы возьмем один из самых красивых домов, то, взглянув на потолок, который покрывает остальную часть зала, мы увидим, что он разделен на углубленные панели или сундуки, которые украшены лепными рельефами и расписаны, или же отделаны медью, золотом или слоновой костью. Высота может быть любой, какой пожелает владелец, но, возможно, 25 футов будет скромной средней оценкой. Пол в таком доме, как правило, будет состоять из мраморных плит или выложенных узорами мраморных плиток. В менее эффектных домах он может быть изготовлен из тех же материалов, что описаны для входного прохода. Справа и слева расположены различные помещения, отделенные высокими дверями или портьерами, или и тем, и другим. К ним проникает свет из их дверей и решеток над ними, из высоких оконных прорезей, уже упомянутых во внешней стене, или иногда, когда нет верхнего этажа, от небесных фонарей. И здесь следует отметить, что представление о том, что римляне того времени использовали очень мало стекла, совершенно ошибочно, что в достаточной степени доказывают открытия в Помпеях и других местах.

[Иллюстрация: рис. 31. Интерьер Римского дома. (Переводит взгляд с Приемного зала на перистиль.)]

Стены зала в лучших экземплярах либо покрыты панелями из тонированного мрамора, либо разделены яркими полосами или продолговатыми полосами краски, либо украшены изображениями мифологических, архитектурных и других сюжетов, выполненными яркими красками по потемневшей штукатурке. На наш собственный вкус, эти цвета — красный, желтый, голубовато-зеленый и другие, — которые мы видим в Помпеях, часто чрезмерно грубы и плохо гармонируют. Но хотя верно, что древние, по-видимому, действительно испытывали некоторый недостаток в чувстве цвета, следует иметь в виду, что многие помпейские дома были украшены скорее подмастерьями, чем художниками, и, прежде всего, необходимо полностью учитывать сравнительно приглушенный свет, при котором было видно большинство картин. В зале также могли быть скульптуры, прислоненные к стенам или опорным колоннам, там, где они существовали. В дальнем конце от входа вы увидите справа и слева две большие ниши, как правило, с пилястрами по обе стороны. Эти "крылья" использовались для различных целей. Иногда одна из них могла служить столовой поменьше, или в ней могли находиться прессы и буфеты. В благородных домах в одной из них хранились определенные семейные вещи, которыми жильцы особенно гордились. Это были изображения выдающихся предков, которые служили генеалогическим древом, представленным в высшей степени объективной форме. В выбранную нами дату должна была появиться серия портретных бюстов или же портретных медальонов, выполненных рельефно или раскрашенных, в то время как в специальных сосудах, с надписью внизу имени и ранга, хранились восковые маски выдающихся людей в натуральную величину, которые можно было выносить и нести в процессии на похоронах члена семьи. Хотя в древности не существовало "Коллегии герольдов", обычно богатый парвеню мог выдумать для

себя родословную. Это правда, что по обычаю "право на изображения" было ограничено теми семьями, которые занимали высшие государственные посты, но специального закона по этому вопросу не существовало, и римский *нувориш* мог действовать точно так же, как его современный представитель, добываясь своих "портретов предков".

[Иллюстрация: рис. 32.—ДОМ КОРНЕЛИЯ РУФА. (Помпеи.)]

Посмотрев таким образом направо и налево, на потолок и пол, мы теперь смотрим в конец зала, обращенный к нам. Средняя часть этого помещения открытая и обрамлена парой высоких колонн или пилястр и карнизом, которые вместе образуют, пожалуй, самую отличительную черту этой части дома. Между колоннами находится помещение, которое может быть или не быть приподнято на одну-две ступени над уровнем холла. Эта комната, в отличие от самого холла, представляет собой гостиную, приемную или "гостиную" (в старом смысле этого слова) и обставлена соответствующей мебелью. В нем хозяин принимает гостя, проводит собеседования со своими клиентами, составляет свои счета и занимается другими частными делами, которые могут выпасть на его долю. В задней части она может быть полностью закрыта или в ней может быть большое окно, через которое открывается вид на окруженный колоннадами и озелененный двор за ее пределами. Пол здесь может состоять из большой мозаики, похожей на ковер, такой, как та знаменитая работа, взятая из Дома фавна в Помпеях и ныне находящаяся в Неаполитанском музее, которая представляет битву между Александром и персами. Сбоку от входа в эту "гостиную" на пьедестале часто стоит бюст владельца, как "Гения домашнего очага". С другой стороны есть проход, служащий средством доступа ко второму или внутреннему отделению дома.

[Иллюстрация: рис. 33. — ПЕРИСТИЛЬ С САДОМ И ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ .]

Пробираясь по этому проходу, мы оказываемся в пространстве еще более открытом, чем холл. Обычно это четырехугольный двор без крыши, окруженный крытой колоннадой и отсюда известный как "перистиль". Или же колоннада может простираться только с трех сторон, при этом задняя часть будет свободна для выхода в сад. На открытом пространстве между рядами колонн растут декоративные кустарники и цветы, мраморные столики, резервуар с водой с золотыми рыбками, фонтан и мраморные бассейны, в которые из бронзовых или мраморных статуэток, фигур животных или масок бьет пресная вода. Под колоннадой находятся мраморные полы или другие более или менее богатые покрытия, украшенные стены и такие произведения искусства, которые больше всего нравятся владельцу.

[Иллюстрация: рис. 34.—ПЕРИСТИЛЬ В ДОМЕ ВЕТТИЕВ. (Современное состояние.)]

Когда кажется желательным получить тень и прохладу, между колоннами могут быть подвешены цветные занавески или маркизы, чтобы можно было с комфортом сидеть или гулять под уединенной частью. По бокам расположены апартаменты различного назначения. В дальнем конце или в другом месте обычно находится самая большая столовая, часто с мозаичным полом и, как правило, с рисунками на стенах. Место, в котором семья или приглашенная компания должны были поужинать, частично зависело от количества присутствующих, частично от времени года, а частично от какого-то мимолетного желания. В доме с любыми претензиями должно быть несколько комнат, используемых или способных быть используемых для этой цели.

В некоторых столовых было то, что мы бы назвали французскими окнами с трех сторон, что позволяло посетителям наслаждаться видом на сад или кустарник снаружи.

Другие большие и просторные апартаменты или салоны за пределами перистиля использовались для светских бесед или как гостиные. Еще дальше, за другим проходом или дверью, часто находился сад с беседкой или террасой, увитой вьющейся лозой, известной в современной Италии как *пергола*. В подходящую погоду здесь часто принимали пищу *на свежем воздухе*, а иногда для этой цели были установлены стационарные кушетки и каменные столы.

Возвращаясь из сада во двор, мы могли бы исследовать другие проходы, ведущие на кухню или в ванные комнаты с горячей, согревающей и холодной водой. Соответственно, эти офисы будут расположены там, где обстоятельства сделают их наиболее удобными. На кухне часть, соответствующая нашей "плите", состояла из плоской конструкции из каменной кладки, на которой разводился огонь. Кухонные горшки устанавливались либо на выступы каменной кладки, идущие поперек очага, либо на трехногие подставки из железа. Прилагаемые иллюстрации достаточно наглядно покажут, что имеется в виду. Спальни рабов, немногим лучше камер, а также кладовые были распределены по-разному. Подземные погреба, по-видимому, были исключительными, хотя примеры можно увидеть в Помпеях.

[Иллюстрация: РИС. 35. — КУХОННЫЙ ОЧАГ В ДОМЕ ВЕТТОВ.]

[Иллюстрация: РИС. 36.—КУХОННЫЕ ОЧАГИ (рисунок).]

Где-нибудь в одном из отсеков зала, в задней части двора-перистиля или в другом месте можно было найти небольшое святилище для поклонения домашним богам. Это было сооружение разной конструкции. Иногда это была ниша или углубление с картинами или маленькими изображениями и с алтарем или алтарной полкой под ним, иногда миниатюрный храм, возведенный у стены. По-видимому, не существовало специального места, которому он должен был быть отведен больше, чем какому-либо другому. К природе и значению домашних богов мы можем снова обратиться, когда будем говорить об общем предмете религии.

[Иллюстрация: РИС. 37. — УСЫПАЛЬНИЦА (НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ) В ДОМЕ ТРАГИЧЕСКОГО ПОЭТА.]

В домах деятелей культуры также имелась бы библиотека и, возможно, реже, картинная галерея. Библиотека, которая иногда состояла из тысяч рулонов, представляла собой комнату, не только окруженную большими ячейками или открытыми шкафами, содержащими круглые коробки для рулонов пергамента, но и разделенную нижними перегородками, снабженными с обеих сторон аналогичными полками. По всей комнате, над полками или возле них, стоят портретные бюсты или медальоны великих авторов, как греческих, так и римских, "слепой" Гомер представлен в традиционной форме, но большинство, от Эсхила и Фукидида до Вергилия и Ливия, являются подлинными и превосходно подобны им. В картинной галерее можно было найти картины, выполненные либо на оштукатуренных стенах в обрамлении рам, либо на деревянных панелях, прикрепленных к стенам, очень похожих на те, что мы вешаем в наши современные картины.

[Иллюстрация: РИС. 38.—ДОМАШНЯЯ СВЯТЫНЯ.]

Редко бывало так, чтобы второй этаж — там, где он вообще существовал, — занимал весь дом. Если использовались верхние комнаты, то их размещали в тех местах, где они меньше всего мешали бы освещению, комфорту и внешнему виду помещений на первом этаже. Ведущие к ним лестницы располагались по-разному и были как можно незаметнее. В таких верхних квартирах, естественно, не было такого риска со стороны любопытных или грабителей, как в случае с нижними, и поэтому окна размером примерно 4 на 2-1 / 2 фута использовались свободно. В некоторых случаях, хотя мы не можем сказать, насколько часто, второй этаж выступал на мощных балках над улицей, как в примере в Помпеях, известном как "Дом с висячим балконом".

Остается сделать краткие замечания по одному или двум вопросам, интересным любому практичному домохозяину. Это вопросы водоснабжения, дренажа, утепления и кровли.

В отношении воды трудностей не возникло. Его доставляли обычным способом из тех резервуаров, которые образовывали концы акведуков, с помощью труб, в основном сделанных из свинца, хотя иногда и из бронзы. Их направляли в те точки, где они были необходимы, и там потоком управляли с помощью кранов и заглушек. Чтобы изготовить водопроводную трубу, лист свинца или бронзы сворачивали в цилиндр, соединение двух краев которого принимало форму приподнятого гребня, который спаивали. Один конец секции был сжат или сужен так, чтобы его можно было вставить в расширенный конец следующей. Свинцовые трубы немалых размеров, на которых выбито имя владельца, можно увидеть сохранившимися в Палатинском доме Ливии, а несколько труб меньшего размера сохранились в Помпеях. Для отвода туда были проложены канализационные трубы, а также трубы для отвода менее неприятного перелива воды в уличные каналы, которые, в свою очередь, вели в подземные стоки.

[Иллюстрация: РИС. 88 А.—СВИНЦОВЫЕ ТРУБЫ В ДОМЕ ЛИВИИ.
(Палатин.)]

[Иллюстрация: РИС. 39.—ПЕРЕНОСНЫЕ ЖАРОВНИ.]

Для обогрева дома римляне использовали не только переносные жаровни с древесным углем в качестве топлива, но и в более крупных заведениях существовала система "центрального" отопления, с помощью которой горячий воздух подавался из печи в подвале через дымоходы, проходящие под полом и вверх по стенам, где его действие можно было регулировать с помощью регулируемых отверстий или регистров. Единственный стационарный камин в городском доме находился на кухне. Отсюда дым уносился дымоходом, представляющим собой, по сути, дымоход. Вера в то, что римляне не были знакомы с такими вещами, как дымоходы, оказалась ложной.

[Иллюстрация: РИС. 40.СПОСОБ ПОКРЫТИЯ ЧЕРЕПИЦЕЙ.]

Кровля, построенная, как это чаще всего бывало, в остроконечной форме, состояла из терракотовых плиток, расположенных по регулярной системе. Сначала шли плоские слои, каждый верхний ряд перекрывал нижний. Нисходящие края ряда этих плоских пластин, когда они лежали бок о бок, были загнуты вверх в виде своеобразного фланца высотой около 2-1 / 4 дюйма, так что в местах соприкосновения с крышей образовался гребень. Поверх этой линии

был уложен ряд других плиток, имеющих форму полуцилиндра, причем нижний конец каждой плитки перекрывал следующий. Таким образом предотвращалось попадание дождя в щель между фланцами. Внизу, над карнизом, линия полукруглых плиток заканчивалась орнаментом в виде цветка или маски, который нарушал монотонность горизонтального края крыши.

После этого описания того, что можно считать репрезентативным римским домом, необходимо повторить, что это всего лишь типичный дом. Многие из них были значительно меньше, например, без перистилия. Многие, напротив, были гораздо более просторными и роскошными, располагая более чем одним залом и более чем одним перистилем и варьируя характер, а также количество и расположение этих частей дома. В исключительных случаях зал не имел отверстия в потолке и, следовательно, бассейна внизу, но был покрыт простой остроконечной крышей, с которой дождевая вода стекала на улицу. В исключительных случаях также не существовало "гостиной", подобной той, что была описана некоторое время назад. Расположение дома, расширения, сделанные после того, как была построена основная часть, объединение двух домов в один или другие причины часто изменяли прямоугольный и симметричный внешний вид, представленный на приведенном до сих пор плане. Такие модификации, однако, лучше иллюстрируются сравнением планов двух хорошо известных помпейских домов, чем каким-либо словесным описанием. Первый - это Панса, который образует основную часть целого квартала, вокруг него и в разных точках застраиваются небольшие жилые дома и магазины, не связанные с заведением Панса. Устройство этого дома близко к обычному или простому типу, описанному в этой главе. Второй - знаменитый дом веттов, который несколько вольготно отличается от обычного расположения квартир.

[Иллюстрация: рис. 41. —ДОМ ПАНСЫ В ПОМПЕЯХ.]

Части внутри темных линий принадлежат одному дому; остальные - другие дома и магазины, встроенные в квартал.

1. Вестибюль 11. Комнаты
2. Коридор 12. Столовая
3. Холл 13. Зимняя столовая
4. Комнат 14. Салон (гостиная)
5. Крылья 15. Кухня
6. Столовая 16. Каретное помещение
7. Гостиная 17. Будуар
8. Коридор 18. Портик
9. Библиотека? 19. Торговый зал
10. Перистиль 20. Проход к Боковой двери

[Иллюстрация: рис. 32.—ДОМ КОРНЕЛИЯ РУФА. (Помпеи.)]

[Иллюстрация: рис. 42. —ДОМ ВЕТТИЕВ В ПОМПЕЯХ. Второй этаж простирался по углам и входил в передние части под девятью маленькими крестами.]

[Иллюстрация: РИС. 43 —ОБРАЗЕЦ РАСПИСНОЙ КОМНАТЫ.]

Было бы заманчиво пуститься в риторику и остановиться на великолепии некоторых из самых роскошных домов богатых римлян; описать их демонстративное использование богатого

мрамора в колоннах, стенах или полу — белого мрамора Каррары, Пароса и Гиметта; фригийского мрамора или "павонаццетто" с его малиновыми или фиолетовыми прожилками; оранжево-золотистого сияния нумидийского камня "джалло антико"; каристийского мрамора или "чиполлино" с его похожими на луковицы слоями белого и бледно-желтого -зеленый; змеевидный сорт из Лаконии и порфиновый из Египта. Мы могли бы остановиться на роскошных настенных росписях, изображающих реальные и воображаемые пейзажи, сцены из мифологии и полуистории, парящие фигуры, жанровые картины и натюрморты; или на мозаиках на полу и стенах, изображающих аналогичные сюжеты и часто служащих жильцам не столько живописью, сколько обоями и брюссельскими или киддерминстерскими коврами. Мы могли бы говорить об обильных коллекциях скульптур, о позолоте на потолках и карнизах, о цветах, отбрасываемых богатыми пурпурными и малиновыми занавесями и маркизами, о приятном звуке воды, журчащей в фонтанах и бассейнах или журчащей по ряду ступеней, подобно разбитому каскаду в миниатюре. Но, возможно, чрезмерное количество таких описаний могло бы только еще больше укрепить ошибочное представление о том, что все римские дома были такого рода и что даже средний римлянин жил среди изобилия подобной домашней роскоши и искусства. Требуется лишь немного трезвого размышления, чтобы понять, что такие дома были, как и всегда, исключением. Было бы столь же разумно судить о среднестатистическом лондонском доме по самым роскошным образцам на Парк-Лейн или об американском доме по самым богатым в Ньюпорте, как судить о жилищах римлян во времена Нерона по примерам, которые так сильно привлекают романиста или историка-романтика. Достаточно того, что рядом со скромными домами, доходными квартирами и лачугами были дома, отличавшиеся безмерной роскошью; и, поскольку римляне во все времена стремились к показному и грандиозному, возможно, такие жилища были больше и претенциознее по сравнению с богатством, чем в большинстве цивилизованных стран в наши дни. Сенека, который чувствовал себя чрезвычайно комфортно во времена Нерона, восклицает по поводу ярости на дорогие украшения. Вот что он говорит о купании плутократа: "Он кажется себе бедным и ничтожным, если только стены не украшены большими дорогими плитами, если александрийский мрамор не украшен рельефами из нумидийского камня, если весь потолок не украшен искусной росписью, если купальни не отделаны тазийским камнем, если вода не льется из серебряных кранов". Они, действительно, сравнительно скромны. "А как насчет бань вольноотпущенников? масса статуй! Какое множество колонн, ничего не поддерживающих, но поставленных здесь только для украшения! Какое количество воды с журчанием стекает по ступенькам — и все напоказ!"

[Иллюстрация: РИС. 44.—ОБРАЗЕЦ НАСТЕННОЙ ЖИВОПИСИ. (Помпеи.)]

ГЛАВА X

ЗАГОРОДНАЯ УСАДЬБА И ЗАГОРОДНОЕ КРЕСЛО

Во всех романизированных частях империи — другими словами, везде, где селились римляне, в Италии, Испании, Галлии, Британии, а также везде, где более богатые туземцы подражали римской моде, — дома в любом большом городе строились настолько близко, насколько это возможно, к описанному типу.

В сельской местности у бедняков, естественно, были свои гораздо более простые коттеджи и хижины из одной-двух комнат, обычно крытые соломой или дранкой, они ничего не знали о холлах и дворах и обо всех этих произведениях искусства и роскоши. В случае с более

зажиточными сельскими жителями Италии — крупными фермерами, виноделами, выращивающими оливки и тому подобное, — усадьба была такого рода, которая создавала простоту и комфорт. Именно в таких домах можно было найти самую полноценную жизнь и самые прочные моральные устои того времени.

Обычно усадьба представляла собой большое и часто беспорядочное одноэтажное здание, за исключением тех случаев, когда башня служила кладовой для созревающего вина или чердаком для созревающих фруктов. Когда мы читаем у Горация о большой охапке дров, которую нужно держать наготове возле очага, и о кувшине вина, который пьют в дыму в кладовой, мы должны думать о его загородной усадьбе на Сабинских холмах, а не о доме в Риме, потому что в Риме не было пылающего очага, вокруг которого можно было сидеть, и дымящегося чердака для созревания кекубы.

Вы входите в открытый двор, по сторонам которого расположены стойла для лошадей и волов фермы, склады с инструментами, склады с сеном и зерном, помещения работников — пастухов, пахарей, виноградарей - и огромная фермерская кухня. Именно на этой кухне вы найдете яркий очаг в зимнее время, где все члены усадьбы собираются вокруг огня. Именно здесь они затем все едят, и в нем женщины заведения выполняют свою работу, прядут, ткут и чинят. В стороне от двора будут расположены винный или оливковый пресс, зернохранилища, где фрукты созревают на циновках, а также различные помещения или бункеры, где ферментируют и хранят вино или где обрабатывают и запасают оливковое масло. Обычно в более уединенном дворе располагаются личные комнаты владельца, а где-то на территории усадьбы находится птичий двор с курами, утками, гусями и цесарками, свинарниками и консервами для различных зубастых животных, включая, возможно, сонь и улиток.

[Иллюстрация: рис. 45.—ПЛАН УСАДЬБЫ В БОСКОРЕАЛЕ.]

Часто городской римлянин приобретал загородный дом такого рода, в который он убегал во время тиранического правления Собачьей Звезды или Льва - другими словами, в то жаркое время года, которое не нуждается в описании для тех, кто был настолько опрометчив, что поселился в Риме в июле, августе и начале сентября. Многих из своих городских рабов он заберет с собой, и то, что было праздником для него, было праздником и для них. Его сельская усадьба обладала бы большим очарованием для более спокойного типа людей, которые по-настоящему не любили помпезность и шумиху города. Представление о полезных деревенских продуктах — свежем молоке, яйцах, овощах и нежной птице — до сих пор привлекает наших горожан. Но видение, тогда, как и сейчас, часто было подвержено разочарованию. Много жалоб на то, что вам приходилось кормить усадьбу вместо того, чтобы она кормила вас, и когда Марциал представил приятную картину семьи, подъезжающей к воротам Рима с кучей типичных местных продуктов, он заканчивает тем, что внезапно сообщает вам, что они не возвращаются из своего загородного дома, а направляются к нему. Жалоба английского приморского городка на то, что рыбы не будет, "пока не придет поезд из Лондона", таким образом, достаточно стара. И все же тот же Марциал рисует другую картину, написанную с таким пылом откровенного наслаждения, что мы сразу убеждаемся в ее правдивости. Некоторые ее фрагменты, возможно, допускают перевод в следующих терминах: —

Байское сиденье нашего друга Фундануса,
Мой Басс не слишком приятен в чистоте,
Там, где мирты растут ленивыми рядами,

Обрезанный ящик и самолеты, не связанные узами брака с виноградными лозами
Грабят по праву, используют акры пошире:
Это настоящая фермерская жизнь по-деревенски.
В каждом углу сложено зерно,
Старые вина разлиты в ароматные кувшины:
По скотному двору болтает гусак
И павлин с блестками свободно разгуливает:
С фазанами и фламинго рыщут
Куропатки и пестрые цесарки:
Голубь и восковая горлица
Шелестят крыльями в кустах наверху.
Фартук фермерши наводит порядок
Жадных свиней вокруг;
И нежный ягненок с нетерпением
Ждет наполненного вымени своей матери.
В очаге много поленьев.
Домашние боги сияют на свету,
И маленькие рабыни растянулись вокруг.
Здесь нет городских бездельников:
Ни один келарь не бледнеет от лени,
Ни один тренер не тратит свое масло впустую, но оба
Отправляйтесь в поход и хитроумно спланируйте
Заманить в ловушку жадного ортолана.
Тем временем сад звенит от веселья,
Пока горожане копают плодородную землю:
Голос пажа не нужен;
Дерзкие длинноволосые мальчики радуются
Выполнять команды менеджера.
Утром мы приходим не с пустыми руками
Страна выполняет свой долг, но некоторые
Принесите мед в местных сотах,
Или ломтики сыра; некоторые считают, что не помешает
сонная соня из леса;
А старшие девочки честных арендаторов приносят
Корзины с "материнским подношением".

Посещение страны в сезон "безумной звезды" и "сирокко" было так же необходимо древнему римлянину, как его *villeggiatura* современному. Но были и другие сезоны, когда он убежал из города. Если в летнюю жару он стремился в горы, то в более холодное время он мог искать юг Италии, а весной или осенью - побережье в различных местах от устья Тибра до южнее Салерно, мог сбежать от неудобных дел или церемоний, или просто из желания отдохнуть, или выспаться, или переодеться. Возможно, он хотел бы, как Цицерон и Плиний, уйти от "игр", учиться и писать в тишине. Он мог бы вообразить, что его здоровье требует купания в горячих источниках Неаполитанского залива или морских купаний где-нибудь на побережье Лациум или Кампании. Короче говоря, он был очень похож на нас самих, озабоченных, желчных или

измученных. Его церемонная жизнь была тяжелой, и часто он слишком много ел и пил. Но в то время как в наши дни мы можем свободно выбирать любое приятное место, поскольку в каждом таком месте есть свой "Гранд отель" или "Отель Супербе", где мы всегда можем найти толпу и дискомфорт, от которых мы притворяемся, что спасаемся, римская идея была иной. Это больше соответствовало образу жизни наших английских дворян, которые во времена Елизаветы или королевы Анны или позже строили себе загородные усадьбы, одну, две или более, предаваясь архитектурным фантазиям и окружая все это просторными садами, прудами и рокариями. Богатый римлянин не создавал отелей. Он разбросал свои загородные участки по местам, где воздух был теплым зимой и весной или прохладным летом и осенью, на берегу моря, в низинах или высоко на склоне горы. Вы могли бы найти их на итальянских озерах или в других местах на севере. В большем количестве вы бы нашли их на холмах близ Рима, в современном Тиволи или Палестрине, на Альбанских высотах близ нынешних Фраскати, Альбано или Дженцано, вдоль побережья в Антиуме, Террачине, Байях, Неаполе, Геркулануме, Помпеях, Каstellамаре и Сорренто.

Возможно, не будет преувеличением сказать, что более ста двадцати миль этого побережья представляли собой практически цепь загородных домов. Берег Неаполитанского залива сравнивали с жемчужным ожерельем, нанизанным на синеву. Везде, где был широкий и разнообразный ландшафт или морской пейзаж, возникал римский загородный дом. Мы слишком склонны предполагать, что древние не испытывали особой любви или даже высокой оценки пейзажа, и воображать, что это чувство пришло как откровение к Руссо, Вордсворту или художнику девятнадцатого века. То, что римская литература не хвастается этим вопросом, было абсурдно принято за доказательство того, что римский писатель не в полной мере наслаждался представшей его глазам славой. Но, хотя римская литература не бьет ключом, она часто проявляет те же чувства к пейзажу, которые проявляют, по крайней мере, Томсон или Каупер. Возможно, он настолько привык к живописным красотам, что воспринимал как должное многое из того, что недоступно английскому или немецкому писателю. Во всяком случае, мы уверены, что римлянин выбрал для своей загородной резиденции место, откуда открывался самый широкий и красивый вид, и что он даже построил башни над своим домом, чтобы лучше любоваться видом. В этом отношении он был похож на средневековых монахов, когда они выбирали места для монастырей в Сан-Мартино или Амальфи, и его любовь к бельведеру, вероятно, была столь же велика, как и у них.

Загородное поместье сильно отличалось от городского дома. Мы должны забыть о плане, который был дан выше, с его залом и двором, освещенными изнутри и закрытыми от проходящей толпы на улице. В сельской местности в таком устройстве нет необходимости. Более того, здесь не проводятся официальные приемы, требующие наличия зала, и есть достаточно садов, чтобы сделать перистиль излишним. Здесь стены дома могут прорезаться большими и открытыми окнами, в то время как по всему периметру могут тянуться веранды с колоннами. Построенный в любой форме, в зависимости от ситуации и фантазии, он может содержать огромное разнообразие гостиных, столовых, спален, выходящих окнами во все стороны, чтобы ловить солнце, тень, ветерок или перспективу, в зависимости от обстоятельств. Нельзя сказать, что великолепием пренебрегают больше, чем в больших английских загородных усадьбах. Колонны и тротуары настолько богаты, насколько позволяют средства, а произведения живописи и скульптуры, возможно, даже прекраснее и многочисленнее, чем в городе; здесь больше времени, чтобы посмотреть на них, и есть лучшие условия для демонстрации. Многие из лучших произведений древней скульптуры, ныне хранящихся в

музеях, были родом из таких загородных мест. Конечно, были вульгарные дома с дурным вкусом, где представления владельца о великолепии заключались в показной расточительности и желании перещеголять своего соседа. Как и сейчас, все зависело либо от культуры человека, либо от того, хватит ли у него здравого смысла оставить такие вопросы своему художественному руководителю.

За пределами дома раскинулись сады и прилегающая территория. По большей части они выдержаны в формальном стиле, столь часто применяемом в более современной Италии и столь популярном в Англии начала восемнадцатого века. Возможно, Вилла д'Эсте в Тиволи, хотя, конечно, и не древняя, может дать некоторое приблизительное представление о преобладающем принципе. Вдоль одной стороны римского дома мы должны найти гладкую террасу, украшенную статуями и вазами, которую можно использовать как променад. Здесь проложены прямые дорожки между живыми изгородями, деревьями и кустарниками — кипарисом, лавром, самшитом и другими послушными растениями, — подстриженными в форме зверей, птиц и неодушевленных предметов. Есть клумбы с цветами — розами, крокусами, ландышами, нарциссами, фиалками, но нет, например, тюльпанов, — разбитые геометрическими узорами. Здесь есть беседки с решетками и дорожки, увитые лианами или другими вьющимися растениями. Есть группы лавровых деревьев, платанов или миртов с мраморными скамьями под ними. Здесь есть либо аллея, либо крытая колоннада, где земля сделана из мягкой земли или песка, и где семья может заниматься физическими упражнениями, переноса носилки взад-вперед на открытом воздухе или в тени. Здесь есть оранжереи и питомники, где цветы выращиваются под стеклом. Здесь есть пруды с рыбками, фонтаны и водные каналы с искусственными каскадами и общим подобием журчащих ручьев. За ними раскинулись фруктовые сады и огороды, где выращивают большинство современных фруктов, включая персики, абрикосы и миндаль, но пока нет ни апельсина, ни лимона.

Местность непосредственно вокруг особняка богатого человека обычно была его собственным поместьем. Часть этой территории часто представляла собой лесные массивы, дающие возможность охотиться на оленей, диких кабанов и другую дичь. Для кабана оружием было прочное копье, и обычная практика охотника заключалась в том, чтобы ждать в определенном месте, пока зверь не будет подогнан к нему кольцом загонщиков. Оленя ловили сетями или протыкали дротиками во время бега. На более открытых местах охотник в сопровождении гончих гнался за зайцем. Но хотя слишком большая часть Италии была занята консервами этого непродуктивного вида, крупные поместья в основном были использованы для сельскохозяйственных целей. Разные владельцы, разные обычаи; но владелец ряда загородных поместий в некоторых случаях обрабатывал землю для себя с помощью рабов — часто находящихся в опале и работающих в цепях - под руководством управляющего или судебного пристава, в то время как в других он распределял свою землю на различных условиях среди свободных арендаторов. Отрадно обнаружить, что в неурожайное время года щедрый землевладелец иногда перечислял часть своих взносов и что он признавал различные обязательства крупного сеньора перед своим районом. Среди них было поддержание и украшение местных святынь, а также вклад в строительство зданий и проведение работ для общественного комфорта.

Таким было бы загородное поместье, если бы оно располагалось на суше. У моря, особенно на таком часто посещаемом курорте, как Байя, количество комнат было более ограниченным, а оборудование модифицированным. Обширный сад отсутствовал бы, а высота здания

увеличилась бы на второй или даже третий этаж. Не было ничего необычного в том, что такая "вилла", как ее называли, возвышалась на мысе, где с обеих сторон ее встречало море. Во многих случаях они действительно были построены прямо в море на сваях или на бетонном основании, и жильцы получали особое удовольствие от рыбной ловли из окна и от того, что настоящая морская вода стекала в их ванну для купания.

ГЛАВА XI

РИМСКАЯ МЕБЕЛЬ

Об обычной мебели римского дома нам не нужно тратить много слов. Во-первых, она была простой и скудной по сравнению с современной мебелью и обивкой. С другой стороны, в его природе нет ничего такого, что было бы для нас странным или что требовало бы объяснения.

К числу наиболее заметных различий между римской и современной мебелью следует отнести отсутствие ковров, сравнительно небольшое использование столов и стульев, отсутствие обивки у тех стульев, которые использовались, и большую роль играли диваны. Вместо ковров были декоративные полы, покрытые геометрическими узорами, композициями из мрамора с прожилками или мозаичными рисунками, составленными из небольших блоков цветного камня или стекла. Изготовление ковров было хорошо развито на Востоке, и Риму не составило бы труда приобрести столько ковров, сколько он пожелал, но поскольку гобелены использовались для портьер и занавесок, для покрытия обеденных диванов и кроватей или для набрасывания на спинку стула. Римлянин тщательно очищал свои полы, стены, колонны и потолки от пыли и пятен с помощью щеток из перьев или светлых волос, веников из пальмовых или других листьев и губок. Таким образом, он избавил себя как от труда, так и от вредности ковров.

[Иллюстрация: РИС. 46.РИМСКИЙ СКЛАДНОЙ СТУЛ. (Schreiber.)]

[Иллюстрация: рис. 47.—БРОНЗОВОЕ СИДЕНЬЕ (Овербек)]

Нам нет необходимости вдаваться в сухие подробности относительно тех изделий, которые были похожи на наши собственные. О римских сиденьях достаточно сказать, что это были либо квадратные табуретки без спинки и подлокотников, либо складные табуретки, либо это были настоящие стулья либо с прямыми подлокотниками и спинкой (происхождение современного трона), которые использовались владельцем при приеме клиентов или посетителей по делам, либо с длинной покатою спинкой и без подлокотников, которыми пользовались, в частности, женщины. Вся обивка состояла из подвижной подушки.

Но римлянин редко расслаблялся в кресле: даже чтением и письмом он обычно занимался, полулежа на ложе. Когда он писал, он складывал свои таблички вдвое на колене, и можно предположить, что привычка делала это занятие легким и естественным. Кушетка, пожалуй, действительно, главный предмет римской мебели. Откидываться назад было настолько обычным делом, что там, где нам следовало бы говорить о гостиной, римляне говорили о "комнате для отдыха". За работой они сидели; но они откидывались в светской беседе — если только она не была короткой — во время чтения, во время сиесты и за ужином. Их кровати в собственном смысле были похожи на наши, хотя и не такие тяжелые, как у нас в старину. Для их установки часто приходилось использовать ступеньки или удлиненную скамеечку для ног. Раб, находившийся в непосредственной близости от хозяина или госпожи, иногда спал на низкой раскладушке, которую днем можно было задвинуть под другую. Кушетки для дневного

использования были ниже, легче и уже по конструкции, с подвижной опорой в изголовье и со спинкой или без нее.

[Иллюстрация: РИС. 48.КАРКАС РИМСКОГО ДИВАНА.]

Каркасы таких кушеток щедро украшались шпоном из декоративного дерева, или тонкими пластинками из слоновой кости или панциря черепахи, или рельефами из бронзы или даже золота или серебра. В более богатых домах ножки также могли быть сделаны из серебра или слоновой кости. Для столовых богатых людей особой особенностью была такая работа на бросающихся в глаза частях рам, в то время как подушки и покрывала были сделаны из дорогих тканей, богато окрашенных и вышитых или штофных. Способ подачи и употребления ужина - это тема, которая относится к нашему последующему описанию светского дня, и здесь ее должно быть достаточно, чтобы представить обычную организацию званого ужина.

[Иллюстрация: РИС. 49.—ПЛАН ОБЕДЕННОГО СТОЛА С ТРЕМЯ ДИВАНАМИ.]

[Иллюстрация: рис. 50.—СИГМА.]

Посередине находится стол, квадратный или, если возможно, круглый, сделанный, по возможности, из цельного куска дорогостоящей древесины с волнистым или павлиньим рисунком, полученным путем распиливания нижней части ствола мавританского дерева. Цена зависела от размера. Мы узнаем, что одна такая круглая плита стоила 4000 фунтов стерлингов. Возможно, нет необходимости отмечать, что многие столы были всего лишь "имитацией". Когда они не использовались, а иногда и тогда, такие столы накрывались цветными льняными скатертями. Предпочтительно этот древний эквивалент "лучшего красного дерева" опирался на единственную ножку, состоящую из слоновых бивней или скульптурного мрамора. С трех сторон расположены кушетки, покрытые матрасами, набитыми флоксом или перьями, и снабженные мягкими подушечками, на которые можно опереться левой рукой. Иногда вместо трех отдельных кушеток стояла только одна большая кушетка в форме полумесяца, либо огибающая половину большого круглого стола, либо перед ней ставилось несколько столиков поменьше. Столов в других комнатах почти не было, поскольку, как уже было отмечено, они не требовались для чтения или письма или для хранения различных предметов, которые мы, современные люди, размещаем на них. Помимо обеденных столов, мы, как правило, находим только буфет, установленный в столовой для размещения столовых приборов. Он был либо из декоративного дерева, либо из мрамора со скульптурной подставкой и явно предназначался для показа. Вместо столов для поддержки необходимых предметов мы находим штативы из бронзы или мрамора с плоской столешницей, а иногда и с бортиком.

[Иллюстрация: РИС. 51.—ТРЕНОЖНИК ИЗ ГЕРКУЛАНУМА.]

Другими предметами домашней мебели были сундуки, прессы или платяные шкафы. Было почти правилом, что в зале, сбоку или в конце, должен стоять низкий тяжелый сундук — иногда больше одного, — иногда сделанный из железа, иногда из дерева, окованного бронзой и украшенного рельефной резьбой по металлу. В нем хранились запасы денег и других ценных предметов, и по этой причине он был прочно заперт и часто прикреплялся к земле вертикальным железным стержнем. Такой сундук до сих пор можно увидеть на его месте в Доме Веттиев в Помпеях. О портьерах, занавесках и маркизах сказано достаточно, за исключением того, что они также использовались для драпировки менее декоративных стен. Зеркал, по-видимому, было много. О таких изделиях из стекла ничего не упоминается, вероятно, потому,

что древние еще не научились делать этот материал достаточно чистым и натуральным или покрывать его надлежащей фольгой или фоном. По большей части они были сделаны из полированной меди, бронзы или серебра. Те, что поменьше, держали в руке, ручка и задняя часть были богато и часто со вкусом украшены. Сохранилась эпиграмма, в которой рассказывается о мстительной римлянке, которая ударила свою служанку зеркалом за то, что та заметила неправильно уложенный локон. Другие зеркала были сделаны так, чтобы стоять на подставке, и есть упоминания о некоторых достаточно больших, чтобы показывать всю длину тела.

[Иллюстрация: рис. 52.—СУНДУК (СЕЙФ).]

[Иллюстрация: РИС. 53.—ЗЕРКАЛА.]

В отсутствие газа, электричества и даже керосина не было лучшего способа осветить дом, чем масляные лампы. Даже у них не было дымохода. Естественно, прилагались все усилия, чтобы получить такое масло, которое производило бы наименьшее количество дыма или запаха, но, несомненно, трудность так и не была полностью преодолена. Поэтому естественно слышать о том, что масло смешивают с духами. В менее зажиточных домах могут быть восковые свечи, в еще более бедных домах - сальные свечи или даже тростниковые подсвечники, образованные длинными полосками тростника или другого волокнистого растения, тонко обмакнутыми в сало. Однако, вообще говоря, римский дом освещался лампами, наполненными оливковым маслом. Самые распространенные были сделаны из терракоты, лучших сортов бронзы или серебра, часто богато украшенные и иногда очень изящные. В качестве типичных образцов мы можем взять те, что здесь проиллюстрированы.

[Иллюстрация: РИС. 54.—ЛАМПЫ.]

Маленькая фигурка, стоящая на одной лампе, держит цепочку, к которой прикреплен щуп для поджигания фитиля или для удаления "грибков", которые могут образоваться на нем. Лампы изготавливаются всевозможных фантастических форм — кораблей, обуви и других предметов - и могут гореть либо одним фитилем, либо значительным количеством, выступающих из разных сопел. С целью освещения комнаты их можно либо устанавливать на вертикальные штандарты высотой четыре или пять футов, иногда с помощью стержней, которые можно регулировать по высоте, как у современных подставок для чтения; либо их можно подвешивать к потолку на цепях, на манер люстры, или удерживать статуей, или подвешивать к подставке в форме колонны или дерева, с ветвей которого они свисают, как фрукты. Для использования на улице использовались факелы, а также фонари, которые имели металлический каркас и были "застеклены" листами прозрачного рога, в более дешевых экземплярах - пузырем, в более дорогих - прозрачным тальком.

[Иллюстрация: РИС. 35.—ДЕРЖАТЕЛЬ ЛАМПЫ В ВИДЕ ДЕРЕВА.]

Как и у греков, римский дом отличался щедростью в использовании и демонстрации чашек и тарелок самых разнообразных форм и материалов. Стекланных сосудов было множество, и, за исключением совершенно чистых белых, они производились как в Риме, так и в Александрии с самой искусной отделкой. Также был известен вид фарфора, но он был очень редким и высоко ценился. По большей части бедняки пользовались глиняными чашками и тарелками или деревянными подносчиками. Богатые стремились к изобилию серебряных кубков, усыпанных драгоценными камнями, а иногда отваживались на золотой кубок, хотя императорским указом

использование полного золотого сервиза было ограничено пределами дворца. Были сосуды для питья, широкие и неглубокие, с богатой чеканкой или *повторной* работой, или глубокие, с двойными ручками и ножкой, или другие разнообразные. Здесь были всевозможные тарелки и блюда из серебра или позолоченные. Здесь были изящные кувшины, половники и мисочки для смешивания. То, что мы считаем наиболее необходимыми предметами, но чего не хватает на римском столе, - это ножи и вилки. Столовые вилки, действительно, были неизвестны до самого нового времени, но даже ножами в Риме пользовались только профессиональные резчики по дереву за своим прилавком. Были также обогреватели, в которых воду можно было поддерживать горячей за столом и отводить из маленького крана.

[Иллюстрация: РИС. 56.—КУБОК Из ГЕРКУЛАНУМА.]

[Иллюстрация: РИС. 57.—КУХОННАЯ УТВАРЬ.]

Если бы сейчас мы зашли на кухню, то обнаружили бы там практически все виды посуды, которые могут пригодиться даже в современной кухне. Здесь нет необходимости перечислять чайники, кастрюли и сковородки, ситечки, формы и формочки, которыми пользовались римские повара. Возможно, будет достаточно представить некоторые из них на обозрение. В целом, однако, следует отметить, что такая вещь, как ведро, кувшин, пара весов или сталелитейный завод, не считалась в римском доме обязательной для оставления пустой и неприглядной вещью, потому что она была полезной. Торжества олова и уродства еще не было. Такие сосуды, как кувшины для воды, все еще можно увидеть сделанными из меди изящных форм, если обратить внимание на женщин, приносящих воду на Альбанских холмах. Насколько домашняя утварь походила или отличалась от тех, что все еще используются, можно судить по иллюстрированным образцам.

[Иллюстрация: РИС. 58. —ВЕДРО Из ГЕРКУЛАНУМА.]

Современных часов не существовало, но римляне, по-видимому, не испытывали особых практических неудобств в том, что касалось определения времени и проведения встреч. Солнечных часов, как общественных, так и частных, было множество, но от них явно не было толку в пасмурные дни или ночью. Таким образом, инструментом, на который римляне в основном полагались, были "водяные часы", которые, хотя и не соответствовали нашей современной точности в минутах и даже секундах, могли фиксировать время с точностью до малых долей часа. Принцип был такой же, как у песочных часов, где вода заменяла песок. Из верхнего сосуда вода медленно стекала через отверстие в нижний сосуд, который на тот момент был прозрачным и был помечен разделами для обозначения часа и его удобных долей. Таким образом, время можно было бы определить по отметке, до которой поднялась вода в нижней части. Римляне не были в неведении о разнице между условиями летнего и зимнего стока воды, но, по-видимому, они овладели надлежащими методами "регулирования" своих довольно неудобных временных интервалов. Стоит также добавить, что в более богатых домах рабу было приказано следить за часами и сообщать о том, сколько времени прошло, а также вызывать любого члена семьи в назначенное время.

ГЛАВА XII

СВЕТСКИЙ ДЕНЬ РИМСКОГО АРИСТОКРАТА—УТРО

Мы видели, в каком доме жил римлянин в городе или деревне. Между тем само собой разумеется, что нероманское или не романизированное население империи жило в домах и среди мебели своего особого типа — греческой, сирийской, египетской или в зависимости от обстоятельств. Они также вели свою жизнь на свой лад в том, что касалось одежды, питания, занятий и развлечений.

Теперь мы можем взглянуть на то, как типичный римлянин мог бы провести обычный день в столице, и попытаться составить некоторое ясное представление о внешних аспектах такой жизни. В первом случае наш римлянин будет человеком сенаторской аристократии, наделенным как высоким положением, так и достаточными средствами, но тем, кто в настоящее время не занимает государственных должностей, будь то губернатор, военачальник, министр дорог или водоснабжения, чиновник казначейства или юстиции. Вместо того чтобы неловко называть его "наш гражданин", мы будем называть его Силиус. То же самое имя может носить большое количество других людей, поскольку это имя ранней римской семьи, которая со временем могла разделиться на несколько ветвей или "домов", отвечающих друг другу во многом так же, как "Вустершир" Такой-то может отвечать "Хэмпшир" Такой-то, за исключением того, что различие в римском случае не территориальное. Поэтому наш Силиус, естественно, будет носить другие имена, чтобы отличать его. Одним из них будет специальное название его собственного "дома" или ветви, производное, по всей вероятности, от его первого отличительного члена. Давайте предположим, например, что он - Силий Басс. Поскольку, опять же, вероятно, есть ряд других лиц, принадлежащих к той же ветви и имеющих право на те же два обозначения, у него будет "номинальное имя", соответствующее нашему "христианскому" имени, и для наших целей он будет называться Квинт Силий Басс. Это второе имя из трех, которое считается *именем*, но когда нет опасности ошибки, к нашему другу можно обращаться или писать о нем либо как Силиус, либо как Басс. В частной жизни, среди своих близких, он предпочитает, чтобы его называли Квинтом. За индивидуальным именем, фамилией и названием ветви часто следовали другие, но, по крайней мере, этими тремя регулярно владеет любой римлянин, претендующий на древнее происхождение. Для нас, однако, он будет Силиусом.

Он живет, скажем, в одном из самых больших таунхаусов на Целийском холме, выходящем окнами через узкую долину в сторону Палатина, где-то недалеко от современной церкви Св. Giovanni e Paolo. Незадолго до рассвета громкий звонок разбудил домашних рабов и заставилих приступить к работе. На дороге внизу и далеко в городе телеги, движение которых запрещено в дневное время, все еще грохочут, нагруженные продуктами или строительными материалами. Всю ночь жители менее благополучного жилья терпели этот шум, а также жужжание и скрежет мельниц, перемалывающих зерно в пекарнях. Однако сейчас приближается рассвет, и имперский Рим, который поздно ложится спать, просыпается рано. Немало римлян, даже из высших слоев общества, уже час или два на ногах, читают при свете лампы, пишут письма или диктуют их помощнику, который быстро записывает их в виде стенографии. На улицах мальчики идут в школу, те, что побогаче, несут свои собственные фонарики — по крайней мере, если это время года, когда дни короткие, — свои письменные принадлежности и хрестоматии, вероятно, Вергилия и Горация, которые были стандартными

авторами, служившими в римских школах, как Шекспир и Поуп в наших. Мальчиков состоятельных родителей сопровождает пожилой раб с суровыми манерами поведения. Вдалеке слышны звуки первых молотков и крики продавцов ранних завтраков.

Силий встает и с помощью слуги, который, конечно же, раб, одевается. Его домашний цирюльник — другой раб — бреет его, подстригает волосы в соответствии с утвержденным стилем и чистит ногти. В то время чистое бритье было правилом. Каждый император от Августа до Адриана, на пятьдесят лет позже Нерона, был чисто выбрит, и моде, установленной императорами, современные римляне следовали так же внимательно, как в более поздние времена подражали усам "империалы" и "бараний рог". Волосы тщательно укладывались, не были ни слишком длинными, ни слишком короткими. Только во время траура им разрешалось отращивать небрежную длину. Предпочтительно, чтобы они были несколько волнистыми, но без пробора. Денди завивали волосы щипцами и надушались, чтобы пахло "по всему театру". Если они были лысыми, они носили парик; иногда у них действительно были искусственные волосы, нарисованные на обнаженной части головы. Если природа придала им неправильный цвет, они исправляли это с помощью краски. Если на открытых частях тела были волосы, они выщипывали их пинцетом или пользовались средствами для депиляции. Но это были денди, и нам не нужно предполагать, что Силиус был одним из них.

Это будет день определенных формальностей, и Силий поэтому оденется соответствующим образом. Другими словами, он наденет типичную римскую одежду. Из чего бы еще это ни состояло, оно будет включать повязку посередине, шерстяную — реже льняную - тунику с рукавами или без, а поверх нее просторную шерстяную тогу; на ногах будут туфли. Из другого нижнего белья римлянин использовал столько или так мало, сколько ему хотелось. Если, подобно императору Августу, ему было холодно, он мог позволить себе несколько рубашек и короткие колготки. Такая практика, однако, обычно рассматривалась как баловство. Бриджи в то время носили только солдаты, служившие в северных странах, где они переняли этот обычай у "варваров". Глушители использовались людьми с болезненным горлом.

[Иллюстрация: рис. 59.—ОБУВЬ ПАТРИЦИЯ.]

[Иллюстрация: рис. 60.—РИМЛЯНИН В ТОГЕ.]

Поскольку Силий имеет ранг сенатора, его туника, которая виднеется из-под расстегнутой спереди тоги, украшена широкой пурпурной полосой, идущей посередине, а его ботинки — которые в противном случае могли бы быть разных цветов, например, желтыми с красными шнурками — черные, застегиваются поперечными ремешками, проходящими несколько высоко по ноге и украшенными полумесяцем из серебра или слоновой кости на подъеме. Нашивка, ботинки и полумесяц указывают на его положение в сенате. То, что вообще отличает его как гражданина, — это тога - предмет одежды, запрещенный для любогожителя империи, который не мог называть себя в полном смысле "*Civis Romanus*". Это была громоздкая и тяжелая одежда (в разложенном виде она образовывала овал размером примерно 15 на 12 футов), в которой ни один мужчина, желающий работать, путешествовать или просто чувствовать себя комфортно, не стал бы стеснять себя. Святой Павел был римским гражданином, но если он когда-либо вообще надевал тогу, то только тогда, когда хотел донести свое гражданство до римского двора, и мы, вероятно, сильно ошиблись бы, воображая, что он путешествовал с тогой в багаже, или, как это называется в Официальной версии, в своей "кажете". Находясь за городом, в своем загородном поместье или развлекаясь дома в городе, особенно в теплую погоду, римлянин со

вздохом облегчения сбрасывал свою тогу. В провинциальных городах Италии, хотя теоретически это одеяние пользовалось таким же спросом, мужчины редко пользовались им, за исключением самых официальных общественных и религиозных мероприятий, и, как говорит поэт, "после смерти", ибо тогда тога была незаменима. Тем не менее, в Риме это была необходимая одежда для всех людей с положением при появлении в какой-либо общественной жизни. Римские императоры настаивали на ее использовании во всех общественных увеселительных заведениях - театре, цирке или амфитеатре. В суде председатель, конечно, не мог "видеть" защитника, если тот не носил его. Вы не можете присутствовать на официальной социальной церемонии — свадьбе, обручении, достижении совершеннолетия, приеме — без этого внешнего и видимого знака уважения. И того, что вы должны его носить, было недостаточно. Она должна быть правильно задрапирована и ниспадать до нужной точки, которая спереди была наклонена над нижней частью голени, в то время как сзади ниспадала до пятки. Ваш гардеробщик должен следить за тем, чтобы оно было должным образом сложено и отглажено. Если вы утверждали, что являетесь джентльменом, но не были в трауре и не являлись официальным лицом, оно должно быть простым и безупречно белым. Более бедные люди могли бы носить тогу из более тусклой или темно-серой шерсти, которая лучше скрывала бы пятно и требовала бы реже надевать более полную. Такой же тусклый оттенок носили и во время траура или как показной знак мрачного настроения, как, например, когда одному из ваших друзей грозило осуждение в суде, или когда вам казалось, что совершается какая-то серьезная несправедливость или угрожает вашему общественному порядку. Единственным человеком, удостоенным чести носить тогу настоящего пурпура, был император. В целом римская одежда была очень простой; гораздо более простой, чем в средние века или во времена Елизаветы или Карла II. Бархат и атлас еще не были известны, меха - едва ли, и мода менялась очень редко.

Силиус также будет носить по крайней мере одно большое кольцо с печаткой, а также свое простое золотое кольцо, но он оставит это на усмотрение денди, которые могут носить на пальцах полдюжины украшений и хранить отдельные комплекты для зимы и лета. Когда Квинтилиан в своем *"Обучении оратора"* затрагивает тему колец, он рекомендует в качестве требования хорошей формы, чтобы "рука не была покрыта кольцами, и особенно если они не должны опускаться ниже среднего сустава". Вам принесут носовой платок, но только для того, чтобы вытереть пот.

Закончив одеваться, он может выбрать это время для утреннего "перекуса", соответствующего современному кофе с булочкой или чаю с хлебом с маслом. Это всего лишь легкая закуска из вина или молока с хлебом и медом, или оливок, или сыра, или, возможно, яйца. Школьники, похоже, часто ели что-то вроде клецек с салом. Подкрепившись этим мясом, наш друг протянет до полудня.

Поскольку у него нет раннего вызова к императорскому двору на Палатине, теперь он проведет свой собственный прием утренних посетителей. С этой целью он выйдет в просторный холл, который уже был описан как наиболее существенная часть римского дома, и расположится там в углублении или нише, которая также была описана как что-то вроде приемной или гостиной. Перед его приходом зал был подметен и отполирован метлами и губками рабов под руководством надсмотрщика. Число домашних рабов Силиуса очень велико. У очень многих римлян, конечно, вообще не было рабов; у многих был только один или два; но считалось, что человек со сколь-нибудь приличным достатком вряд ли мог обойтись менее чем десятью. Силиус, вероятно, наймет в несколько раз больше людей. Мы уже упоминали камердинера,

цирюльника, гардеробщика и помощника. Мы должны добавить к ним поваров, кондитеров, официантов, комнатную прислугу, привратника, лакеев, посыльных, носильщиков, дворецкого и кладовщиков. У некоторых из лучших рабов есть своя тяжелая работа. Библиотекарь, бухгалтер и управляющий - все рабы. Даже семейный врач или архитектор могут быть рабами. Многие из этих людей могут быть образованными и талантливыми. Их единственный недостаток заключается в том, что они несвободны. Многие из них по цвету и чертам лица неотличимы от людей снаружи; однако у большинства из них иностранное телосложение указывает на их происхождение. Это фригийцы, каппадокийцы, сирийцы, евреи, египтяне, эфиопы, нумидийцы, испанцы, галлы, немцы, фракийцы и греки. Их хозяин либо унаследовал их от своего отца или друзей, либо купил на невольничьем рынке. По какой бы причине они ни стали рабами — будь то в качестве военнопленных, по рождению, из-за долгов, из-за осуждения за какой-либо проступок, в результате похищения, подобного тому, что практикуют корсары или современные арабы, или из-за продажи их собственными родителями, — они стали собственностью работорговцев, которые забирали их на складах на Черном море, или на Делосе, или в Александрии, и привозили в Рим. Там они были разобраны и выставлены на продажу, отборные экземпляры - в избранном отделе модного магазина, более заурядные - на аукционном витрине, где их размещали на подставке или каменной скамье, помечали их возраст, национальность, дефекты и достоинства и продавали либо с гарантией, либо без таковой. За обычного комнатного раба Силиус или его агент заплатили, возможно, 20 фунтов стерлингов; за слугу более специального мастерства, такого как особенно мягкий цирюльник, возможно, 50 фунтов стерлингов; цена погонщика мулов, который был "слишком глух, чтобы подслушивать частные разговоры в карете", таким образом, могла быть увеличена до 150 фунтов стерлингов; за раба с образовательными или художественными достижениями — хорошего чтеца, декламатора, секретаря, музыканта или актера — он мог заплатить несколько сотен. Если он человек с болезненными вкусами и предпочитает особый вид изысков, он может дойти до тысячи. Кудрявые пажи и забавные гномы, как правило, дороги. В обязанности домоправителя входит следить за тем, чтобы каждый раб получал свой ежедневный или ежемесячный паек зерна, незначительную сумму денег на другие нужды и, возможно, порцию разбавленного вина. Многие рабыни также получали значительное количество "чаевых" от гостей, а также привилегии и подарки от своего хозяина. Таким образом, благодаря экономии они смогли приобрести себе свободу. Хозяин также может в некоторых случаях снабдить раба предметами первой необходимости из своей одежды, а именно грубой туникой, грубым плащом и парой башмаков или сабо.

Над всеми этими людьми, пока они являются рабами, владелец обладает абсолютной властью. Он может надрать им уши или приговорить к каторжным работам — заставить их, например, работать в цепях на его землях в деревне или на своего рода тюремной фабрике - или он может наказать их ударами розги, плети или кнута; он может поставить им клеймо на лбу, если они воры или беглецы, или, в конце концов, если они окажутся неисправимыми, он может распять их. Заклейменные рабы, которые впоследствии становились свободными и богатыми, пытались скрыть отметины, надевая заплаты. Неизбежно были случаи, когда хозяева проявляли такую невыносимую жестокость, что их рабы были вынуждены убивать их. Чтобы предотвратить любой заговор подобного рода, закон предписывал, что в случае убийства таким образом хозяина рабы все до единого должны быть преданы смерти. Отрадно узнать, что в правление Нерона все население встало на сторону группы рабов, оказавшихся в этом затруднительном положении, и помешало исполнению закона.

[Иллюстрация: РИС. 61. — РАБ В ОКОВАХ.]

Но, будучи типичным римлянином, Силий обладает сильным чувством справедливости; более того, он ценит общественное мнение так же, как и свое собственное. Кроме того, будучи типичным римлянином, он ведет себя строго и по большей части с отчетливой надменностью в манерах, градуированной, без сомнения, в соответствии с положением человека. Когда, как это часто случалось, он даже не знал имени раба, с которым сталкивался в зале или перистиле, он часто обращался к нему "Сиррах", или "сэр", или "Вы, сэр". Официанту за столом и для обычных команд, когда хозяин не церемонится, самое распространенное обращение - "мальчик", точно так же, как это слово используется на Востоке или *garçon* по-французски. Если Силий знал настоящее имя, присвоенное рабу при покупке, и был расположен проявить любезность, он обращался к нему по имени, называя его "Сириец", или "фракиец", или "Крез", или его собственным греческим или египетским именем. У раба, в отличие от римского гражданина, было только одно имя, и чем короче, тем лучше.

Мы встречаем, что вполне естественно, множество примеров большого доверия между хозяином и рабом, а в случае высших типов - немало примеров большой доброты и внимания. Плиний говорит о своей "давней дружбе" с образованным рабом по имени Зосима, которого он освободил и которого, поскольку тот был подвержен чахотке, отправил в Египет и на Ривьеру для укрепления его здоровья. Верный или очень полезный раб мог быть сносно уверен в том, что когда-нибудь его освободят со всеми подобающими формами и церемониями, либо при жизни хозяина, либо по его последней воле и завещанию. В таком случае он становился римским гражданином ранга, известного как "вольноотпущенник", и после второго поколения ничто не мешало его потомкам претендовать на любое положение, доступное любому другому римлянину. Иногда даже его сын занимал государственную должность. По получении гражданства вольноотпущенник получал право на "три имени", и по правилу он должен был брать фамилию своего хозяина. Вольноотпущенник Силия сам является Силием. Также предпочтительно, чтобы он был Квинтом Силием; но он не будет Басом. Третье имя по-прежнему, на протяжении всей его жизни, будет таким, чтобы обозначить его таким, какой он есть. Более того, хотя он и свободен, он сам все еще обязан оказывать должное уважение семье своего бывшего хозяина, но помимо этого он находится в своем собственном распоряжении и обладает всеми правами в отношении личности и собственности. Многие из таких людей были чрезвычайно искусны в торговле и разбогатели настолько, что могли соперничать с римской аристократией во внешней показухе. Вольноотпущенники императора, которые занимали влиятельные посты при дворе в качестве камергеров, стюардов, личных секретарей и тому подобного и стояли за троном, стали невероятно богатыми. Их дома были украшены прекраснейшими мраморными колоннами, богатыми позолоченными потолками и самыми дорогими произведениями искусства; отборные фрукты созревали под стеклом в их мастерских, а когда они умерли, их памятники были одними из самых роскошных на обочинах больших дорог. "Богатство вольноотпущенников" вошло в пословицу. Иногда их даже назначали на второстепенные губернаторские должности, которые занимали "агенты" Цезаря, а Феликс из Нового Завета сам был вольноотпущенником предшественника Нерона и братом одного из самых богатых и влиятельных представителей этого класса. В провинциальных городах Италии вольноотпущенники, хотя они сами и не имели права на обычные должности, могли в обмен на акты щедрости быть допущены к тому, что можно назвать низшей степенью рыцарства — своего рода *S.M.G.*, именуемой "Орденом Августа". Таким образом, они стали знаменитостями своего собственного города, чем в достаточной степени гордились, как показывают помпейские

надписи. Частью проницательности Августа было убить двух зайцев одним выстрелом, установив провинциальный орден, непосредственно связанный с культом императора, и поощряя местных самодуров щедро тратить деньги на украшение и комфорт своего собственного муниципалитета.

Итак, Силий, встречаясь с различными слугами-рабами или в сопровождении их, проходит из внутренних комнат по коридору в зал и обнаруживает ожидающую его толпу посетителей, известных как его "клиенты" или иждивенцы. Положение этих людей несколько примечательно. Обычно это свободные римские граждане из "благородного" среднего класса, которые открыто признают, что большая часть их жизни зависит от покровительства знати или богатых. Обычай возник из очень старого положения вещей, при котором определенные классы граждан, не имея права выступать в судах или в общественных делах от своего собственного имени, отдавали себя под защиту лица, имеющего такое право, которое, в обмен на определенные акты поддержки и почтения, выступало в качестве их защитника. В более позднее время, даже несмотря на то, что их права стали полными, мужчины все еще могли обращаться за советом к влиятельному и красноречивому человеку. Взамен они оказывали ему честь сопровождать его на улицах, поддерживали его кандидатуру на государственную должность, аплодировали его речам и оказывали от его имени все влияние, каким обладали. Положение выдающегося римлянина было склонно измеряться количеством и качеством людей, которые таким образом присоединялись к нему. Если далее вспомнить, что римляне благосклонно относились к очень немногим занятиям, связанным с зарабатыванием денег, и что высшие сословия были по большей части очень богаты, то станет очевидным, что должен был вырасти обычай патрона делать щедрые подарки своим иждивенцам — денежные подарки или небольшие имущественные подарки и полезные предметы, — а также приглашать их к своему столу. Сами клиенты приносили небольшие подарки на день рождения клиента или по какому-то другому особому случаю, но это были всего лишь кильки для ловли кита. Постепенно это привело к тому, что покровительство, оказываемое аристократом или плутократом, носило в основном прямой денежный характер. Как и в других случаях, когда сомнительный обычай развивается постепенно, в этом отношении перестало быть что-либо постыдное. Многие представители среднего класса, обнищавшие и практически не получавшие других доходов, вели жизнь благородных пауперов. Они посещали утренний прием вельможи, либо принося с собой, либо заставляя раба принести небольшую корзинку или даже переносную кухонную плиту, в которой они уносили порции еды, распределенные через его слуг. Сцена, должно быть, имела немалое сходство с той, что происходила в благотворительной "столовой для бедных". Со временем, однако, эта практика стала неудобной для всех сторон, и большинство постоянных клиентов компенсировали такие пожертвования, внося фиксированную плату, все еще называемую "маленькой корзинкой", составляющую, возможно, шиллинг в современном денежном эквиваленте за каждый день вежливого внимания со стороны признанного "клиента". Если клиент был признан более чем одним посетителем, тем лучше для количества его "маленьких корзиночек". В некоторых случаях пособие выплачивалось каждому посетителю при утреннем визите; в других — только после завершения дневной работы клиента и после того, как он принимал тщательно продуманную ванну, которая предшествовала его обеду во второй половине дня. Таким образом, до этого времени была обеспечена обязанность бесплатного сопровождения.

Среди иждивенцев были почти все благородные безработные Рима, включая литераторов с Граб-стрит, которые в те дни мало что могли заработать на своих книгах, если вообще что-либо

могли, и которые поэтому искали такого же рода помощи, как и наши собственные рядовые литераторы в начале восемнадцатого века. Когда мы читаем авторов того периода, нам неизбежно вспоминается Сэмюэл Джонсон, ожидающий в приемной лорда Честерфилда, и лестные посвящения книг, которые были щедро или нелиберально оплачены получателями таких комплиментов. Из своей маленькой квартирки, часто состоящей из одной комнаты и практически мансарды, в доходном доме клиент выходил еще до рассвета, одетый *по моде* в свою тогу, которая часто была ужасно поношенной и тонкой. Он пробирался мило или больше среди повозок, скота и школьников, иногда в хорошую погоду, иногда под дождем и в холод, когда улицы были грязными и скользкими, и взбирался на холм к дому своего покровителя, к которому, возможно, по пути присоединялись другие горожане, выполнявшие то же поручение. Собравшись в том открытом пространстве или вестибюле, которое уже было описано, они ждали, когда уборщик откроет дверь. Если бы привратник Силиуса походил на большинство себе подобных, он получил бы лакейское удовольствие, заставив их ждать, а также, за исключением тех, кто был достаточно умен, чтобы смягчить его манеры "чаевыми", или тех, кто, как известно, пользовался особым расположением, лакейское удовольствие выказывал бы свое презрение. Приведенные в зал, они стояли или сидели вокруг и беседовали, пока не появился Силиус. Затем, в соответствии с установленным порядком старшинства, который, по—видимому, зависел от старшинства знакомства, хотя, опять же, на это мог влиять *дусер*, они были представлены один за другим посетителю.

Не следует ожидать, что римский аристократ всегда будет соизволять запоминать имена скромных людей — иногда он действительно этого не делал, — и поэтому раб, известный как "называющий имена", объявляет каждого клиента по очереди. Клиент говорит: "Доброе утро, сэр", и Силиус отвечает: "Доброе утро, Такой-то", или "Доброе утро, сэр", или просто "Доброе утро". Происходит рукопожатие или, если посетитель - любезный джентльмен, а клиент имеет давнее положение, Силиус может поцеловать его в щеку и задать какой-нибудь вежливый вопрос или замечание. Очень надменный человек может просто предложить вам руку для поцелуя и, возможно, вообще не открывать рта, даже если он снизойдет до того, чтобы взглянуть на вас. Но эти привычки были характерны не столько для нашего времени, сколько для несколько более позднего.

По окончании приема клиент получает информацию о передвижениях своего клиента в течение дня. В данном случае, по-видимому, сам Силий должен немедленно отправиться воздавать утренние почести своему еще более высокому покровителю, Его Высочеству Нерону, который находится у себя дома на Палатинском холме, и чей прием настоятельно требует присутствия некоторых представителей аристократии. Во дворце существует список лиц, известных как "друзья Цезаря", список, который зависит исключительно от благосклонности императора. Естественно, в нем содержатся имена ряда высших сенаторов и высших должностных лиц государства, но место в нем занимают не только такие должности, и оно не ограничивается ими. В списке может быть несколько рыцарей и другие. Быть исключенным из списка - значит быть социально незамеченным человеком, которого следует избегать. Силиус, по крайней мере, на данный момент, один из наших "друзей". Нерон пока не испытывает финансовых затруднений, чтобы требовать, чтобы Силия прижали или принесли в жертву, и он не решил обижаться на то, что о нем сообщил шпион или осведомитель. Поэтому наш друг наслаждается *входом* во дворец, и во дворец он отправляется.

Ясное погожее утро, и у него полно времени. Поэтому он, возможно, предпочитает идти пешком. Узнав об этом, несколько его клиентов образуют процессию. Некоторым оказана честь идти рядом с ним, некоторые идут впереди и таким образом расчищают путь сквозь толпу, которая уже движется к вершине Священного Пути, до того места, где вы сворачиваете налево и поднимаетесь ко входу на Палатинский холм. Некоторые клиенты пойдут сзади, где также будут находиться один или два лакея в ожидании. По дороге Силий, возможно, встретится с Манлием, другим дворянином, которого он, вероятно, поприветствует "Доброе утро, брат" и поцелует в щеку. Следует заметить, что эти поцелуи в конце концов стали невыносимой помехой, особенно среди среднего класса, и автор эпиграммы, пожаловавшись на холодные носы и мокрые соприкосновения зимой, умоляет отложить это дело по крайней мере до апреля.

Когда день выдастся плохим или неаккуратным, Силий решит отправиться в путь на своих носилках, или римской форме паланкина. Будучи сенатором, он может пользоваться этим средством передвижения, в противном случае на данный момент он не мог. Существуют также паланк, но пока что существует предубеждение против них как несколько женоподобных. Приняв это решение, четверо, шесть или восемь высоких парней, предпочтительно рабов из Каппадокии или Германии, одетых в малиновые ливреи, просовывают два длинных шеста через кольца или цветные кожаные ремни, которые можно найти по бокам носилок, и кладут эти шесты себе на плечи. По сути, подстилка представляет собой кушетку с арочной крышей над ней указанной здесь формы, но покрытую подушками, которые часто набиты пухом. Ее деревянные изделия украшены серебром и слоновой костью. Носилки можно переносить либо открытыми со всех сторон, либо с частично задернутыми занавесками из цветных тканей, либо с окнами из талька или стекла. В те дни, когда носилки использовались беспорядочно, люди, у которых их не было, или, возможно, рабы, которые их носили, могли нанять такое транспортное средство у "рядовых", подобно современному способу найма такси. В этом сосуда Силия несут в той же процессии, что и раньше.

[Иллюстрация: рис. 62.—ПОМЕТА.]

Он ничего не будет носить на голове. Отправляясь в путешествие или когда солнце особенно сильно палило в театре или цирке без крыши, он мог надеть широкополую шляпу, очень похожую на шляпу современного итальянского священника. Вместо шляпы было принято, когда того требовала погода, либо набрасывать на голову складку тоги, либо надевать капюшон, очень напоминающий монашеский клобук. Это может быть либо прикреплено к плащу, либо изготовлено отдельно для этой цели. Капюшон также надевался, когда, особенно вечером, у владельца были либо общественные, либо личные причины скрывать свою личность при выезде за границу, обычно в таких случаях он выходил через боковую дверь. Но в обычный день и при посещении церемонии голова римлянина непокрыта. То же самое касается и рук, поскольку перчатки еще не в ходу.

По прибытии во дворец, перед которым обычно стоит толпа любопытных или снобов, Силий проходит через стражу, римскую или германскую, у дверей, его берет за руку придворный раб или вольноотпущенник, выполняющий роль привратника, и сам проходит процедуру, аналогичную той, которой подвергались его собственные клиенты. Бывают моменты, и как раз сейчас они могут быть частыми, когда ему придется подвергнуться обыску из-за опасений, что у него может быть при себе спрятанное оружие. Если у него высокое положение в обществе, он принадлежит к группе "первого приема" или первого *entrée*. Если нет, то он должен

довольствоваться "вторым". Он обнаружит, что его высочество Нерон, каким бы требовательным он ни был к одежде своих визитеров, не потрудится надеть свою собственную тогу, как поступил бы более респектабельный император, но появится в чем ему заблагорассудится, часто в тунике или шелковом халате, который может быть прикрыт только носовым платком вокруг шеи. И его Высокое Могущество не всегда снизойдет до того, чтобы зашнуровать его ботинки. Если он в хорошем настроении, он может поцеловать тебя, запомнить твое имя и называть "мой очень дорогой Силиус". Если он привык так поступать, но на этот раз не произнес более теплого приветствия, это может быть воспринято как не предвещающее вам ничего хорошего. Однако весьма вероятно, что в этом 64-м году он откажет в поцелуе почти каждому из сенаторов, поскольку он уже открыто начал ненавидеть их. Будет достаточно, если он хотя бы протянет руку для приветствия. Калигула, будучи "богом", иногда предлагал свою ногу, но до сих пор только этот слабоумный император решался на такое чудовищное дело.

[Иллюстрация: РИС. 63. —ЧТЕНИЕ ПРОКЛАМАЦИИ. (Помпеи.) Надпись сделана на длинной доске перед конными статуями.]

Так случилось, что в этот день императору больше нечего сказать и он не нуждается в совете. Поэтому Силий волен идти своим путем. Здесь также нет ни заседания Сената, ни фестиваля, ни гонок на колесницах, ни шоу гладиаторов. Таким образом, у него впереди только обычный день, и он направляется, как это делает практически каждый посетитель, к Форуму и его окрестностям. Если по пути он встречает высокопоставленного государственного чиновника — консула или претора, — идущего по службе, он вежливо уступает дорогу и, если у него есть возможность покрыть голову, снимает ее. Он преданно признает притязания этой тоги, отороченной пурпуром, и тех ликторов, которые идут впереди с символическими связками прутьев, содержащих символический топор. Что бы он ни думал об этих людях, он со всем уважением относится к их должности. Форум сейчас полон, в базилике Эмилия кипит работа банков и пунктов обмена валюты, бездельники играют в свои игры "трое мужчин в ряд" или, возможно, в нарды на тротуаре внешней колоннады базилики Юлия. Группы читают и обсуждают колонки "Ежедневных новостей", которые либо размещены на сайте, либо были приобретены в профессиональных копировальных аппаратах. Это официальная и, следовательно, подвергнутая цензуре публикация в виде открытой рукописи, содержащая прокламации, резолюции сената, бюллетени суда, результаты судебных процессов, сведения о рождениях и смертях, зарегистрированных в городе, объявления о публичных шоу и спортивных состязаниях, ярких событиях, таких как пожары, землетрясения и предзнаменования, а также случайные рекламные объявления. Силий, возможно, остановится и прочтет; более вероятно, что его рабы регулярно покупают экземпляр для его личного пользования. Тем временем глашатаи призывают вас прийти и посмотреть на азиатского великана, или на водяных, или на двухголового младенца. Старый моряк, потерпевший крушение или притворяющийся потерпевшим, разгуливает с нарисованной на доске душераздирающей картиной этой сцены и просит милостыню. Назойливый человек сплетничает среди маленьких группок людей и рассказывает, фабрикует или преувеличивает последний скандал или последние новости с границы, из Антиохии, со скаковых конюшен, из судов или дворца. Возможно, Силиусу нужно уладить небольшие банковские дела, и он заходит в Базилику, чтобы дать указания относительно отправки чека в Афины или Александрию в пользу какого-нибудь тамошнего друга или родственника, который испытывает нужду в деньгах или которому он поручил совершить художественные или другие покупки. Примерно через семь дней его корреспондент получит

наличные через банкира в Афинах или примерно через двенадцать-четырнадцать дней в Александрии.

Однако, возможно, кто-то из его клиентов обратился к нему за помощью в судебном разбирательстве, которое рассматривается либо через дорогу, в базилике Юлия, либо за углом направо, на Форуме Августа. Если человек образованный и красноречивый, он, возможно, согласился выступить в качестве защитника, не взяв при этом никакого гонорара, потому что он просто выполняет долг покровителя. *Noblesse oblige*. В 64-м году адвокату, который выступил в защиту кого-либо, кроме иждивенца, по закону разрешено взимать плату, не превышающую 100 фунтов стерлингов, но закон ничего не говорит или, по крайней мере, ничего не может сделать, относительно щедрых подарков, которые предлагаются ему под каким-либо другим предлогом. Если он не признает себя виновным, Силиуса, во всяком случае, могут попросить оказать моральную поддержку, сев рядом с избранной стороной и, возможно, проявив себя как свидетель. Если он признает свою вину в каком-либо сложном или техническом деле, то, как правило, после тщательной консультации с адвокатом или профессиональным юристом. Вокруг апсиды или ниши, в которой заседает суд, будет стоять кольцо заинтересованных зрителей, и среди них будет распределено как можно больше его собственных иждивенцев, которые будут истово аплодировать его тонко выверенным периодам и остротам. Как правило, было мало шансов пропустить римскую судебную остроту; ее характер был побольшей части очень сложным, а острое - широким. В более позднем поколении не было редкостью, когда случайных прохожих нанимали на месте в качестве *клакеров*. Сам суд состоит из большого числа присяжных, занимающих определенные должности не для конкретного дела, а для определенных видов дел и на определенный период времени, и над ними председательствует одно из государственных должностных лиц, ежегодно избираемых для судебной администрации Рима. Президент следит за тем, чтобы разбирательство велось в соответствии с законом, но вердикт выносят исключительно присяжные.

[Иллюстрация: РИС. 64. ЗАПЕЧАТАННАЯ КВИТАНЦИЯ JUCUNDUS. Рядом с каждой печатью стоит подпись; надпись на поломанном листе представляет собой краткое изложение квитанции, которая сама вложена между двумя листами, перевязанными бечевкой.]

Если Силию нет необходимости посещать такой суд, у него может быть много других забот в свободное время. Среди римлян высших сословий этикет был чрезвычайно строгим. Сами современники жалуются, что социальные "обязанности" отнимали у них значительную часть дня и что они были постоянно "заняты ничегонеделанием". Один мужчина или женщина составляет завещание и просит вас быть одним из свидетелей подписания и скрепления печатью; другой обручает сына или дочь и приглашает вас присутствовать и засвидетельствовать церемонию; у другого есть сын пятнадцати или шестнадцати лет, в отношении которого решено, что теперь он достиг совершеннолетия, должен надеть белую мужскую тогу вместо тоги мальчика с пурпурной каймой и быть отведенным на Форум в знак своей новой свободы; вы не должны пренебрегать вежливостью и присутствовать. Другой хочет, чтобы вы предстали с ним перед магистратом, пока он будет освобождать рабыню. Хуже всего, пожалуй, тот, кто написал стихотворение или декламацию и предлагает прочитать их своим знакомым или попросить профессионального оратора прочесть их. Он либо снял зал, либо одолжил удобную комнату у друга, и вас любезно приглашают присутствовать. Мы узнаем, что эти авторы-любители не позволили своим жертвам забыть о помолвке, но послали им более одного напоминания. Во время чтения или декламации в ваши обязанности входило часто

аплодировать, посылать приветственные поцелуи и восклицать по-гречески "превосходно", "превосходно", "умно", "неприступно" или "еще раз", почти так же, как мы говорим "бис" на том, что считаем французским, или "браво" по-итальянски. Наиболее часто используемые местные латинские термины, возможно, можно перевести как "хорошо сказано", "безупречно", "действительно хорошо", "божественный", "меткий удар". Однажды некий Приск присутствовал при чтении стихотворения, и так случилось, что оно начиналось обращением к Приску. Не успел автор начать: "Приск, ты велишь мне сказать ...", как человек с таким именем воскликнул: "Действительно, я не знаю". Это "вызвало смех" и "бросило тень на происходящее". Плиний приносит извинения за мужчину, поскольку у него немного закружилась голова, но все равно ему явно щекотно. Едва ли стоит удивляться, что римлянин был рад сбежать от всех этих формальностей "облаченного в тогу Рима" в свою загородную резиденцию или к более свободной жизни Байи.

Завершив дела на Форуме, Силий возвращается в свой дом на Целиане. Когда на склоне Священного Пути он проходит мимо богатых лавок ювелиров, цветочников и парфюмеров, у него может возникнуть искушение сделать какую-нибудь покупку, которую сопровождающие рабы отнесут в дом. Прибыв туда, он позавтракает, довольно сытно, хотя и ни в коем случае не обильно. Возможно, он женатый мужчина. Если о его жене еще ничего не было сказано, то это потому, что в высших римских семьях муж и жена владели отдельной собственностью, жили своей собственной жизнью и были почти в равной степени свободны проводить свое время по-своему, поскольку брак в то время был скорее контрактом, чем союзом. Однако, если он бенедикт, вполне вероятно, что за этим ужином соберется вся семья без посторонней компании. Сам Силиус возлежит на кушетке, дети сидят, а жена может принять любую позу. После этого наш друг, вероятно, отправится на сиесту, в точности как он мог бы сделать это в Италии сегодня. Практика действительно не была универсальной, но тем не менее она была повсеместной. Он не ляжет спать, а немного поспит на кушетке в какой-нибудь тихой и затемненной комнате. Если он не сможет заснуть или когда проснется, возможно, он почитает или ему почитают. Где он проведет вторую половину дня до принятия ванны и ужина, зависит от его собственного выбора.

ГЛАВА XIII

СВЕТСКИЙ ДЕНЬ РИМСКОГО АРИСТОКРАТА (*продолжение*) —ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ И УЖИН

Мы предположим, что Силиус особенно склонен к действию и обществу. После полудня становится прохладно, и, поскольку ему больше не нужно совершать никаких церемоний, он, вероятно, накинёт поверх своей тоги мантию богатой расцветки — фиолетовую, аметистовую или алую, — которую будет застегивать на плече пряжкой или брошью. В очень холодную погоду, особенно во время путешествий, римляне всех сословий носили толстый плащ, чем-то похожий на накидку современного полицейского или водителя такси, или, возможно, более похожий на *напончо* Испанской Америки. Оно состояло из какого-то прочного и, насколько это возможно, водонепроницаемого материала, не имело отверстий по бокам, а надевалось путем просовывания головы через отверстие. Сегодня Силий надевает цветную мантию, и его несут через Форум, через промежуток между Капитолийским и Квиринальским холмами, на Марсово поле, где-то около современной площади Венеции и входа на Корсо. Здесь он может сойти со

своих носилок и купить статуэтку, или сосуд из коринфской бронзы или серебра, или привлекательный столик с настоящими павлиньими отметинами, или красивую рабыню. Делая это, он может найти развлечение в наблюдении за притворщиком, который "делает покупки", но не покупает, утомляя торговцев ценами и пренебрежительным отношением к самым дорогим столам и самым художественным сосудам, и заканчивая покупкой кофейника за пенни, который он сам несет домой. Затем он может прогуляться под колоннадами с изображениями и статуями, возможно, оказывая холодный прием различным безденежным подхалимам, которые ждут приглашения на ужин, возможно, поддаваясь их уговорам. Его лакеи, конечно, начеку, и клиенты по-прежнему рядом с ним. Проходя мимо, он встречает какого-то человека, который официозно крутится вокруг носилок с пожилой леди или джентльменом, и в котором он узнает того, кого называли "рыболовом", то есть того, чье дело - выпрашивать подарки или наследство у бездетных богатых людей. Это была обычная профессия, чрезвычайно прибыльная, если ею хорошо управлять.

Пройдя еще немного, он останавливается, чтобы посмотреть на молодых людей, кружащих верхом по манежу. Вдалеке другие люди переплывают Тибр взад и вперед. Или он заходит в помещение, обычно соединенное с банями, где не только молодые люди, но и их старшие, даже высокого ранга, занимаются различными упражнениями. Некоторые из них раздеты и играют в игру с маленьким твердым мячом, который отбивается или подбрасывается, а затем ловко ловится или отбивается вперед правой или левой рукой в равной степени из трех углов треугольника. Некоторые играют с более крупным и легким предметом, чем-то вроде футбольного мяча, набитого перьями, по которому, кажется, били кулаком таким образом, что требовалось значительное суждение и практика. Другие прыгают с гантелями в каждой руке, или бегают наперегонки, или швыряют каменный диск, или борются. Тем не менее, другие отработывают всевозможные удары тяжелым деревянным оружием о подставной столб, просто чтобы потренироваться и сберечь свою плоть.

[Иллюстрация: РИС. 65. —МЕТАТЕЛЬ ДИСКА.]

[Иллюстрация РИС. 66.—СТАБИЙСКИЕ БАНИ. (Помпеи.)]

Вероятно, Силиус сам примет участие в игре в три корта, если только у него дома нет частного корта и он не намеревается принимать ванну там, а не в одном из более крупных общественных или полугосударственных заведений. Независимо от того, будет ли он мыться в банях Агриппы в задней части Пантеона, или в банях Нерона, или в своих собственных, процесс будет практически одинаковым. Обстановка практически одинакова, какими бы большими ни были различия в роскоши и вместительности. На самом деле мы еще не дошли до времен этих огромных и удивительных сооружений Каракаллы и Диоклетиана, но нет причин сомневаться в том, что существующие общественные бани уже тогда отличались большим великолепием. Обычно мы должны сначала найти гардеробную с расписными стенами, мозаичным полом и стеклянными окнами, оборудованную сиденьями, а также нишами в стенах для хранения одежды. К ней примыкает "холодная" комната с большой плавательной ванной. Далее следует "теплая" камера, в которой вода нагрета до достаточной и разумной степени, а общая температура повышается либо за счет жаровен, либо за счет теплого воздуха, циркулирующего под полом или в стенах. После этого "горячая" комната, в которой есть как горячая ванна, так и меньшая мраморная ванна обычной домашней формы — хотя и гораздо большего размера - с душем или, скорее, с холодной струей. Наконец, здесь находится куполообразная парилка,

наполненная интенсивным сухим теплом. Общественные бани, построенные Нероном, были особенно известны своей высокой температурой. После ванны тело натирали ароматизированным маслом, чтобы закрыть поры от холода, а затем скребли полым серповидным инструментом из бронзы или железа, изображенным на иллюстрации. Другие предметы, показанные там, - это сосуд с маслом и плоское блюдо, в которое его наливают для использования. Их вместе с льняными полотенцами принес ваш собственный раб.

[Иллюстрация: РИС. 67.—ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ КУПАНИЯ.]

Силиуса сейчас везут домой, и, поскольку время приближается к четырем часам, он одевается, или его одевают, к ужину. Его тога и сенаторские прогулочные туфли сбрасываются, и он надевает легкие тапочки или домашние туфли и надевает то, что называется "кондитерским изделием" из легкого материала — например, полушелка - ярких и праздничных расцветок. Некоторые нарочитые посетители меняли это платье несколько раз в течение затянувшегося банкета, предоставляя компании такое же разнообразие "сладостей", какое может предложить современная звезда театра. Если дни длинные и стоит подходящая погода, он, возможно, пообедаст в саду в задней части перистилия. В противном случае в столовой три дивана, упомянутые в предыдущей главе (рис. 48), расположены вдоль трех сторон прямоугольника. Их изделия из металла и слоновой кости ярко блестят, а вышитые подушки великолепны. В центре замкнутого пространства сияет полированный стол, квадратный или круглый. Буфет заставлен дорогой посудой; лампы горят или скоро будут гореть на своих высоких древках или свисают с цепей; подставка для резчика ожидает своей загрузки. Стюард столовой и его подчиненные готовы.

Гости прибывают в нужное время, стараясь не проявлять ни излишнего рвения, приходя слишком рано, ни грубости, приходя слишком поздно. Каждый приводит своего лакея, который снимает с него обувь и стоит у него за спиной на случай, если он может понадобится, но не для того, чтобы прислуживать за столом, поскольку эта услуга принадлежит домашним рабам. После того, как они будут приняты хозяином, "называющий имя" проводит их по местам в соответствии с тем порядком старшинства, который Силиус выберет для предварительной договоренности. Обычное количество гостей на трех диванах будет равно девяти - по числу Муз - или по трое на каждый диван. Втиснуть больше было расценено как дурной тон. Если предполагается использовать кушетку в виде полумесяца и большой круглый стол, то их число может быть либо шесть, либо семь. Положение самого Силия как хозяина будет регулярно обозначаться на плане как Н, в то время как почетное положение, занимаемое консулом, если таковой присутствует, будет обозначено как С.

Каждый гость как можно непринужденнее принимает полулежачее положение, опираясь левым локтем на предусмотренную для этой цели подушку. Он принес свою собственную салфетку, отмеченную фиолетовой полосой, если он сенатор, и заправляет ее в манере, все еще достаточно знакомой на европейском континенте, в верхнюю часть своего наряда. Хлеб нарезан и готов, но ножей и вилок нет, хотя есть ложка десертного размера, а также ложка с чашечкой поменьше и заострением на другом конце ручки для того, чтобы выковыривать сочных улиток или моллюсков. Изящное использование пальцев, хорошо приученных к жару, обязательно было частью домашнего воспитания римлян.

Было много — возможно, даже слишком много — описаний римского ужина, но тенденция, особенно у романиста, сильно преувеличивать среднюю дороговизну и прожорливость

подобных банкетов. Несомненно, существовали такие вещи, как "необычные" обеды, почти столь же абсурдные, как обеды низшего разряда американских плутократов. Несомненно, также часто имела место отвратительная демонстрация безрассудных трат. Но мы пытаемся получить справедливое представление о репрезентативной римской практике и должны выбросить из головы все такие причуды, как открывающийся потолок, из которого выпадают сюрпризы, или блюда, состоящие из языков соловьев и мозгов фламинго. Это всегда были, как выразился один из более поздних авторов, "преимущества роскоши". Сам Нерон, или, скорее, слуги вульгарных удовольствий, которые он считал проявлениями художественного гения, изобрели множество таких дорогостоящих глупостей и сюрпризов, но мы не должны позволять профессиональному сатирику или стоическому моралисту вводить нас в заблуждение, заставляя считать их типичными для римской жизни. Восхваление "простой жизни" и простого прошлого не является чем-то новым. Крайне сомнительно, чтобы на обычном римском званом обеде была такая расточительная роскошь, которая превосходила бы современный олддерманский банкет. Мы вряд ли можем винить людей, которые могли себе это позволить, за то, что они поставляли на свои столы лучшее из всего, что производилось вокруг Средиземного моря, так же как мы не можем винить современного жителя Лондона или Нью-Йорка за то, что он покупал самые отборные продукты и лакомства из гораздо более широкого мира. Несомненно, римский ужин слишком часто означал переизбыток и чрезмерное употребление алкоголя, и, несомненно, ни обычные манеры поведения за столом, ни обычная застольная беседа не были бы нам полезны. То же самое можно было бы сказать и о нашей елизаветинской эпохе. Но любой, кто близко знаком с латинской литературой в целом, а не только с наиболее пикантными отрывками, обычно отбираемыми, неизбежно склонится к убеждению, что историки-романисты слишком часто принимали то, что было исключительным, эксцентричным и решительно не одобрялось современниками, за обычное. Если мы прочитаем о римлянах, которые глотали рвотное после того, как наелись, чтобы начать есть заново, мы можем почувствовать одновременно отвращение и жалость, но мы не должны воображать, что такая практика была национальной привычкой.

Обед обычно состоял из трех частей: предварительного блюда из закусок, собственно ужина и своего рода увеличенного десерта. Оно может сопровождаться или не сопровождаться различными развлечениями и завершаться длительным распитием вина. Все будет зависеть от вкусов хозяина и характера компании. Следует отметить, что трапеза начинается с воззвания, соответствующего нашей благодати. Закуски подаются в виде моллюсков, таких как устрицы и мидии, улиток в пикантном соусе, листьев салата, редиса и тому подобного, яиц и вина со вкусом меда.

Далее следует собственно ужин, обычно разделяемый на три блюда, включающий широкий выбор рыбы (особенно тюрбо, камбалы, кефали и миног), домашнюю птицу и дичь (от цыплят, уток, голубей и павлинов до куропаток, фазанов, ортоланов и филдфаров), зайчатину, кусочки обычного мяса, а также дикого кабана и оленины, разнообразность хаггиса, разнообразные овощи, наиболее привычные для современного употребления, грибы и трюфели. При обильном и, на наш вкус, чрезмерном использовании приправ, причем не только соли, уксуса и перца, но и масла, тимьяна, мяты, имбиря и тому подобного, *главное блюдо* — дикий кабан или что бы это ни было — регулярно подается в середине трех блюд. Сытная трапеза заканчивается небольшим подношением домашним божествам. После этого следует десерт, состоящий из свежих и сушеных фруктов, а также искусно приготовленных пирожных и мясных сладостей.

Во время ужина особое внимание уделяется художественному расположению различных яств на больших подносах или подставках, из которых гость делает свой выбор, поскольку несколько блюд, относящихся к одному блюду, не подавались к столу отдельно. На глазах у гостей профессиональный резчик демонстрирует свою ловкость, демонстрируя изящество и быстроту, а хорошо одетые рабы с аккуратными пальцами оказывают необходимую услугу. Тарелок и блюд различных форм и назначений, серебряных и позолоченных, здесь великое множество.

Между тем, ход разговора зависит от компании. Иногда это касается гонок на колесницах и шансов "Красных" или "Зеленых"; иногда это светские сплетни и скандал. Если гости придерживаются более серьезных взглядов, это может быть связано с вопросами искусства и литературы или даже философии. Римлянин особенно интересовался энциклопедической информацией и часто знакомился с такими разнообразными материалами, полученными от наемного домашнего философа или *ученого* - обычно, конечно, грека. Но на политику в любом реальном смысле разговор либо не заходит вообще, либо ведется очень осторожно, по крайней мере, до тех пор, пока кто-то не выпьет больше, чем ему полезно. Слишком легко обронить какое-нибудь замечание, которое может быть истолковано как оскорбление императора, и слишком много ушей среди рабов и, возможно, слишком много среди гостей, чтобы допустить какой-либо риск в этом направлении. В некоторых довольно серьезных компаниях профессиональный чтец или декламатор развлекал посетителей интересными отрывками из стихов или прозы; перед другими могли быть разыграны сцены из комедии. Время от времени домашние менестрели исполняли вокальную и инструментальную музыку; или нанимались люди, в основном женщины, для игры на арфе, лире или двойном флажолете. Подобные представления также проводились во время кутежей, которые часто следовали за ними глубокой ночью, и к ним можно было добавить поздние танцы девушек из Кадиса, жонглерские и акробатические номера и другие формы "эстрадных" развлечений. Игра в кости на публике, за исключением организованного фестиваля Сатурналий, была незаконной — факт, который, конечно, не мешал ей практиковаться, - но она была разрешена на частных собраниях, подобных этому, при условии, что деньги якобы не ставились на кон. Кости стучат в коробке, похожей на башню, и бросают на специальную доску или лоток. Вы можете играть "по любви", или, как называли это римляне, "за шафера", а можете играть на фанты. Естественно, что на практике, вопреки закону, фанты превращались в денежные суммы. Наилучший возможный бросок называется "Венера", наихудший - "собака". Разновидность шашек или нард может быть предпочтительнее в более спокойные периоды общения, но такая игра, как "орел или хвост", называемая по-латыни "орел или корабли", была игрой для простолюдинов.

[Иллюстрация: РИС. 68.—АКРОБАТЫ.]

Если было решено устроить затяжное гулянье по форме, головы увешивали гирляндами из роз, фиалок, мирта или плюща; бросали жребий "судье выпивки", и он решал, сколько вина — фалернского, сетинского или массинового — следует выпить и в какой степени его следует смешивать с водой. В столовой стоит большая и красивая миска для смешивания. Из него вино черпается половником, вмещающим примерно столько же, сколько бокал для хереса, и в каждый бокал по указанию судьи наливается определенное количество таких "бокалов". При заливке в "миксер" вино пропускается через сито, а в жаркую погоду сито заполняется снегом, привезенным с ближайших гор и искусственно сохраненным. За здоровье пили в таком количестве "бокалов", сколько букв содержалось в названии; отсутствующие дамы произносили тосты аналогичным образом; и в тот или иной час гости просили у своих лакеев

обувь и плащи и расходились по домам в сопровождении слуг, которые несли факелы или фонари и были готовы расправиться с возможными грабителями и удавленниками, если таковые подстерегали на неосвещенных улицах менее осторожных или менее защищенных пешеходов. "Ирокезы" также оставят их в покое, и, возможно, по пути домой их будут развлекать звуки серенад у дверей какой-нибудь прекрасной Хлои или Лидии на Верхнем Священном Пути или недалеко от Субуры.

Однако не следует предполагать, что каждая вечерняя трапеза, даже знатной особы, принимала форму званого ужина. Действительно, вероятно, было мало случаев, когда, находясь в городе, он либо не принимал гостей, либо не развлекался сам. Время от времени поступало приглашение на обед ко двору, где, возможно, восемьдесят или сто гостей обоего пола, распределенных разными группами по девять или семь человек в просторном банкетном зале, ели с золотых тарелок, и их развлекали с трех или четырех часов до полуночи со всей необузданной экстравагантностью, которую Петроний или какой-нибудь другой "знаток вкуса" мог придумать для цезаря. Снобы того времени придавали огромное значение этому отличию. Император не всегда мог просматривать свой список приглашенных и не мог в каждом случае лично знакомиться с каждым гостем. Поэтому его слуги время от времени могли тайком протащить человека, мечтающего отобедать во дворце. При Калигуле богатый провинциал однажды заплатил почти 2000 фунтов стерлингов за такое "приглашение". Когда император узнал об этом, он был, во всяком случае, весьма польщен; на следующий день он приказал продать какую-то бесполезную безделушку тому же человеку за ту же сумму и на основании этого знакомства пригласил его на обед, на этот раз прикарманив деньги для себя.

И все же, должно быть, было немало вечеров, когда Силиус предпочитал общество одного-двух близких друзей, составляя все вместе "число граций", и ужинал с меньшей формальностью и церемониями. В такие моменты трапеза длилась бы сравнительно недолго, и разговор был бы более глубоким и интимным. Время от времени обед был чисто домашним, и после него Силий, возможно, проводил час или два за чтением или слушал раба, который был его профессиональным "чтецом". Если бы он сам был писателем, каковым на самом деле было поразительное количество его современников, он мог бы потратить это время на подготовку речи, сочинение какого-нибудь ни к чему не обязывающего эпоса или драмы, наброски заметок для истории или сочинение эпиграммы или сатиры, чтобы воплотить свои юмористические фантазии или облегчить свое раздражение. Если, как это часто случалось, он держал в доме наемного греческого философа — в значительной степени аналога домашнего капеллана конца семнадцатого века, — он мог наслаждаться беседой с ним и пораскинуть мозгами; или, если это был человек действительно целеустремленный, обсудить с ним принципы его конкретной философии, стоической, эпикурейской или эклектической. Это был ближайший подход, который древний римлянин применил к тому, что мы должны были бы назвать теологическим или религиозным аргументом.

В другие дни посетитель, естественно, развлекал бы за ужином нескольких своих клиентов, и ни при каких обстоятельствах у него не было бы лучшей возможности показать, насколько он джентльмен в современном смысле этого слова. Не только от сатирика мы узнаем, насколько невежливым мог бы быть римский вельможа за своим собственным столом, если бы захотел. Не было ничего необычного в том, что покровитель ставил перед этими более скромными гостями блюда или порции блюд, заметно уступающие тем, которые предлагались ему самому и любому аристократу, которого он сажал рядом с собой. В этом смысле клиенту часто давали очень

отчетливо почувствовать, что он "сидит ниже пояса". В то время как самое спелое сетинское или фалернское вино наливалось в собственный украшенный драгоценными камнями кубок патрона из золота, серебра или хрусталя, его клиент мог пить из толстого стекла или фаянса более бедное вино, выращенное на Сабинских холмах. Рыба, поданная Силиусу и его "брату" ноублу, может быть отборным тюрбо, а птица - фазаном, в то время как клиенту Прокула приходится довольствоваться щукой из Тибра и обычной домашней птицей. Более поздний сатирик Ювенал представляет нам неподражаемые картины голодных иждивенцев за столом своего "короля", ожидающих "хлеба в руке" (подобно обнаженному для битвы мечу), чтобы посмотреть, что пошлет им фортуна. С другой стороны, были, конечно, покровители, которые не делали таких различий. Плиний младший, который сам был джентльменом почти в современном смысле этого слова — если мы не будем обращать внимания на слишком частую склонность размышлять о своих собственных неоспоримых достоинствах, — пишет письмо своему молодому другу в следующих выражениях: "Мне нет нужды вдаваться в подробности относительно того, как получилось, что я обедаю с человеком, с которым я никоим образом не близок. В его собственных глазах он сочетал элегантность с экономностью; в моих - подлость с экстравагантностью. Блюда, поставленные перед ним и несколькими другими, были отборнейшими; те, что подавались остальным, представляли собой жалкие объедки. То же самое отличало его вино, которое было трех сортов. Намерение состояло не в том, чтобы предложить выбор, а в том, чтобы не допустить права на отказ. Один вид предназначался для него и нас; другой - для его менее важных друзей (поскольку его друзья классифицируются); третий - для его и наших вольноотпущенников. Мой ближайший сосед заметил это и спросил меня, одобряю ли я это. Я сказал: "Нет!" "Ну, - сказал он, - а каков ваш собственный обычай?" "Я отношусь ко всем одинаково, потому что приглашаю людей на обед, а не на оскорбление, и когда они садятся за мой стол, я позволяю им разделить со мной все". "И к вашим вольноотпущенникам тоже". "Да, в такие моменты я отношусь к ним как к гостям, а не как к вольноотпущенникам". На это он сказал: "Это вам дорого обходится?" - "Вовсе нет". "Как это может быть?" - "Потому что дело не в том, что они пьют то же вино, что и я, а в том, что они пьют то же вино, что и я". я пью то же вино, что и они ". " Письмо, возможно, почти на полвека позже выбранного нами периода, но нет никаких оснований думать, что за это время нравы претерпели какие-либо серьезные изменения.

ГЛАВА XIV

ЖИЗНЬ СРЕДНЕГО И НИЗШЕГО КЛАССОВ

Силиус был дворянином, с привилегиями дворянина, но также и со своими ограничениями. Класс, следующий по рангу ниже его, состоял из "рыцарей", о которых кое-что уже было сказано. Следует помнить, что эти люди из "узкой полосы" были представителями высшего среднего класса, которые руководили большинством крупных финансовых предприятий Рима и провинций. В то время как сенаторский орден мог управлять важными провинциями, командовать легионами, владеть большими поместьями и извлекать из них доходы, но мог зарабатывать деньги другими способами только через более или менее скрытое посредничество рыцарей или своих собственных вольноотпущенников, рыцари были вольны выступать в качестве банкиров, ростовщиков, сборщиков налогов, торговцев или подрядчиков в широком масштабе и брать на себя управление такими третьеразрядными провинциями, которые цезарь мог счесть нужным доверить им. Ростовщичество в Риме было чрезвычайно прибыльным бизнесом. Аристократ не только часто отличался экстравагантностью в своих

вкусах, но и, будучи однажды избран на государственную должность, был практически вынужден щедро тратить деньги на проведение представлений того рода, о которых пойдет речь ниже, или на какое-нибудь общественное здание, или иным образом. В результате он часто влезал в большие долги. Между тем мелкие торговцы и земледельцы, которым приходилось конкурировать с рабским трудом и другими ложными экономическими условиями, не говоря уже о плохих сезонах, часто оказывались в руках ростовщиков. Хотя неоднократно предпринимались попытки сдерживать непомерно высокие процентные ставки, они, по-видимому, были столь же безрезультатны, как и в случае с нами. Почти стандартная плата составляла одну двенадцатую от суммы кредита, или 8-1/3 процента, но другой распространенной ставкой был один процент в месяц. Ставки, как более высокие, так и более низкие, известны нам из конкретных случаев. Естественно, вопрос зависел от безопасности, когда это не зависело от жадности одной стороны и невежества другой. Однако многое из того, что в книгах называется ростовщицеством, было всего лишь тем, что мы должны считать законным банковским делом. Как бы то ни было, найты сколотили на этой практике большие состояния. Они также собирали налоги, которые действовали в случае тех сборов, которые все еще оставались косвенными. Практика заключалась в том, чтобы оценить размер такого налога, взимаемого с провинции, приобрести его у правительства с максимально возможной прибылью и таким образом избавить государство от хлопот и затрат, связанных с его сбором. Для этой цели были созданы "компании" с тем, кого мы должны были бы назвать "юридическим менеджером" в Риме. Менеджеры предлагали цену за налог на аукционе, вносили деньги за покупку в казну и продолжали получать налог через местных менеджеров и агентов в соответствующих провинциях. Уже объяснялось, что наиболее важным налогообложением в империи в то время было прямое налогообложение — общины в Галлии, Испании, Малой Азии или Сирии знали, каково его налогообложение, принимали свои собственные меры и использовали своих собственных местных сборщиков. Римские рыцари все еще могли выдавать суммы таким общинам, но в данном случае они не были сборщиками налогов. К сожалению, слово "мытари—, заключенное в квадратные скобки с "грешниками", используется в переводе Нового Завета для местных коллекционеров, таких как святой Матфей. Это слово не только не передает никакого понятия или является совершенно неуместным для обычного читателя, но и способно ввести в заблуждение тех, кто знает о его происхождении. Поскольку финансовые компании в Риме, покупая налоги, заключали публичный контракт, их называли *publicani*. Но это не те люди, которые сами действовали как мелкие сборщики — в любом случае, они не имели ничего общего с местными сборщиками, назначенными общинами, — и это не те, кто непосредственно общался с "грешниками". Дело в том, что латинское слово, применявшееся к крупным компаниям по сбору налогов, действовавшим в интересах Рима, впоследствии было перенесено даже на самого мелкого агента по сбору налогов, имевшего возможности для вымогательства и жестокости.

Слой римского общества ниже рыцарей был чрезвычайно сложным. Рабы, конечно, сюда не входят. Они не имеют права на римскую "тогу" и даже не могут носить коническую римскую шапочку, за исключением Сатурналий, когда все намеренно делается шиворот-навыворот. Опуская их, мы можем грубо разделить остальных, как делили их сами римляне, на "народ" и "сброд". Сброд - это либо люди без постоянного занятия, либо *лаццарони*, полные бездельники, бездельничающие и попрошайки. Несомненно, многие из них выполнили бы поручение или отнесли посылку за небольшую монетку, в противном случае их можно было бы застать слоняющимися по общественным площадям, бездельничающими на ступенях или в

окрестностях общественных зданий, таких как храмы, базилики, портики и бани, и играющими в то, что итальянцы называют *морра* — более умную и каверзную разновидность игры "Сколько пальцев я поднимаю?" - или в "Орел или решка". Бедняки древнего Рима, как и бедняки современной Италии, могли питаться очень простой пищей. Воды с капелькой вина, когда ее удавалось достать — а, по-видимому, в то время вино стоило меньше пенни за кварту, — и овсянки или хлеба, какими бы грубыми они ни были, было достаточно, пока были развлечения, солнце и не нужно было работать. В каждом значительном городе империи вокруг Средиземного моря, несомненно, была бы своя доля таких "похотливых парней самого низкого пошиба", но, естественно, в имперском городе их было гораздо больше. Рим ни в коем случае не был единственным городом, в котором производились бесплатные порции кукурузы и устраивались бесплатные зрелищные выставки. Но в других местах выплаты были случайными и зависели от щедрости местных богатых или честолюбивых людей, тогда как в Риме пособие было регулярным, а зрелища частыми и великолепными. Рим был столицей и резиденцией императора. Он претендовал на привилегии Города-Хозяйки, включая пользование избыточными доходами. Политика также требовала, чтобы чернь утихомирили "хлебом и играми".

Именно по этим причинам имена примерно 200 000 граждан были внесены в список на получение ежемесячной нормы зерна — по-видимому, от шести до семи бушелей -за счет имперской казны. Это количество они забирали и превращали в хлеб, как могли. Во многих случаях, несомненно, они продавали его пекарям и другим людям. Следует добавить, что, помимо бесплатной раздачи, в императорских складах имелось большое количество зерна, которое всегда можно было приобрести по низкой цене. Иногда добавлялось денежное пособие; в одном случае Неро дал более 2 фунтов стерлингов на человека. Между тем здесь было в изобилии воды, которую можно было получить даром, подаваемой по тщательно ухоженным акведукам в многочисленные фонтаны, удобно расположенные по всему городу. Хотя, однако, мы должны признать, что число бездельников было очень велико, мы должны быть осторожны, чтобы не преувеличивать. Абсурдно предполагать, как это сделали некоторые, что из-за того, что 200 000 граждан получают бесплатную кукурузу, 200 000 остаются безработными. Римские императоры никогда не собирались делать ставку на лень, а только на борьбу с бедностью. Для того чтобы получить свою порцию кукурузы, не было необходимости показывать, что вы голодаете, а только то, что вы имели на это право или, другими словами, были внесены в список. Также ошибочно думать, что любой случайный гость среди римлян *олла подрида* может претендовать на полтора бушеля кукурузы в неделю. В любом случае участвовать могли только римские граждане. Все беднейшие работники, независимо от того, были ли они фактически наняты или нет, могли забрать свое зерно вместе с остальными. Мы также не должны забывать, что среди безработных было значительное число тех, кто по той или иной причине лишь временно остался без работы. Тем не менее, не нужно изучать политическую экономию, чтобы знать, и римские государственные деятели не были слепы, чтобы видеть, что лучший способ заставить людей перестать работать - это показать им, что они могут жить, какими бы убогими они ни были, без работы. Возможно, по-настоящему удивительно то, что римское правительство, располагавшее огромными средствами, остановилось на достигнутом. Неразвитая экономическая система привела к возникновению сложных условий, с которыми императоры и их советники справлялись, как могли.

Было неизбежно, что среди столь многочисленного изнеженного сброда и стольких обедневших иностранцев, попытавших счастья в столице, должно было быть значительное

количество попрошаек. Мы не можем точно сказать, сколько их было. Вы могли бы найти их на мостах, где они обозначали, так сказать, "позицию" для себя и сидели на коврике, или у ворот, или везде, где экипажи должны медленно проезжать по большим дорогам вблизи города, например, вверх по склону Аппиевой дороги, когда она проходит через юго-западный отрог Альбанских холмов. Другие города были бы заражены таким же образом. Не было недостатка и в ворах и разбойниках на улицах, а также в разбойниках с большой дороги, особенно в более пустынных районах вблизи болот между Римом и Неаполитанским заливом. Город действительно охранялся либеральной полицией, но римские улицы, как мы уже видели, были по большей части узкими, кривыми и неосвещенными по ночам. Как обычно, от уличного грабителя пострадали сравнительно бедные; богатые со своими факелами и свитой всегда могли защитить себя.

После "черни" мы возьмем "народ" в том смысле, который используется на сегодняшний день. Мы должны начать с некоторой корректировки наших понятий. Римляне не проводили такого четкого различия, как мы, между профессиями. Выполнять работу для других и получать за это плату - значит быть наемником. Художники, скульпторы, врачи, хирурги и аукционисты - всего лишь более высокооплачиваемые и более приятно занятые наемные работники. Лишь этим они отличаются от художников по вывескам, каменщиков, гробовщиков или глашатаев. Без сомнения, теория несколько развеялась на практике, но такова теория. То, что в наши дни составляет "либеральную" профессию — предыдущее либеральное образование и высокий кодекс профессиональной этикета, — вряд ли можно сказать, что в случае соответствующих профессий в Риме они существовали. Если либеральность отходит от нашего собственного профессионального образования и этикет смягчается, мы, вероятно, вернемся к тому же положению вещей. Хирург обычно был "костоломом", а врач - составителем и назначателем более или менее эмпирических лекарств. Их знания и мастерство ни в коем случае не вызывали презрения, а их инструменты и фармакопея были на удивление современными. Среди греков и выходцев с Востока их социальное положение было высоким, но в Риме, где они были в основном иностранцами, по большей части греками, старая аристократическая исключительность позволяла оценивать их сравнительно скромно, какими бы большими ни были их гонорары в более важных делах. Позже будет кое-что сказано о состоянии науки и познаний в римском мире. Пока достаточно отметить, что художник, врач, адвокат, школьный учитель и клерк теоретически принадлежат к простому "народу", наряду с мясниками, пекарями, плотниками и гончарами.

[Иллюстрация: РИС. 69.—ХИРУРГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ. (Помпеи.)]

Оставляя в стороне аристократические и богатые классы, с одной стороны, и обнищавший класс - с другой, мы имеем лежащих между ними рабочих, будь то коренные римляне или освобожденные рабы, которые теперь являются гражданами, известными как "вольнотпущенники". К ним мы должны добавить довольно потрепанных, благородных людей, которых мы уже называли "клиентами". Среди работников встречаются мужчины и женщины всех профессий, наиболее знакомых нам, за одним исключением. Они не включают домашнюю прислугу. Римляне, которые могли позволить себе постоянную прислугу, держали рабов. Верно, что иногда кто-нибудь из более бедных граждан, даже солдат в отпуске, мог выполнять какую-нибудь черную работу, связанную с домашним хозяйством, такую как рубка дров или переноска ноши; но такие услуги считались "рабскими". За этим исключением едва ли найдется занятие, которым не занимались римские граждане. На такой работе им часто приходилось

конкурировать с рабским трудом. Вероятно, несомненно, что большая часть рабов была нанята в качестве домашней прислуги. Но многие другие обрабатывали земли более крупных собственников. Другие работали под началом подрядчиков, которые возводили общественные сооружения. Других использовали в качестве помощников в магазинах и на фабриках. Очевидно, что такая конкуренция сократила сферу свободной рабочей силы, хотя и не закрыла ее полностью, и бесплатная рабочая сила, должно быть, была неоправданно удешевлена. Но предполагать, что вся римская работа, будь то в городе или деревне, выполнялась рабами, значит быть глубоко неправым. Римлян можно было встретить в качестве пахарей и пастухов, работников на виноградниках, плотников, каменщиков, гончаров, сапожников, кожевников, пекарей, мясников, валяльщиков, металлистов, стекольщиков, суконщиков, зеленщиков, лавочников всех мастей. Были римские носильщики, возчики и портовые рабочие, а также римские кондитеры и продавцы сосисок. К этим частным профессиям следует добавить множество должностей на низшей государственной службе. Были, например, многочисленные запросы на помощников магистратов, глашатаев, посыльных и клерков. К сожалению, наша информация обо всех этих классах очень недостаточна. Римским писателям — историкам, философам, риторам и поэтам — крайне мало что можно сказать о скромных людях, которые, по-видимому, ничего не сделали для создания истории или мысли. Они упоминаются лишь вскользь и, как правило, без интереса, если не с некоторым презрением, за исключением тех случаев, когда поэт предпочитает прославлять простую жизнь и поэтому обращает свой взор на бережливое крестьянство, которое, несомненно, на самом деле сохранило большую часть стойкого древнеримского духа. О солдатах мы знаем много, и немало — о школьных учителях. Этот факт объясняется связью одного занятия с историей, а другого — с писателями. Кое-что будет сказано об армии, а также о школах в их особых местах. Содержатели постоянных дворов нередко фигурируют в сатирической литературе и эпиграммах, и ни один язык не кажется слишком презрительным из-за их предполагаемой нечестности. Но о постоянных дворах сказано уже достаточно. Мы узнаем, что книготорговцы зарабатывали деньги на произведениях, копии которых они заставляли своих рабов делать и которые они продавали в "хорошо подобранном" стиле за четыре шиллинга или, в случае небольших томов, всего за четыре пенса-полпенни. Но по сей день мы не знаем, какую прибыль автор получал от книготорговца, или как она определялась, или получал ли он ее вообще. Разумнее всего предположить, что он продал книгу напрямую издателю за то, что смог выручить. В противном случае трудно представить, как можно было бы сохранить какой-либо чек за продажи. Единственное занятие, о котором литература предлагает нам систематическую информацию, — это сельское хозяйство, включая выпас крупного рогатого скота и выращивание винограда. В остальном мы черпаем больше знаний из раскопок Помпей, чем из любого другого источника. По реальным магазинам и их содержимому, по картинкам, иллюстрирующим современную жизнь, а также по надписям и рекламе мы можем восстановить некоторую картину торговых и промышленных операций. Мы можем видеть фуллера, пекаря, ювелира, виноторговца и плетущего венки за их работой. Мы можем различить кое-что из розничной торговли на Форуме; или мы можем увидеть, как аукционист составляет свои счета.

[Иллюстрация: РИС. 70.—ПЕКАРНИ. (Помпеи.)]

[Иллюстрация: РИС. 71.—КУПИДОНЫ В РОЛИ ЮВЕЛИРОВ. (Настенная роспись.)]

[Иллюстрация: РИС. 72.—ИЗГОТОВИТЕЛИ ГИРЛЯНД.]

[Иллюстрация: РИС. 73.—БЮСТ ЦЕЦИЛИЯ ЮКУНДА.]

Пекарь, например, был своим собственным мельником. До сих пор стоят мельницы, верхний камень которых - полый цилиндр с заостренной талией — способен вращаться на нижнем камне и позволять муке падать на нижележащий обод. В отверстия в середине верхнего, или "ослиного", камня и поперек верха были вделаны деревянные брусья, которые либо толкали люди, либо тянули впряженные в них ослы. Духовка все еще на месте, и, какими бы обугленными они ни были, мы хорошо знакомы с круглыми плоскими буханками, по форме напоминающими большую булочку "крест-накрест". Тесто замешивалось вертикальным валом с рычагами, вращающимися в емкости, с боков которой внутрь выступали другие рычаги, так что между ними оставалось мало места для тискивания теста. У нас есть фотографии полных, которым шерстяную одежду — тоги и туники, а также женские накидки — регулярно отправляли стирать в чанах, взбивать, растягивать и отбеливать серой, а также расчесывать их затылки гребнем или пучком шипов. Ювелир изображен у своей печи или наковальни. Изготовители гирлянд заняты работой, прикрепляя цветы или лепестки к ленте или жесткой полоске липовой коры. Торговцы другими товарами демонстрируют результаты своего труда покупателям, которые внимательно изучают их на глаз, на ощупь и по запаху. Таблички с квитанциями о продаже и арендной плате все еще существуют в том виде, в каком они были найдены в доме проныцательного аукциониста Юкундуса. Они формально подтверждают получение таких-то сумм, реализованных на аукционе, "за вычетом комиссии", хотя, к сожалению, случайно не сообщают нам, какова была комиссия. Мы видим, как торговцы вином наполняют кувшины для покупателей из больших винных бурдюков в фургоне. В заключение к этому предмету следует отметить, что использовались всевозможные описательные знаки; и точно так же, как до сих пор можно увидеть столб цирюльника или позолоченный сапог перед лавкой или раскрашенную вывеску в трактире, так и изображение козы у двери продавца молока, или орла или слона у двери гостиницы.

[Иллюстрация: РИС. 74.—ПЛУГ. (Примитивные и более поздние формы.)]

Тем временем за городом мы можем разглядеть ферму с ее живыми изгородями из быстрорастущих растений, каменными стенами, берегом и канавой. Довольно примитивный плуг — хотя и не всегда такой примитивный, каким он был поколение или около того назад в Италии, — запряжен волами, в то время как в остальном используются почти все орудия, которые применялись до вполне современного изобретения машин. На этом этапе можно отметить, что севооборот был хорошо изучен и регулярно практиковался. Затем идут пастбища, зимой на равнинах, а летом на холмах, к которым пастухи перегоняют свой скот по определенным проезжим дорогам, пока тот не достигнет неогороженных владений, принадлежащих государству. Там они разбивают лагерь из хижин или вигвамов под руководством "главного человека" и окружают своих подопечных сильными свирепыми собаками, в обязанности которых входит защищать их не только от воров, но и от волков, которые в то время были обычным явлением на Апеннинах, где, впрочем, можно было встретить и медведей. Во время сенокоса, сбора урожая или сбора оливок в стране не было недостатка в занятиях. Даже городской безработный мог бы собрать гроздь винограда или оливку, точно так же, как они могут это сделать у нас, или точно так же, как лондонский сборщик хмеля может взять отпуск и немного подзаработать в Кенте. На виноградниках, где лозы обычно обвивали невысокие вязы и другие деревья, между рядами росли различные овощи, как это до сих пор происходит вокруг Везувия; на холмах были оливковые рощи, содержание которых в порядке

почти ничего не стоило и которые поставляли средиземноморскому миру "масло" и керосин для ламп.

[Иллюстрация: РИС. 75.—ИНСТРУМЕНТЫ НА МОГИЛЕ.]

Нам не нужно тратить много сострадания на жизнь римского рабочего класса. Верно, что тогда не существовало доктрины о "достоинстве труда", но то, что ремеслом, пользующимся уважением, можно было разумно гордиться, видно из частого появления его инструментов на надгробиях. В том, что касается простого наслаждения жизнью, рабочие римского мира были, насколько мы можем судить, довольно счастливы. У них было много праздников, в основном религиозного происхождения; но, как и у нас, они так часто дополнялись и так далеко отвлекались от религиозных мыслей, что были больше отмечены весельем и спортом, чем какой-либо торжественностью духа. Рабочие определенного призвания создавали свои гильдии, "городские компании", или клубы, в интересах своего ремесла и для взаимной выгоды. Там была гильдия пекарей, гильдия золотых дел мастеров и гильдия всего остального. У каждой гильдии было свое особое божество — например, Веста, богиня огня, для пекарей, и Минерва, богиня шерстяного дела, для валяльщиков, — и она проводила ежегодный фестиваль в честь таких покровителей, маршируя по улицам с регалиями и флагом. Несомненно, члены гильдии действовали согласованно в целях регулирования цен, хотя римское правительство позаботилось о том, чтобы эти клубы не были политическими, и быстро подавило бы забастовку, если бы она серьезно мешала общественному благу. Мнимым оправданием для создания гильдии, и, по-видимому, единственным, теоретически принятым имперским правительством, было оправдание общего культа. По крайней мере, несомненно, что императоры ревниво следили за формированием любого нового союза и что они немедленно упразднили бы любой, который, по-видимому, имел тайные договоренности и цели или действовал вопреки закону. В городах, где существовало местное самоуправление, муниципальные власти все еще избирались народом; и гильдии, особенно лавочников, могли играть и играли свою роль в определении избрания того или иного кандидата. Выборы могут повлиять на них теми способами, которыми современные городские советники и мэры могут влиять на тарифы, состояние улиц, правила дорожного движения и так далее. На стенах Помпей раскрашено тысяча шестьсот объявлений о выборах красной и черной краской, и мы находим Такого-То, рекомендованного такой-то профессией как "хороший человек", или "честный молодой человек", или человек, который будет "присматривать за общественным кошельком". Забавно отметить, что в сатирической пародии на такие призывы, как "продавцы фруктов рекомендуют то-то и то-то", мы обнаруживаем, что "мелкие воришки рекомендуют То-то и то-то", или мы получаем мнение "спящих всех до единого". Особыми задачами, связанными с этими и другими ассоциациями, были предоставление "средств для вдов" и надлежащее погребение членов. О важности последнего для древнего мира мы поговорим, когда перейдем к похоронам и связанным с ними религиозным представлениям.

Самая трудная задача при работе с античностью - представить реальную жизнь такой, какой она была прожита. В жизни более скромных граждан останки Помпей больше, чем что-либо другое, способствуют желаемому ощущению реальности, но это останки Помпей, а не Рима. Тем не менее, есть много моментов, по которым мы можем справедливо спорить от маленького городка к более крупному, и принято придерживаться этого курса.

[Иллюстрация: РИС. 76.—ПОМПЕЙСКАЯ КУЛИНАРНАЯ ЛАВКА.]

Таким образом, мы можем думать о простых людях среди этих древних как о очень живых с их искренним любопытством, их широким чувством юмора, их любовью к зрелищам и их острым энтузиазмом к соревнованиям, их интересом к мелким местным выборам, их рекламным инстинктам, их ненасытной страстью к нацарапыванию на стенах и колоннах, будь то краской или "стилем", чем-то вроде маленького стилета, которым они обычно писали на табличках. Древний мир становится очень близким, когда мы читаем рядом с объявлениями о выборах строчку из Вергилия или Овидия, нацарапанную в минуту безделья, или ругательство в адрес соседнего и конкурирующего города — например, "не повезло нуцерийцам", или милое высказывание, например, "нет джентльмена, который не был влюблен", или объявление о том, что "с 1 июля сдаются магазины с верхними этажами, квартира для джентльмена и дом: обратитесь к Принусу, рабу Такого—то". -Так"; или "Нашли бродячую кобылу с вьючным седлом, прикладом и т.д." - последнее, кстати, нарисовано на могиле.

[Иллюстрация: рис. 77. —В ВИННОЙ ЛАВКЕ.]

Местами общественного отдыха были бани, колоннады, полукруглые общественные места, ступени общественных зданий, магазины, закусочные и таверны. Средний класс, за отсутствием современных клубов, собирался, чтобы посплетничать у парикмахера, книготорговца или врача. Те, кто был более скромного достатка, часто отправлялись в заведения, соответствующие современной итальянской *остерии*, где можно было заказать вино с горячей или холодной водой, а также готовую еду. Когда они сидели на своих табуретках в этих "сальных и прокуренных" местах, они могли быть вынуждены, по словам сатирика, общаться с "матросами, ворами, беглыми рабами и палачом", но даже люди более высокого положения часто были склонны искать низменных удовольствий в такой обстановке, особенно когда, как это часто случалось, имелись условия для тайной игры в кости вне поля зрения полиции.

Между тем, из литературы мы можем восполнить их жизнерадостный язык вежливыми терминами, которые люди применяют друг к другу, такими как "ты осел, свинья, обезьяна, кукушка, болван, тупица, грибок", или, с другой стороны, "мой мед, мое сердце, моя голубка, моя жизнь, мой воробушек, мой нежный сыр". Но более подробное рассмотрение подобных вопросов завело бы нас слишком далеко.

Мы закончим эту тему последним взглядом на обычного свободного рабочего, который носит не тогу, а просто подпоясанную тунику, пару сапог и коническую шапочку, и который возвращается домой к своей простой пище, состоящей из хлеба, каши, чечевичного супа, сыра из козьего молока, "широкой" и "французской" фасоли, свеклы, лука-порей, соленого или копченого бекона, сосисок и кровяной колбасы, которую он ест из глиняной или деревянной миски, запивая дешевым, но не вредным вином, смешанным с водой. У него нет трубки, чтобы курить; он никогда не слышал о чае, кофе или крепких напитках. Возможно, ему сказали, что некоторые далекие варвары пьют пиво, и он, возможно, знает о такой вещи, как сливочное масло, но он не притронется к ней, пока у него есть оливковое масло. Каким бы скромным ни был его дом, он постарается обзавестись серебряной солонкой и сохранить ее как семейную реликвию.

ГЛАВА XV

ПРАЗДНИКИ И УВЕСЕЛЕНИЯ: ТЕАТР, ЦИРК, АМФИТЕАТР

Эти темы естественным образом подводят нас к рассмотрению главных развлечений Рима и тех частей империи, которые были либо в значительной степени романизированы, либо в них постоянно проживало большое количество римлян.

Праздники, некоторые из которых длились несколько дней, в этот день были широко распространены в течение всего года. Большинство из них были приурочены к определенным датам, другие были праздниками, специально провозглашенными в честь побед или других поводов для ликования. Мы можем оценить их среднее количество в самом Риме примерно в сотню. На первый взгляд это может указывать на поразительную трату времени и преобладание огромной праздности. Но мы должны помнить, что у римлян не было такого понятия, как воскресенье. Наши собственные воскресенья и еженедельные полупраздничные дни составляют вместе семьдесят восемь дней, и если к ним мы добавим праздники на Рождество, Пасху и другие банковские и общественные "закрытия", мы обнаружим, что наши ежегодные перерывы в рабочем году не очень далеки от римской суммы, как бы по-разному они ни распределялись. Разница между нами и ними заключается скорее в том, как были использованы каникулы. Первоначально праздники не предполагали никаких представлений и игр в виде гонок на колесницах, гладиаторских боев и тому подобного. Это были просто праздники божеств — Флоры, богини цветов, Цереры, богини урожая, Аполлона, бога света и исцеления, и других божеств, — почитаемых жертвоприношениями, процессиями и пирами. Праздник Сатурна, например, сначала длился всего один день. Позже он был продлен на пять, а затем и на семь дней, точно так же, как наши рождественские празднования, которые являются христианской адаптацией этого, имеют тенденцию фактически растягиваться на все более длительные периоды. На этом зимнем празднике Сатурналий произошел обмен подарками — такими, как кондитерские изделия, дичь, предметы одежды, письменные принадлежности - и всеобщий взрыв доброжелательности и веселья. На один день рабам разрешили надеть шапку свободного человека, "шапку свободы", и притвориться хозяевами. Это источник средневекового монашеского обычая разрешать один ежегодный день "беспорядочного правления". Тем временем гражданин сбрасывал тогу и облачался в цвета по своему выбору. Он публично и безнаказанно играл в кости. Крики "Ура сатурналиям!" раздавались повсюду. Позже стало обычным проводить публичные представления в эти дни, и императоры устраивали гладиаторские игры и акробатические или драматические представления, во время которых бросались в воду различные предметы, продукты питания, монеты или билеты, дающие право владельцу на какой-либо подарок, который мог быть ценным, бесполезным или комичным. Точно так же был праздник в День Нового года, когда снова обменивались подарками, регулярно включая небольшую денежку "на удачу". На подарках в этот день часто была надпись "Счастливого и процветающего Нового года вам". Подарки во все времена играли заметную роль в римском этикете и общительности. Их дарили не только по праздникам, но и на всех важных домашних мероприятиях. Даже на званом обеде, помимо настоящих продуктов, которые нужно было отнести домой, часто были подарки, либо специально предназначенные для получателя, либо разыгрываемые в результате юмористической лотереи. Среди множества других предметов, получателем которых можно стать в разное время года и при различных обстоятельствах, упоминаются книги, картины, таблички из слоновой кости, дерева или пергамента, подушки, шарфы, шляпы, капюшоны,

губки, мыло, кольца, фляжки, корзинки, музыкальные инструменты, мячи, ручки, лампы, зубочистки, игральные кости, копилки, ранцы, попугаи, сороки и обезьяны. В мартовские иды беднейшие слои населения направлялись на Марсово поле у реки, строили себе беседки или вигвамы из веток и проводили день и вечер в буйных песнях и веселье.

Однако в целом те части этих фестивалей, которых люди ожидали с самым живым нетерпением, представляли собой общественные развлечения, широко известные как "игры" или "спорт", которые предоставлялись для них бесплатно. Теоретически расходы несло государство — будь то из казны императора или из казны сената, и государство действительно потратило на конкретное празднование целых шесть или восемь тысяч фунтов стерлингов. Но как в самом Риме, так и в провинциях было практически обязательным, чтобы государственный служащий, отвечавший за проведение данного праздника в течение года, щедро тратил на него свои средства. Ни один человек ни в Риме, ни в каком-либо провинциальном городе не мог позволить себе быть избранным на такую государственную должность, если он не был готов выплатить сумму, возможно, столь же крупную, как субсидия, предоставляемая государством. Чем больше он давал, особенно если приносил какое-нибудь яркое или забавное дополнение к обычным шоу, тем популярнее он становился на какое-то время. В римском мире за свои амбиции приходится платить, и это был самый одобренный способ оплаты. Мы могли бы морализировать по поводу огромного легкомыслия, которое может день за днем растрачивать тысячи и тысячи фунтов стерлингов на такие преходящие удовольствия, вместо того чтобы приносить долговременную пользу в виде больниц или школ. Но целью этой книги не является морализаторство. Мы можем быть уверены, что римское население, если бы ему предложили выбор, проголосовало бы за гонки колесниц или гладиаторов, а не за колледж или больницу.

[Иллюстрация: РИС. 78: БОКСЕРСКИЕ ПЕРЧАТКИ.]

Предлагаемые развлечения были нескольких видов, отнюдь не одинаково популярных. В театрах ставились спектакли; проводились состязания в беге, борьбе, боксе, метании копий и дисков и другие "мероприятия", соответствующие нашим атлетическим видам спорта; в цирке проводились гонки на колесницах, аналогичные нашим скачкам в Эпсоме или Ньюмаркете; и были зрелища в амфитеатре, которым, к счастью, у нас нет современных аналогов. К ним относились охота и травля животных, бои с дикими зверями — представления гораздо более опасные, чем на испанской арене для боя быков, - и, прежде всего, бои гладиаторов или профессиональных "фехтовальщиков". Поскольку существует более поздний аналог последнему, его можно найти в более рыцарских турнирах на ристалище, но сходство не очень близкое. Наименее ценными среди настоящих римлян были атлетические виды спорта. Чтобы по-настоящему насладиться ими, мы должны обратиться к греческой части империи. В Риме они казались ручными, поскольку разум римского населения от природы был грубым; то, что доставляло ему удовольствие, было чем-то сенсационно-акробатическим, или вызывающим довольно грубый смех, или же вызывающим волнующее предвкушение опасности и кровопролития. По вкусовым качествам римляне на самом деле были похожи на тех современных зрителей, которые любят смотреть, как человек прыгает с высокой трапеции в узкий водоем с разумной вероятностью сломать себе шею. Это странное противоречие с другими взглядами римлян, когда мы обнаруживаем, что они возражали против греческой борьбы или бега по соображениям приличия, потому что это было невинно обнажено. Поэтому нам нет нужды останавливаться на атлетических видах спорта, хотя в них никогда не было недостатка на "играх" в Риме. Возможно, будет достаточно показать на иллюстрации, какого

рода представление об интересном кулачном бою имел древний мир. Справедливо будет сказать, что приведенные здесь "боксерские перчатки" — кожаные ремешки, плотно обмотанные вокруг предплечья и начиненные свинцом или железом — были понятием, заимствованным у профессиональных боксеров Греции.

[Иллюстрация: рис. 80. —ТЕАТР В АСПЕНДЕ.]

Следующими по значимости были пьесы, поставленные на театральных подмостках. В предыдущей главе упоминались три великих театра Рима, об одном из которых говорилось, хотя и несколько невероятно, что он способен вместить 40 000 зрителей. На их форму и расположение уже намекали. Огромные сооружения подобного рода существовали во всех крупных романизированных городах Италии и других провинций. Один из них в Оранже во Франции до сих пор хорошо сохранился, а два меньших размера — один без крыши для игр и один с крышей для музыкальных представлений — являются одними из наиболее легко запоминающихся останков, сохранившихся в Помпеях. В греческой половине империи театры существенно не отличались друг от друга, главной отличительной чертой было то, что, в то время как римский зрительный зал образовывал полукруг, зрительный зал греческого типа занимал более двух третей. В римском стиле ровный полукруг перед сценой, от которого мы получили название "оркестр", был занят креслами сенаторов, а четырнадцать ярусов каменных сидений непосредственно за ними - рыцарями; определенные секции были также отведены для специальных занятий: одна для солдат, другая для мальчиков, еще не достигших совершеннолетия, и одна для женщин, присутствие которых не поощрялось и которые, за исключением трагедий, проявили бы больше скромности, оставаясь в стороне. Напротив сидений находится сцена, более высокая, чем у греков, но несколько более низкая, чем это обычно делается в наше время; а в задней части сцены находится стена, архитектурно украшенная, чтобы представлять фасад дома или "дворца", и содержащая одну центральную и две боковые двери, которые служили для отдельных целей, понимаемых традиционно. Над сценой находится крыша, которая откидывается назад, соединяясь со стеной. Входы на обычные ярусы сидений находятся через отверстия, к которым ведет лестница с внешней аркады, окружающей здание; на уровень "оркестр" - справа и слева по проходам под аркой, которая поддерживает отдельную ложу для председательствующего должностного лица. К двум ложам приближаются со сцены, и когда император присутствует, он садится в ту, что слева от зрителей. По верху здания, внутри, над сиденьями, проходит крытая дорожка, которая служит лаунджем и фойе. Над головами зрителей на мачтах или шестах может быть натянут цветной тент — предпочтительно темно-красный или темно-синий; при отсутствии тента или когда им нельзя воспользоваться из-за слишком сильного ветра, зрителю разрешается носить широкополую шляпу, если он сочтет это желательным для своего комфорта. Все здание, по-видимому, облицовано мрамором, местами позолочено и украшено колоннами и статуями.

Занавес, вместо того чтобы подниматься, как у нас, когда начинается спектакль, опускается, опускаясь в углубление на сцене. Там, где мы должны были бы сказать "занавес поднят", римляне сказали бы с точностью до наоборот: "занавес опущен". Для постановок, в которых фасад дворца был неподходящим, для его прикрытия использовались декорации, нарисованные на холсте или досках, которые можно было отодвинуть в сторону; другие сцены были натянуты на рамы, которые можно было поворачивать так, чтобы изображать различные лица.

На актеров, как бы ни восхищались их искусством и каким бы нерегулярным влиянием они ни пользовались, смотрели как на приниженных, и ни один римлянин, ценящий общественное уважение, не стал бы вести такой образ жизни. Среди греков и тех выходцев с Востока, которые находились под греческим влиянием, подобное клеймо не лежало на профессии, и поэтому многие из главных актеров имперского города получили свое образование в этой более либерально настроенной части римского мира. Остальные были в основном рабами или бывшими рабынями. Если римлянин какого-либо положения принимал участие, то либо потому, что он был разоренным человеком, либо потому, что император капризно приказал ему подвергнуться этому унижению.

[Иллюстрация: рис. 81. —ТРАГИЧЕСКИЙ АКТЕР.]

Сами пьесы, конечно, не представляли большой ценности с конструктивной или литературной точки зрения. В наши дни мы часто слышим об "упадке драмы", но, пожалуй, ни в одной цивилизованной стране она не достигла такого упадка, как в Риме к 64 году нашей эры. Обычная классическая драма, то есть литературная трагедия и комедия, вряд ли понравилась бы какому-либо обычному римскому собранию. Философ Сенека действительно писал трагедии, подражая греческим, но они предназначались для читателя и библиотеки, и маловероятно, что они когда-либо исполнялись или даже предлагались на сцену. Трагедии, это правда, были представлены, но в основном они были греческими, и представление было выдержано в греческом стиле. Героические актеры носили маски, закрывавшие не только лицо, но и всю голову, которую они значительно поднимали в высоту. Вокруг тела ниспадали длинные ниспадающие одежды из великолепного материала и цвета, а на ногах были сапоги на толстой подошве, которые увеличивали рост на несколько дюймов. Комик играл в низких ботинках или тапочках; и поэтому "ботинок" и "тапочка" были в обиходе для обозначения двух видов театральных развлечений. Из двух любимых загородных домов Плиния на озере Комо один назывался "Трагедия" за то, что стоял высоко, другой - "Комедия", потому что находился на более низком участке у воды. Весь эффект, к которому стремилась героическая пьеса, был грандиозным, и не было предпринято никаких попыток воспроизвести действительность жизни. На прилагаемой иллюстрации вы увидите трагического героя таким, каким он появился на римской сцене. Рассматривая это несколько удивительное явление, следует помнить, что в Риме, как и в Греции, театр был огромным, эффективных театральных биноклей не знали, и едва уловимые изменения в выражении лица остались бы незамеченными. Грим актера, как и раскрашивание сцен, был вынужден зависеть от широких эффектов.

Римская трагическая драма этого периода с ее любовью к ложному героизму, риторической напыщенности, роскошным нарядам, великолепным сценам и великолепным аксессуарам в виде "суперов" и процессий, должно быть, имела поразительное сходство с соответствующими английскими пьесами эпохи Реставрации или эпохи Драйдена. Пожалуй, самой популярной частью представления были музыка и танцы, как в исполнении отдельных актеров, так и в виде балетов в сопровождении флажолета, лиры или цимбал.

В комедии, по-видимому, не было оригинальности. Как в древнейшие времена своей драмы римляне копировали греков, так они копируют их и сейчас. Мы можем поверить, что игра актеров часто была превосходной, особенно в том, что касается интонации и жестов, но мало что можно сказать о пьесе, будь то с точки зрения литературы или морали. Поскольку словесное

описание обязательно должно быть не слишком убедительным, лучше будет представить здесь несколько образцов комических масок и сцену из комедии:

[Иллюстрация: РИС. 82. —КОМИЧЕСКИЕ МАСКИ.]

[Иллюстрация: рис. 83.—СЦЕНА ИЗ КОМЕДИИ.]

Гораздо большим спросом пользовались театральные представления более низкого уровня. Это были фарсы, интермедии, роли персонажей и немые шоу, известные как "пантомимы". Фарс представлял собой свободно сконструированную форму дурацкой комедии, содержащую большую часть готовых итальянских импровизаций или "гэгов" и регулярно вводящую четырех стандартных персонажей, которые почти не маскировались на протяжении стольких веков: старого "дедушку", предшественника современных панталон; хитрого шулера; болтливого обжору с толстым лицом (известного как "Отбивные"); и влюбчивого простака Саймона. Иногда представлялись типы иностранцев или провинциалов с карикатурами на их одежду и язык, в манере и, вероятно, с достоверностью сценического шотландца, ирландца или француза. Все эти роли были исполнены в масках.

Интерлюдия снова была небольшим произведением с очень небольшим сюжетом, состоящим в значительной степени из буффонады, розыгрышей, ударов и пощечин, а также танцев. Свободно использовались злободневные аллюзии и современные карикатуры, и весь спектакль, каким бы грубо забавным он ни был, был одновременно вульгарным и неприличным. В этих пьесах не было ни масок, ни обуви, а женские роли, которые в других случаях исполняли мужчины и юноши, на самом деле исполняли женщины, чьи позы и танцы не делали чести их полу.

Немые представления, или "пантомимы", представляли собой представления, в которых оставались выразительные и замысловатые жесты и телодвижения, рассказывающие всю историю целиком. Для такого рода постановки актерам, естественно, требовался не только незаурядный ум, но и большая гибкость тела. Как обычно, эти качества, наряду с качествами голоса, великолепным платьем и тщательно ухоженными длинными волосами, оказали на актера деморализующее влияние на слишком большое количество наиболее впечатлительных и раскованных римских дам.

Между тем огромная аудитория должна восприниматься не как сидящая в тишине и сдержанном внимании, а как взрывающаяся смехом, аплодирующая и топающая ногами, выкрикивающая одобрение и выходящая на бис, шипящая и машущая носовыми платками. А тем временем *клакеры* будут должным образом розданы теми, кто заинтересован в успехе представления. Время от времени из трубок и форсунок, расставленных по всему зданию, на публику проливается мелкий дождь шафрановых духов. Заслуживает внимания также то, что в театре, как и в других увеселительных заведениях, собрание часто выливалось в демонстрацию своих чувств по отношению к людям и политике. В численности была безопасность, и аплодисменты или шипение, которыми приветствовался персонаж или злободневная аллюзия — или реплика, которую можно было превратить в таковую, — вряд ли можно было отнести на счет какого-либо отдельного человека. На фестивалях допускалась определенная вольность, которая полностью использовалась: она служила предохранительным клапаном, и мудрые императоры, очевидно, так считали. В Риме правительство действительно было "деспотизмом,

умеренным эпиграммами", но не в меньшей степени его смягчали эти демонстрации на играх и зрелищах.

Более достойными императорского Рима были показательные гонки на колесницах, проводившиеся в огромном Большом цирке. Это уже описанное здание в то время, вероятно, вмещало около 200 000 человек, но в нем никогда не хватало места для взволнованных людей, которые толпами собирались не только из самого Рима, но и со всей страны, даже со всей империи, в пределах досягаемости. Неделями обсуждались шансы партий и делались ставки; даже школьники говорили о колесницах, возницах и лошадях. О них советовались с гадалками; мечтатели видели во сне победителей; и было предпринято множество закулисных попыток, иногда включая манипулирование людьми или лошадьми, испортить этот вид спорта. На самом деле борьба идет не между колесницей и повозкой, а между тем, что мы должны были бы назвать стабильным и неизменным. Есть четыре партии — белая, красная, зеленая и синяя, — возницы которых будут одеты в соответствующие цвета, в которые, вероятно, были раскрашены и колесницы. Каким-то образом зеленый и синий цвета на сегодняшний день сумели выделиться среди других, и главный интерес обычно сосредоточен на них.

Наступает день великого зрелища. Снаружи здания и в окружающих его портиках продавцы книг о скачках и диванных подушек занимаются своей торговлей наряду с продавцами кондитерских изделий и парфюмерии. Люди устремляются к многочисленным входам, которые по лестницам ведут к определенным блокам или ярусам кресел, на которые они имеют право сидеть и на которые у них есть билет. Полноправные граждане носят тогу или, если император не запретил эту практику, яркий плащ, который уже был описан. Места зарезервированы для официальных лиц, сенаторов, рыцарей и девственников-весталок; а сбоку под Палатином находится большая балконная ложа для императора и его свиты. На этих играх для женщин не отведено особого места; они сидят в своих самых богатых и эффектных нарядах среди общей массы зрителей, а флирт и занятия любовью являются частью распорядка дня. Уже использовалась очень грубая форма бинокля, или "подзорной трубы", которая, по-видимому, обычно состояла из простой поллой трубки, но иногда снабжалась увеличительной линзой. У самого Нерона, из-за его близорукости, был "бокал", каким-то образом изготовленный из изумруда.

В одном конце Цирка находится здание с изогнутой линией стойл, равноудаленных от начальной точки, в которых возницы держат свои колесницы наготове. Все они заперты, и двери распахиваются только по сигналу. Обычно лошади трех- или пятилетнего возраста. В некоторых гонках в колесницу запрягают двух лошадей, в других - четырех. Реже их бывает три или шесть, или даже большее количество. В 64-м году количество запущенных автомобилей составит четыре, по одной на каждый клуб. Сколько гонок будет проведено и в каком разнообразии, будет зависеть от председательствующего, который, как уже было сказано, оплачивает значительную часть расходов и который получит или лишится аплодисментов в зависимости от того, какое развлечение он предоставит зрителям. Обычно проводится около двадцати гонок, хотя иногда даже это число может быть увеличено.

По центру арены, хотя и не совсем по ее оси, проходит низкая широкая стена, называемая "хребтом", на вершине которой установлены различные скульптуры, а посередине - обелиск, ныне стоящий на Пьяцца дель Пополо, который Август привез из Египта после завоевания этой страны. На концах "позвочника" помещены фигурки семи дельфинов и семи больших яиц, а

чуть свободнее каждого конца, на отдельном основании, стоят три высоких конуса, покрытых позолотой, вокруг которых колесницы должны вращаться, как яхта огибает буй. Семь раз колесницы проедут по арене, обогнут конец хребта и обратно. На каждом круге дельфин и яйцо будут сниматься со стены, и когда последнее исчезнет, гонщик-победитель направится прямо к белой линии, которая служит призовым столбом.

[Иллюстрация: рис. 84.—ПЛАН ЦИРКА.]

Но они еще не начались. В назначенный час процессия стартует от Капитолия, спускается мимо храма Сатурна и мимо фасада базилики Юлия, поворачивает на "Тосканскую улицу" и входит в Цирк под большой аркой в центре здания, где расположены партер. Впереди идет группа музыкантов с ревом прямой римской трубы и криком флажолетов; за ними следует высокопоставленный чиновник, отвечающий за конкретный фестиваль. Он восседает высоко на колеснице и одет в тогу, расшитую золотом, и тунику, украшенную золотыми пальмовыми ветвями; в руке он держит скипетр из слоновой кости, а на голове у него корона из золотых листьев. За колесницей собрана свита в праздничном облачении. Следуют соревнующиеся колесницы; за ними следуют изображения божеств, которые везут на платформах или в повозках, к которым привязаны богато украшенные лошади, мулы или слоны; за ними следуют связанные тела жрецов. Когда эта процессия проходит по Цирку, зрители встают со своих мест, издают одобрительные возгласы и машут носовыми платками. Когда он совершает круг, его члены расходятся по своим местам, а колесницы закрываются в своих стойлах. Вскоре президент занимает позицию в своей ложе, поднимает большой носовой платок или салфетку и бросает ее. Тотчас же засовы барьеров снимаются, и колесницы устремляются вперед, к точке, отмеченной А. Погонщики, одетые в тесные туники без рукавов и тюбетейки своего особого цвета, наклоняются вперед над своими лошадьми и подбадривают их кнутами и криками. У них на талии вы увидите поводья, пристегнутые к поясу, на котором также висит нож, готовый срезать их в случае несчастного случая. Колесница - это низкое и неглубокое транспортное средство из дерева, покрытое орнаментом и настолько легкое, насколько это возможно, и от возничего требуется немалое мастерство, чтобы удерживать равновесие, управляя своей упряжкой. Они несутся по прямой, каждый стараясь получить преимущество на повороте, где натягивают левый повод, и левая лошадь — выбор команды — подводится к концу стены так близко, как только позволяют мастерство и благоразумие. Главным образом, хотя и ни в коем случае не только здесь, происходят несчастные случаи, когда колесницы теряют равновесие и сталкиваются друг с другом, или ударяются о край стены и опрокидываются. Насколько легко может произойти столкновение, видно из следующей диаграммы, где указаны маршруты движения двух колесниц, А и В.

[Иллюстрация: рис. 85. —ПОВОРОТ В ЦИРКЕ.]

Иногда команды выходят из-под контроля, и это может привести к общей катастрофе. Они идут по кругу, зрители кричат от возбуждения, выбирая синий или зеленый, красный или белый, и делают или пересматривают свои ставки. "Слишком далеко!" "Хорошо повернули!" "Зеленые побеждают!" "Молодец, Гирпинус!" Подобные крики образуют рев, которому, возможно, нет аналогов в современном мире. Одно за другим яйца и дельфины исчезают со стены; количество колесниц уменьшается; четыре или пять миль пройдены; и оглушительный крик раздается в честь победителя, чье имя — человека, лошади и цвета — еще несколько дней будет у всех на устах. В награду он получит не только почетную пальмовую ветвь; он получит денежные

подарки, золотые и серебряные венки, одежду и различные ценные предметы. В социальном плане он может быть всего лишь рабом или человеком, пользующимся низким уважением; занятие, каким бы уважаемым оно ни было в греческой части империи, не для свободнорожденного римлянина; тем не менее, подобно жокею, выигравшему дерби, он герой момента.

[Иллюстрация: РИС. 86—ГОНКА КОЛЕСНИЦ.]

Забег следует за забегом с перерывом на обед. В течение этого времени будут проходить акробатические и другие представления. Один всадник, например, будет стоять прямо на спинах двух или более лошадей и будет постоянно перепрыгивать с одной на другую, пока они скажут галопом. Большая часть компании возьмет свои закуски там, где они есть. Когда Август упрекнул человека с некоторым положением в обществе в этом довольно недостойном поступке, он ответил: "Все это очень хорошо для вас, сир, но ваше место наверняка будет сохранено". Нам нет необходимости вдаваться далее в подробности, касающиеся "событий" в Цирке. Однако, возможно, стоит добавить, что римлян совершенно не заботила современная форма скачек, проводимая жокеями на одиночных лошадях.

Цирк сильно отличается от овального амфитеатра, сооружения, в кои-то веки созданного римлянами, без которого ни один римский город не мог считать себя полноценным. Хотя Колизей еще не был построен, на Марсовом поле уже существовал амфитеатр, и такие здания можно было найти во всех значительных городах, в которых было много римского элемента. Один из них, хотя и более поздний, чем Нерон, все еще можно увидеть в прекрасной сохранности в Вероне; хорошо известный амфитеатр в Помпеях был полностью задействован в 64 году, а другие города — Капуя, ПUTEОЛЫ, Ним, Антиохия или Кесария — получили удовольствие от гладиаторских представлений и звериных боев. Только в полностью греческой или полностью восточной части империи амфитеатр отсутствовал. Там, где не было стационарного здания из камня или дерева, возводилось временное сооружение, и рота гладиаторов выступала на этом месте за счет какого-нибудь местного офицера или какого-нибудь богатого гражданина с социальными амбициями. Что бы ни думали о греках в других отношениях, они не испытывали симпатии, а только открыто выраженное отвращение к варварским проявлениям кровопролития, которыми наслаждались римляне. За пределами Иерусалима Ирод-романизатор построил амфитеатр, но это было сделано к ужасу всех ортодоксальных евреев.

[Иллюстрация: рис. 87.—АМФИТЕАТР В ПОМПЕЯХ.]

[Иллюстрация: РИС. 98 —КАЗАРМЫ ГЛАДИАТОРОВ (Помпеи.)]

Представления были двух основных видов: бои между людьми и животными — иногда между двумя видами диких зверей - и бои между мужчинами. В этих боях не было никакой наигранности; они означали, по крайней мере, серьезные ранения, даже если они не означали смерти. Те, кто сражался со зверями, в некоторых случаях могли быть добровольцами; в основном это были пленники или осужденные преступники, и, возможно, вряд ли нужно указывать, что, когда святой Павел говорит, что он "сражался со зверями в Эфесе", он просто говорит метафорой, адаптированной ко времени. Предполагалось не то, что преступник должен избежать смерти, а только то, что он должен быть в состоянии бороться за свою жизнь. Между тем гладиаторы, сражавшиеся с людьми, а не со зверями, находились в положении

профессионалов, которые могли быть рабами, осужденными разбойниками, мятежниками, военнопленными или добровольцами. Картина, нарисованная Байроном, хотя так называемый "Умиравший гладиатор", вдохновивший его, на самом деле никакой не гладиатор, а галльский воин, возможно, справедливо представляет один класс бойцов, но только один. В случае с этими "фехтовальщиками" ряд успешных боев мог бы в конце концов обеспечить свободу и нечто большее для раба или пленника, а также компетентность для добровольца. Не было ничего противоестественного в том, что мужественные и сильные люди часто предлагали себя для этой службы. Их физическая подготовка действительно была суровой как в плане физических упражнений, так и в плане диеты, а обращение с ними лично было суровым и позорным; но их слава, какой бы она ни была, была широкой, и их награды часто были солидными. Современные писатели также жалуются, что, какими бы жестокими и уродливыми они ни были, всегда находились женщины, готовые обожать их и считать прекрасными, как Адонис. В одной из заметок в Помпеях один из них назван "вздохом девушек". Тем не менее, ни один уважающий себя римлянин, если только его не вынудит злобный император, не стал бы носить клеймо гладиатора, так же как в наше время никто не захотел бы прослыть профессиональным боксером. Более того, с этих же героев после их славного дня на арене аккуратно снимали их эффектные доспехи, заключали в казармы, а в случае непослушания или беспокойства наказывали плетью и заковывали в кандалы или колодки.

Прелюдией к схватке со зверем часто была скорее "охота", сводящаяся к демонстрации мастерства в обращении с дикими животными, о которых вряд ли можно было сказать, что они умеют драться, но которых было трудно поймать или убить. Успех в стрельбе дротиками или стрелами требовал несколько большего мастерства и отваги, чем современная стрельба по "крупной дичи". Чтобы придать представлению больше естественности, арену иногда временно засаживали кустарниками и деревьями и разнообразили каменными работами. После "охоты" на зверя наступала "битва" зверей, которая могла вестись с бизонами или быками, дикими кабанами или волками, львами или тиграми, носорогом или слоном. В таких поединках мужчина обычно не надевал доспехов. Он брал свой меч или копье, перевязывал правую руку и ноги и выходил навстречу врагу в своей тунике. Зверей либо выпускали на свободу в конце арены, либо, как позже в Колизее, поднимали в клетках из их подземных берлог с помощью подъемников, приводимых в действие шкивами. Косвенно можно заметить, что увлечение этим видом спорта привело к одному явно благотворному результату, поскольку наиболее опасные дикие звери были почти истреблены в римском мире. Количество убитых было огромным, сотни львов или пантер были произведены на свет и убиты во время представлений одного фестиваля. Можно добавить, что на вершине стены или платформы, окружающей арену, была установлена — по крайней мере, в Колизее — металлическая решетка или экран, верхняя перекладина которого вращалась, так что, если дикому зверю удавалось подпрыгнуть так высоко и ухватиться за нее, этот подвиг был для него бесполезен. Чтобы держать его на большем расстоянии, арену окружала траншея, отделявшая ее от помоста.

[Иллюстрация: РИС. 89.—КОЛОДКИ ДЛЯ ГЛАДИАТОРОВ. (Остатки из Помпеи.)]

[Иллюстрация: РИС. 90. СРАЖАЮЩИЕСЯ ГЛАДИАТОРЫ.]

Но самым большим развлечением амфитеатра были поединки мужчин с мужчинами. После боев со зверями, которые проводились по утрам и по некоторым оценкам приравнивались к утреннему спектаклю, следовали бои гладиаторов. Перед зданием продаются книги, в которых перечислены пары, а также некоторые данные о бойцах, название их тренировочной школы и информация об оружии, с которым они будут сражаться, и о том, появлялись ли они ранее. В назначенное время процессия выходит с одного конца арены, и сражающиеся проходят парадом и отдают честь императору, если он присутствует, или председательствующему офицеру. Их оружие проверяется, и проводится предварительный фиктивный бой, частично для демонстрации мастерства и влияния на ставки, частично для практики. Затем мужчины возвращаются на свои места, звучит труба, и пара начинает настоящий бой. Иногда человек облачен в полные и тяжелые доспехи с головы до ног; иногда он легко вооружен половинчатым щитом и копьем; иногда у него при себе только острое трехзубое копье и сеть, в которую он пытается опутать полностью вооруженного врага. Помимо пеших боев, могут быть бои верхом или даже на колесницах, наиболее известных в то время в Британии. Чтобы подбодрить участников и придать сцене больше духа, во время боя раздаются звуки рогов и труб. Повсюду люди выкрикивают свои комментарии и советы; они аплодируют, заклинают и проклинают. "Подойдите к нему!", "Убейте его!" и тому подобное раздается со всех сторон. Человек падает, не мертвый, но искалеченный, и зрители кричат: "У него это есть". Он поднимает палец в знак поражения, но не издает ни крика. Будет ли он убит или нет? Ответ зависит от президента или "дарителя" выставки. Он оглядывается по сторонам, и если он видит, что подавляющее большинство поднимает вверх большой палец, и слышит, как они кричат: "Дайте ему сталь!" - человек обречен; если, напротив, машут носовыми платками, его жизнь спасена. Хороший бой или хороший послужной список могут спасти его от повторного боя в другой раз. Официальное вручение деревянного меча означало бы, что он пожизненно освобожден от необходимости дальнейших боев. Если кинжал врага должен быть приставлен к его горлу или если он был убит наповал, под серединой стены амфитеатра есть проход, через который тело за крюк втащат в морг. Следует еще один бой между другой парой — иногда между двумя сторонами, — и если арена становится слишком пропитанной кровью, ее разгребают и разбрасывают свежий песок.

Удивительно, с каким хладнокровием все это было осуществлено. Когда читаешь объявления, вывешенные в Помпеях, о том, что такого-то числа будет выставлено столько-то пар гладиаторов, что "будет охота на зверей" и что "будут установлены навесы и разбрызганы духи", поначалу трудно понять, что это означает на самом деле. К чести римлян — насколько они вообще этого заслуживают — следует отметить, что присутствие женщин на этих представлениях не поощрялось; что если они вообще появлялись, то только на верхнем ярусе, как можно дальше от арены; и, как ни странно, только шесть весталок, в силу их религиозных притязаний, могли быть поставлены на какое-либо почетное место. Они сидели на самом низком помосте, рядом со специальными креслами императора или президента и высших должностных лиц государства, но, вероятно, со стороны художника было бы клеветой изображать их в виде множества менад, жаждущих крови побежденных.

Единственной другой формой общественного развлечения, о которой, по-видимому, желательно упомянуть, было морское сражение, в котором море было представлено либо затоплением амфитеатра, либо постоянным озером, подобным тому, которое Август искусственно создал через Тибр. Происходящее полностью соответствовало реальности. Корабли таранили, топили, переворачивали и брали на бордаж, и, что касается людей, битва

могла быть такой же жестокой и кровопролитной, как любой другой вид гладиаторских состязаний.

ГЛАВА XVI

ЖЕНЩИНЫ: БРАК, РИМСКАЯ МАТРОНА И ЕЕ ПЛАТЬЕ

Мы предположим, что Силий женатый мужчина, а его жена - типичная римская дама, достойная его положения в жизни. Ее имя должно быть Марсия, или, если у нее их несколько, Марсия Сабина. Брак не дает ей имени ее мужа, и если ей потребуются дополнительная идентификация в связи с ним, она будет называться "Марсия Силия". Раньше у женщины было только одно имя, но уже сейчас практическое удобство и гордость происхождением объединились, чтобы сделать желательным, чтобы она носила второе, которое могло быть взято из семьи либо ее отца, либо ее матери. Таким образом, если у Силия и Марсии самих есть дочь, ее, в свою очередь, возможно, назовут Силия Басса, возможно, Силия Марсия.

Если теперь мы продолжим описывать положение Марсии в ее супружеских и семейных отношениях, говорить о ее образе жизни и предполагать ее вероятный характер, то следует понимать, что это описание отнюдь не обязательно подходило бы каждой римской матроне. Говорят, что женщины бесконечно разнообразны, и в этом отношении древний мир был в точности похож на современный. И далее следует иметь в виду не только то, что в римском обществе существовало несколько слоев и что городская жизнь сильно отличалась от сельской; существовала также реальная разница в юридическом положении жены в соответствии с условиями, на которых она решила вступить в законный брак. Другими словами, существовало две формы брака. Согласно старомодному стилю, жена переходила во власть мужа; ее юридическое положение — хотя, конечно, не ее домашнее положение — было таким же, как у его дочери. Когда-то у него даже было право предать ее смерти, но в наше время этой привилегии больше не существовало. Было достаточно того, что она подчинялась его власти. На этом посту она управляла домом и семьей, а часто и им самим. Насколько этот освященный веками стиль заключения брака все еще сохранялся среди низших классов римского общества, сказать невозможно; наша информация почти полностью ограничена высшими или, по крайней мере, более богатыми слоями общества. Однако вполне вероятно, что среди ремесленников и чернорабочих, где приданое жены не могло составлять ничего очень значительного, это более строгое супружество было правилом. Отец семейства был главой и лордом дома, в то время как мать семейства на практике занимала почти то же положение, что и в англосаксонских семьях два или три поколения назад.

Тем временем среди высших классов, но никоим образом не ограничиваясь ими по закону, альтернативная и более простая форма брака становилась все более популярной. Это был тот, который давал обеим сторонам наибольшую свободу, какую только мог разумно допустить супружеский союз. Женщина не переходила во власть мужчины, и, за исключением фактической неверности, она жила своей собственной жизнью по-своему, хотя, естественно, соблюдала определенный общепринятый этикет как партнерша в респектабельном римском браке. Если ни привязанность, ни моральные убеждения не могут сохранить гармонию или надлежащий образ действий, любая из сторон может официально расторгнуть контракт и, спустя короткий промежуток времени, искать лучшей доли в каком-нибудь другом месте. Конечно, необходимо было учитывать общественное мнение; существовало влияние семьи; существовала характерная для римлян гордость; часто существовала изрядная доля взаимного

уважения и даже привязанности; и были очевидные совместные интересы, которые обеспечивали стабильность; но помимо этих соображений не было ничего, что могло бы помешать склонностям как мужа, так и жены. И все же было бы серьезной ошибкой воображать, что раса благородных и добродетельных римских матрон — Корнелий, Валерий и Волюмний — вымерла, поскольку при Нероне жизнь была очень раскованной, а иногда и ужасающей; и столь же ошибочно предполагать, что Рим больше не производил своих благородных джентльменов, исполненных чувства своей ответственности перед семьей и государством. Сатирик не должен ни здесь, ни где-либо еще быть нашим главным, а тем более единственным проводником. Об Англии Карла II нельзя судить во всей ее полноте ни по комедиям того времени, ни по *Мемуарам* Граммона. Однако этого вопроса будет удобнее коснуться в более позднем параграфе. Лучше всего сначала разобраться с системой, сложившейся в *vogue*, а затем рассмотреть тип женщин, которых она породила.

Нельзя отрицать, что в то время, хотя брак считался нормальным и подобающим состоянием для мужчин и женщин, желавших выполнять свой долг перед государством, и хотя мудрые императоры делали все, что было в их силах, чтобы поощрять его, очень большая часть мужчин высших классов рассматривала его как бремя и досадное вмешательство в их свободу. Дело было не обязательно в том, что у них было какое-то желание быть порочными, да и брак не был бы большим препятствием для порока; дело было в том, что они хотели быть свободными. Причина их нежелания была той же, что иногда утверждается и сейчас — растущие требования женщин, их растущее нежелание нести естественные супружеские обязанности, их экстравагантные ожидания и невозможность существования двух хозяев в одном доме, претендующих на равную власть. Но хотя мы признаем, что любовь является возможным средством преодоления всех трудностей, у римлян не было традиции, согласно которой брак должен основываться на любви. У них это очень редко начиналось с любви или даже с прямого личного выбора, но в большинстве случаев было полностью *традиционным браком* и устраивалось для них как таковое. Современный писатель говорит нам, что даже после женитьбы правильное чувство, которое мужчина должен испытывать к своей жене, — это рациональное уважение, а не эмоциональная привязанность. Опыт показывает, что результат слишком часто был неудовлетворительным.

К сожалению, единственные сатиры или критические замечания на супружескую жизнь, дошедшие до нас, были написаны мужчинами; хотелось бы услышать, что сказали бы женщины, если бы женщина когда-либо была сатириком. В классической сатире почти всегда есть доля правды, но вопрос в том, "Насколько?" Ювенал принадлежит к более позднему поколению, чем поколение Нерона, но то, что он говорит, несомненно, в равной степени применимо и к той эпохе. Поэтому интересно отметить одно или два его возражения против современной женщины, рассматриваемой как жена. Во-первых, она слишком назойлива и даже деспотична. "Что это за безумие, — спрашивает он мужчину, к которому, как он полагает, обращается, — которое толкает вас жениться? Как ты можешь терпеть женщину-тирана, когда в мире так много хороших веревок, когда есть высокие окна, из которых можно выброситься, или когда мост совсем рядом?" "Почему тебя заставляют носить намордник?" "Зачем приводить в свой дом кого-то, кто, возможно, захлопнет дверь перед лицом старого друга, которого ты знаешь с тех пор, как он был мальчиком?" "Когда ты вызываешь ее неудовольствие, она плачет, потому что у нее всегда готовы пролиться слезы, но когда ты пытаешься помешать ей вызвать твое неудовольствие, она говорит тебе, что было решено, что у каждого должна быть свобода, и что она — человеческое существо". Он продолжает нападать на ее неверие, ее

экстравагантность, ее суеверия, ее болтливость и так далее. Давайте во что бы то ни стало отбросим его яростные нападки; тем не менее мы должны воспринимать их всего лишь как усиленный способ изложения обстоятельств, которые существовали реально и слишком часто и которые поощряли растущую тягу к холостяцкой жизни. Однако вскоре мы увидим совершенно иную картину семейных отношений, и будет справедливо предположить, что они также ни в коем случае не были чем-то необычным.

Римлянка с приличным приданым может рассчитывать выйти замуж в любом возрасте примерно от 13 до 18 лет. Итальянки с юга, как и греки, рано созревают. Законный возраст - 12 лет; с другой стороны, быть незамужней в 19 лет означало быть явно старой девицей. В северных провинциях империи зрелость наступила менее рано, тогда как к югу от Средиземноморья она наступила еще раньше. Законным возрастом для жениха был тот, по достижении которого его отец или опекун разрешал ему надеть "мужскую тогу" и выйти на Форум. Таким образом, теоретически римский юноша мог стать бенедиктом примерно в шестнадцать лет, а Нерон был только в этом возрасте, когда женился на своей первой жене Октавии. Однако, вообще говоря, если бы Марсии было всего 16 лет, Силиусу вряд ли было бы меньше 26 или 27.

Брак, как уже было сказано, обычно является делом договоренности между семьями, иногда осуществляемой их собственными членами, иногда заинтересованным другом или каким-либо другим посредником. "Ты просишь меня, - пишет Плиний Маврику, - присмотреть мужа для твоей племянницы. Не нужно далеко ходить, потому что я знаю человека, который, как может показаться, был предоставлен специально. Его зовут Миниций. У него хорошие связи, и он родом из Брешии, которая, как вы знаете, является хорошим старомодным местом, сохранившим простые и скромные манеры этой страны. Он человек активной энергии и занимал высокий государственный пост. С виду он джентльмен, хорошо сложенный, с приятным румяным цветом лица. У его отца достаточно средств, и хотя, возможно, ваша семья не слишком озабочена этим вопросом, мы должны помнить, что доход человека является одним из первых соображений не только с точки зрения нашей социальной системы, но и с точки зрения закона.

Полноценный и регулярный брак мог быть заключен только между свободными гражданами. Все остальные были в разной степени морганатичны, например брак с иностранцем или эмансипированной рабыней. Жена - не римлянка означала, что дети были не римлянами. Мужчина сенаторского звания не мог жениться на вольноотпущеннице, если он хотел, чтобы этот союз был признан; также полный брак не мог быть заключен с лицом, подвергающимся унижению, публично причиняемому властями, или униженным *ipso facto* определенными занятиями. По этой причине актриса на сцене "варьете" не могла стремиться стать даже признанной римской женой, не говоря уже о члене ордена, который более или менее соответствовал нашему званию пэров. Римлянин также не мог жениться на родственнице в пределах определенных запрещенных степеней. Фактически, он не мог жениться на женщине, на которой у него уже было так называемое "право на поцелуй".

Однако мы имеем дело с двумя лицами, не подлежащими исключению, а именно с Квинтом Силием Басом и Марцией Сабинной. Между этими сторонами был заключен брак, возможно, за несколько лет до того, как может состояться фактический брак, и хотя предполагаемая невеста - всего лишь десятилетний ребенок: даже будущий жених может быть всего лишь мальчиком. Когда посредник выполняет свою работу к удовлетворению обеих семей, проводится

церемония обручения, первоначальной целью которой, конечно, было морально обязать каждую сторону выполнять контракт, но к 64 году это может значить очень мало.

Теоретически римское право требовало согласия обоих участников; отец не мог абсолютно принудить сына или дочь выйти замуж за определенного человека, да и вообще за кого бы то ни было. Но, с другой стороны, согласно римскому праву, ни сыновья, ни дочери не были свободны действовать независимо от воли отца или владеть независимой собственностью до тех пор, пока отец жив или пока он не решит "эмансипироваться". Из этого естественно следует, что отцовское давление было главным фактором, определившим брак, и только те мужчины или женщины, чьи отцы были мертвы или которые были формально освобождены от опеки, были в состоянии полностью удовлетворять себя. Нам не нужно предполагать ни того, что сыновья всегда были очень сговорчивыми, ни того, что родители неизменно были своевольными и деспотичными, но очевидно, что браков, основанных на взаимном влечении, должно было быть крайне мало. Мы предположим, что Силий сам себе хозяин, в то время как у Марсии еще жив отец или опекун.

На церемонии обручения присутствуют друзья обоих домов, Силий и отец Марсии обмениваются обычными словами, мужчина дарит своей *невесте* кольцо, которое она носит на безымянном пальце левой руки, и он добавляет какой-то другой подарок, скорее всего, какую-то форму того драгоценного украшения, которое так необычайно любили и до сих пор любят римские женщины. Естественно, за этим следует пир.

Вы могли бы подумать, что это действие достаточно обязывающее, и, без сомнения, обязывающим оно было с моральной точки зрения, до тех пор, пока с обеих сторон было достаточно хорошее поведение, или до тех пор, пока ни Силий, ни отец Марсии не были готовы бессмысленно пренебречь общим мнением или оскорбить целую семью, просто изменив свое мнение. С другой стороны, не существовало никакого юридического принуждения к выполнению контракта. Римский мир ничего не знал о действиях за нарушение обещания. Если какая-либо из сторон решила расторгнуть помолвку, они были вольны это сделать. В этом случае им было сказано "отправить обратно отказ" или "направить встречное уведомление". Семейный спор, тень подозрения, изменение обстоятельств и даже улучшение перспектив могут быть достаточным оправданием или вообще не нуждаться в оправдании.

Однако в данном случае между домом Силия на Целийском холме и домом Марция на Авентинском холме не было такого уродливого послания, свадьба состоялась должным образом. Этого не будет ни в мае, ни в начале марта, ни в июне, ни в некоторые другие даты, которые по причинам, в основном давно забытым, считались неблагоприятными. Это общественная церемония, и ни государство, ни священник не будут иметь никакого отношения к ее санкционированию или благословению. Колонны по бокам вестибюлей обоих домов увиты листьями и ветками, и друзья и клиенты обеих семей в праздничном порядке направляются в дом невесты. Если Марсия очень молода, она взяла свои игрушки — кукол и тому подобное — и посвятила их домашним богам в знак того, что теперь она отбрасывает детские шалости и посвящает себя серьезным жизненным задачам. Затем она была тщательно одета по этому случаю. Ее волосы, независимо от того, носила ли она их раньше или может носить после, на сегодняшний день заплетены в шесть косичек, которые скручены в спираль на макушке. В качестве начального обряда волосы расчесываются с помощью инструмента, напоминающего копье, — пережиток тех времен, когда невеста была военным трофеем, и когда ее длинные

локоны действительно разделялись настоящим копьем в знак ее подчинения. Вокруг этой прически венчается свадебный венок, сделанный из цветов, которые она, должно быть, собрала собственными руками, а на голову наброшена вуаль — точнее, ткань — из какого-то оранжево-желтого или "огненного цвета" материала, который, однако, не скрывает ее лица, как греческая или восточная вуаль. На ногах у нее низкие желтые туфли. Тем временем прибывает жених в сопровождении своих друзей, и на нем тоже праздничная гирлянда. Как и во всех других важных начинаниях римской жизни, здесь будет присутствовать профессиональный провидец, который позаботится о том, чтобы предзнаменования были благоприятными. Особые знамения, крайне неблагоприятное поведение природы, очень странный вид внутренностей приносимой в жертву жертвы — это предзнаменования, которые ни один должным образом образованный римлянин не может позволить себе игнорировать. Поскольку обстоятельства благоприятны — и есть основания полагать, что никто не настаивал чрезмерно на их неблагоприятных аспектах, — невесту ведут в зал для приемов, где подписывается и скрепляется печатью брачный контракт. То, что за ней должно быть приданое, и немалое, само собой разумеется. В некоторых случаях она фактически возлагается на мужа, который, по сути, ею приобретает; но в большинстве случаев она доступна для его использования только до тех пор, пока брак остается неразрывным. В остальном имущество жены принадлежит и остается ее собственностью. Ее опекуном по-прежнему является ее отец, а не муж: ее юридическая связь по-прежнему связана с ее собственной семьей, а не с его. Она Марсия, а не Силия. Если брак будет расторгнут, по крайней мере, без достаточной очевидной провокации с ее стороны, ее отец позаботится о том, чтобы ее приданое было возвращено. К таким условиям стороны прикрепляют свои имена и печати, а определенное количество друзей ставят свои подписи в качестве свидетелей.

После этого одна из присутствующих замужних женщин помоложе берет невесту и подводит ее к Силиусу, который держит ее правую руку в своей. Оба повторяют предписанную формулу слов, и вся присутствующая компания восклицает: "Удачи вам!" — и предлагает такие другие поздравления, какие кажутся уместными. Свадебный ужин проводится, как правило, но не обязательно, в доме невесты, и свадебный торт, который подается с лавровыми листьями, разрезается и делится между гостями. Сейчас вечер, и формируется процессия, чтобы доставить Марсию домой, в дом Силия. Впереди будут маршировать факелоносцы и то, что мы должны были бы назвать "оркестром", состоящим в данных обстоятельствах из нескольких человек, играющих на флажолетах. Силиус делает вид, что увозит Марсию силой — еще одна практика, напоминающая о древних временах, когда мужчины завоевывали своих невест методами, подобными методам австралийского аборигена с его ватником. И жених, и невеста — важные персоны, и вдоль улиц много украшений; многие окна и дверные проемы заполнены зрителями; крики, не всегда самые сдержанные, раздаются со всех сторон, и громче всего звучит обычная *Ио Таласса* — что бы это могло значить, ибо никто сейчас не знает, и почти наверняка никто не знал тогда. Посреди процессии Марсию, за которой следуют два хорошеньких мальчика с веретеном и прялкой, а третий несет факел; Силий тем временем разбрасывает по толпе орехи или *конфетти*, сделанные в их подобию. Прибыв на Целиан, невесту снова хватают и переносят через порог; когда она оказывается в зале, Силий дарит ей огонь и воду в знак ее участия в домашнем хозяйстве и его имуществе; и она возносит молитвы различным старомодным богиням, которые, как предполагается, руководят супружескую жизнь.

Если мы с некоторой конкретностью описали ортодоксальный порядок проведения модной свадьбы, то снова следует помнить, что не все свадьбы были модными, и что та или иная из этих деталей может быть опущена, поскольку того требуют вкус или обстоятельства. Среди более бедных людей, должно быть, часто вообще не было практически никакой церемонии, кроме "возвращения домой". И если есть определенные предметы, которые кажутся нам тривиальными и бессмысленными, то, вероятно, именно незнание порождает наше презрение. Возможно, далекое поколение задастся вопросом, как цивилизованные люди в двадцатом веке могли выделять абсурдные выходки с рисом и тапочками.

Марсия теперь стала так называемой "матроной". Ее положение гораздо более свободное, чем оно когда-либо могло быть в Греции или на Востоке, действительно более свободное, чем это было бы в любой цивилизованной стране в настоящее время. Римляне во все времена ставили матрону в положение, исполненное достоинства и ответственности, и теперь к этому добавляется величайшая свобода действий. Ее муж публично приветствует ее как "мадам". Поскольку он сенатор, а таких мужчин начинает входить в моду называть "Самыми прославленными", она также носит этот титул в вежливом обращении к себе. Она не ограничена какой-либо определенной частью дома и, в рамках приличия, не исключена из мужского общества. Она хозяйка заведения, контролирующая не только рабынь, но и мужчин, поскольку они заняты работой по дому. У нее хранятся ключи от кладовых. По крайней мере, теоретически она обучена всем искусствам экономки и досконально разбирается в ведении домашнего хозяйства, а также в ткачестве и прядении, которыми должны заниматься ее служанки. Достоинства жены, суммированные в эпитафиях среднего класса, заключаются в том, что она "хороший советник, хороший менеджер и хорошая работница по производству шерсти". Она гуляет пешком или ее возят за границу по своему усмотрению, посещает публичные игры в цирке и ходит со своим мужем на званые обеды, где она откидывается за едой точно так же, как и он. Когда срок ее опеки истечет, она может подавать иски в суд или выступать в качестве свидетеля или поручителя. Ее имущество находится в ее собственном распоряжении, и она дает указания своему агенту или адвокату. Необходимо только, чтобы она защищала честь своего мужа. Пока он доверяет ей, он не будет вмешиваться. Только очень деспотичная супруга будет настаивать на том, чтобы занавески в ее носилках или портшезе были задернуты, когда она находится на улице. Мы предположим, что Марсия - леди, обладающая истинно римским самоуважением и достоинством, и что Силий и она живут в разумной гармонии.

Но хотя таких Марсий было много, были и другие женщины с совсем другим характером. Есть, например, Флавия, которая совершенно помешана на "мужских" видах спорта и практикует всевозможные атлетические упражнения, борьбу и фехтование, как любой мужчина, и, возможно, увлекается и практически убегает с каким-нибудь мускулистым, но отвратительным гладиатором. Она также откровенно предается смешанному купанию. Есть Домиция, которая слишком любит прогуливаться по колоннадам и храмам, где *cavalierie servente*, якобы ее деловой человек — хотя он на это и не похож — регулярно можно увидеть с ее зонтиком. Находясь дома, она пренебрегает своей одеждой и намазывает лицо тестом, чтобы разгладить морщины, чтобы дать возможность кому угодно, кроме своей семьи, насладиться своей красотой. Есть разорительно экстравагантная Поллия, чья страсть к драгоценностям и изысканной одежде загоняет ее по уши в долги, за которые, к счастью, ее муж ответственности не несет. Есть Канидия, которую проницательно подозревают в отравлении более чем одного мужа и которая либо развелась, либо была разведена таким количеством людей, что за пять лет у нее их было восемь, и датирует события по ним, а не как обычно по консульствам: "Дай-ка подумать. Это

было в тот год, когда я был женат на Такой-То". Есть Асиния, чей эгоизм настолько велик, а ее привязанность настолько легкомысленна, что она будет плакать из-за воробья и "позволит своему мужу умереть, чтобы спасти жизнь своей комнатной собачке". Все эти женщины, скорее всего, бездетны, и многим знатным римским домам грозит вымирание.

Опять же, есть и другие, чьи слабости более невинны. Бебия, например, просто жертва суеверия. Она постоянно консультируется с астрологами, ведьмами и предсказателями снов; она предана мистическому поклонению египетской Исиде с ее тайными ритуалами очищения или она приверженка пагубных представлений евреев. Она слишком сильно находится под влиянием какого-нибудь убогого азиата, который носит свою коробейную корзину или чье дело - покупать битое стекло для серных спичек, В то время как Кореллия - синий чулок, ничем не лучше *префекта* в *салоне*. Как только вы садитесь за стол, она начинает цитировать Гомера и Вергилия и сравнивать их достоинства. Она ведет оживленную беседу как на греческом, так и на латыни, и ее язык звучит громко и непрерывно, как колокол или гонг. Ее бедному мужу никогда не разрешается позволять себе выражения, не соответствующие строгой грамматике. Хуже того, она вероятно, даже пишет собственные маленькие стихотворения. Она может держать ручного преподавателя философии, но без зазрения совести прерывает его урок морали, пока пишет небольшую брошюру. Помпония - амбициозная женщина, чья мания состоит в том, чтобы вмешиваться в выборы, применяя к сенаторам то, что в последнее время называют влиянием "герцогинь". Если ее муж станет губернатором провинции, она будет стремиться стать силой, стоящей за тронem, и ее вмешательство в любом случае окажется вредным для строгого отправления правосудия.

Средством правовой защиты в таких случаях был развод. В низших слоях общества умеренное личное наказание было вполне законным и, вероятно, не редкостью; но тогда в этих низших слоях развод ни в коем случае не был таким удобным. Среди высших классов его распространенность едва ли была предметом внимания. Ничего подобного не видели до современной Америки. Не было необходимости обращаться в суды или в постановление *ниси*; не было даже необходимости в конкретном заявлении о признании вины, хотя, естественно, оно было бы предложено в большинстве случаев. Муж или жена (или отец жены, если таковой у нее был) могли прислать официальное и засвидетельствованное уведомление о расторжении брака, или, как это называлось, "разрыве брачных уз". Мужчине нужно было только сделать этот шаг и сказать с должным обдумыванием: "Забирай свою собственность" — или, как выразился сатирик, "собирай свои пожитки" — "отдавай ключи и проваливай". Женщине со своей стороны нужно только дать аналогичное уведомление и "откланяться". Единственный сдерживающий фактор заключался в семейных соображениях, в общественном мнении, которое было чрезвычайно снисходительным, в финансовых удобствах или в возможности того, что особо распутное поведение будет настолько неодобрительно воспринято в высших кругах, что сенатор или рыцарь, возможно, обнаружит, что его имя отсутствует в списке его ордена при следующем пересмотре.

Оказалось необходимым осветить эту темную сторону социальной картины, поскольку, хотя она, конечно, и не была столь мрачной, как можно было бы предположить у моралистов, она была достаточно мрачной. По очевидным причинам желательно не вдаваться в подробности. Возможно, более выгодно, а также освежающе рассмотреть более яркую сторону. То, что там были благородные женщины и хорошие жены, и что пена, отбросы праздной городской жизни не составляли существования современного римского мира, можно увидеть из отрывков,

подобных нижеследующим, которые либо процитированы, либо сокращены из письма Плиния, касающегося дамы по имени Аррия. События относятся ко времени правления предшественника Нерона Клавдия. Плиний пишет: "Ее муж, Цецина Паэт, был болен; так же как и ее сын; и ожидалось, что оба умрут. Сын, чрезвычайно красивый и скромный юноша, скончался. Его мать организовала его похороны и провела их, а мужа тем временем держали в неведении. Более того, каждый раз, когда она входила в его комнату, она делала вид, что сын жив и ему лучше, и очень часто, когда он спрашивал, как дела у мальчика, она отвечала: "Он хорошо выпался и показал хороший аппетит". Затем, когда слез, которые она так долго сдерживала, становилось слишком много для нее, она уходила из комнаты и предавалась горю. Когда, наконец, она вытерла глаза и взяла себя в руки, то вернулась в комнату. Когда ее муж принял участие в готовящемся восстании против Клавдия, его должны были перевезти в качестве пленника через Адриатическое море в Рим. Он уже собирался садиться на борт, когда Аррия умоляла солдат взять ее с ним на борт. "Я полагаю, - сказала она, - вы имеете в виду позволить бывшему консулу нанять нескольких слуг, чтобы они давали ему еду и одевали его одежду и обувь. Я сделаю все это сама". Получив отказ в ее просьбе, "она наняла рыболовную лодку и последовала за большим судном на этом крошечном ". Когда Клавдий приказал мужу покончить с собой, Аррия взяла кинжал, вонзила себе в грудь, вытащила оружие и протянула ему со словами: "Паэт, это не больно. Больно именно от того, что ты собираешься сделать".

Аррия, несомненно, относится к редкому типу героинь. Но у того же писателя есть описание и тихой домашней жены. К сожалению, это письмо - одно из самых педантичных из всех довольно самодовольных посланий, написанных этим вполне респектабельным и достойным уважения человеком; но этот факт ничего не меняет в той информации, которую мы ищем. Плиний пишет тете своей собственной жены. "Вы будете очень рады узнать, что Кальпурния становится достойной своего отца, вас самих и своего деда. У нее замечательное чутье и она превосходная хозяйка; она любит меня, что хорошо говорит о ее характере. Благодаря своей привязанности ко мне у нее также развился вкус к литературе. У нее есть мои книги, и она постоянно их читает; она даже выучивает их наизусть. Когда я должен произносить речь в суде, она вся в тревоге; когда я ее произношу, она вся в радости. Она рассылает посыльных, чтобы сообщить ей, какой эффект я произвожу, какие аплодисменты получаю и какого результата добился. Если я читаю, она сидит в соседней комнате за занавеской и жадно выслушивает комплименты в мой адрес. Она даже кладет мои стихи на музыку и поет их под аккомпанемент арфы, причем учить ее может не профессионал, а только любовь, которая является лучшим из мастеров. Поэтому у меня есть все основания надеяться, что наша гармония не только продлится, но и будет крепнуть с каждым днем".

И все это время, находясь вдали от дома, добрая мать-марсианка или сабинянка являет собой настоящий образец домашней порядочности и дисциплины. Если у нее есть служанки, она учит их работать на кухне или за ткацким станком; если у нее их нет, она воспитывает своих старших дочерей в духе скромности, бережливости и послушания богам; а ее высокие сыновья свято повинуются ей, когда она отправляет их колоть дрова под дождем и холодом на склоне горы.

Одна из тем, вызывающих постоянный интерес у женщин, - это одежда и внешний вид. Римлянка решительно придерживалась культа красоты и личных украшений. Возможно, первая молитва, которую мать возносила за ожидаемую дочь, заключалась в том, чтобы она была красивой. Независимо от того, оказалась она красивой или нет, были приложены все усилия, чтобы исправить или дополнить работу природы. Это правда, что мода, за исключением

прически, не претерпела ни одной из тех быстрых и поразительных перемен, которые ставят в тупик современных неискушенных мужчин. Прежде всего, не было шляп. Но все, что золото и драгоценности, цвета — синий, зеленый, желтый, фиолетовый - и разнообразные ткани — шерстяные, льняные, муслиновые и шелковые - могли пригодиться для изготовления одежды, было изготовлено каждой типичной состоятельной женщиной; и все средства для улучшения цвета лица, зубов, волос, роста и фигуры — которые, кстати, никогда не стремились к осиной талии — использовались в полной мере. Нам не нужно слишком вдаваться в подробности. Будет достаточно описать обычную одежду и обычные методы украшения.

[Иллюстрация: РИС. 91.—СЦЕНА В ТУАЛЕТЕ. (Настенная роспись.)]

Обычная домашняя одежда состояла, во-первых, из внутренней туники, короткой и без рукавов, с лентой, проходящей над грудью или под ней, чтобы создать нечто напоминающее то, что называется фигурой в стиле ампир; во-вторых, из верхней туники из льна или полушелка, реже из цельного шелка, которая ниспадала до ног. Верхняя туника застегивалась на плечах брошами; у нее были рукава, закрывающие предплечья, и, у взрослых, но не у юных девушек, волан или меховой пояс по низу. Пояс образовывал складку под грудью. Одевание обычно было белым, но могло быть окаймлено цветной бахромой и вышивкой; для дам сенаторского ранга оно имело широкую полосу, расшитую пурпуром или золотом. На ногах часто носили сандалии, но для выхода на улицы заменяли мягкой обувью из белой, цветной или позолоченной кожи, иногда усыпанной жемчугом или другими драгоценными камнями.

[Иллюстрация: рис. 92. — ЖЕНЩИНА В ПАРАДНОМ ПЛАТЬЕ.]

Когда дама выходила из дома, она набрасывала поверх домашнего платья большую мантию или шаль, очень похожую на мужскую тогу, за исключением того, что ее цвет, по-видимому, был таким, какой ей нравился. Это изделие было перекинуто через левое плечо и под правую руку, которая осталась свободной; затем оно изящными складками ниспадало к ногам. Произведения искусства показывают, что складки шали часто накладывались на макушку и затылок, для чего еще не было введено не менее подходящее покрытие.

[Иллюстрация: РИС.93.-ШПИЛЬКИ ДЛЯ ВОЛОС.]

Одна только прическа была подвержена бесчисленным капризам либо моды, либо индивидуального вкуса. Прическа могла быть с пробором или без пробора; ее можно было заплетать через голову и закреплять украшенными драгоценными камнями черепашьими гребнями или булавками из слоновой кости, серебра или бронзы с украшенными драгоценными камнями головками, такими же разнообразными и декоративными, как современные шляпные булавки; ее можно было носить сзади и завязывать узлом на шее, где она перевязывалась лентами; ее можно было сложить в огромную пирамиду или "многоэтажные башни", так что спереди женщина часто казалась высокой, а сзади - совсем другим человеком; ее можно было завернуть в цветную ткань или в сетку из золотых нитей, которую бедняки заменяли мочевым пузырем. Но во всех случаях предпочиталось, чтобы волосы были волнистыми, и этим занимался специальный *парикмахер*, состоявший среди рабынь. Ни у одной служанки не было более тяжелой или неблагодарной задачи, чем у утомительницы, которая наращивала и застегивала непослушные локоны, пока хозяйка созерцала результат в своем бронзовом или серебряном зеркале. Не существовало никаких правил для обращения женщины с собой в этом отношении. "Обратитесь к своему зеркалу", - советует поэт Овидий, который безнадежно

потерял счет фасонам, поскольку их было "больше, чем листьев на дубе или пчел на Гибле". К парадному платью прилагалась корональ или тиара, состоящая из золотой ленты с драгоценными камнями.

Но кто осмелится говорить о драгоценностях, которые украшали римскую матрону *en grande tenue*— о жемчужинах и подвесных серьгах, ожерельях из жемчуга и бриллиантов, золотых браслетах-змеях с изумрудными глазами, браслетах и кольцах на пальцах, брошах и пряжках на плечах и рукавах, драгоценных камнях, рассыпанных по волосам, цепочках и шатленах, увешанных всевозможными сверкающими изделиями? Говорит человек, живший в то время: "Я видел Лоллию Паулину, усыпанную изумрудами и жемчугом, сверкающими по всей ее голове, волосам, ушам, шее и пальцам на сумму более 300 000 фунтов стерлингов". Если Рим - вечный город, то он вечен в этом отношении, по крайней мере, так же, как и в любом другом.

Кто, еще более смелый, полезет в ее прибор для украшения ее лица, исследуя ее пластырь и невинные маленькие баночки с румянами, киноварью и свинцовыми белилами для цвета лица и сажей для втирания под глазами? Кто станет слишком пристально разглядывать нежную синеву, оттеняющую ее виски? Кто осмелится усомниться в том, росли ли эти желтые волосы самого одобренного оттенка, которые в то время лучше всего встречались в Германии, там, где вы их нашли, или пришли из какой-нибудь головы по ту сторону Рейна? Кто осмелится спросить, сохранило ли ее гладкую кожу то, что прошлой ночью она надела маску из муки, которую сегодня утром смыла ослиным молоком? Петроний, действительно, говорит, что "леди достает свои брови из маленькой коробочки", и, вероятно, Петроний знал. Для ее искусственных зубов есть очевидное и разумное оправдание, и ей не вупрекнут, если, как сказал поэт, "она откладывает зубы на ночь, точно так же, как стирает шелка". Возможно, она слишком сильно пахнет собой, но есть много римских мужчин, которые так же плохи.

Теперь она готова ко всем непредвиденным обстоятельствам, и мы можем оставить ее сидеть в своем кресле с высокой спинкой, обмахиваясь в одной руке веером из павлиньих перьев или из тонкого дерева, покрытого сусальным золотом, а в другой держа шарик из янтаря или стекла, чтобы руки оставались прохладными и сухими.

ГЛАВА XVII

ДЕТИ И ОБРАЗОВАНИЕ

В отличие от слишком многих пар того же класса, Силиусу и Марсии повезло иметь детей. Мы предположим, что их двое: мальчик, полное имя которого будет Публий Силий Басс, и девочка, которую назовут Силия Басса. Возможно, следует сожалеть, что нет третьего, поскольку в этом случае отец в полной мере пользовался бы определенными привилегиями, предоставленными законом родителям, которые до сих пор выполняют свой долг перед государством. Как бы то ни было, при обычном порядке вещей он получит предпочтение перед бездетными мужчинами, когда дело дойдет до выдвижения кандидатуры на государственную должность или назначения губернатором. Снижение рождаемости стало настолько поразительным после заката республики, что первый император Август решил, что необходимо, с одной стороны, наказывать лиц, которые оставались неженатыми или бездетными, а с другой - предоставлять фиксированные льготы всем, кто был родителями троих детей. Холостяк не мог, например, получить наследство ни от кого, кроме ближайшего родственника; женатый мужчина без детей мог получить только половину такого наследства; мужчина с тремя детьми мог не только

пользоваться своим наследством в полном объеме, но и мог получить доли, конфискованные любым холостяком или бездетным наследодателем, фигурировавшим в том же завещании. Не похоже, чтобы закон произвел какой-либо большой эффект, и, чтобы сделать его еще более бесполезным, более поздние императоры начали даровать так называемую "привилегию трех детей" лицам, у которых на самом деле было либо меньше детей, либо их вообще не было.

Теоретически власть отца над детьми почти абсолютна. Даже когда сын вырос и женился, он по закону принадлежит своему отцу; как и все его предполагаемое имущество. То же самое происходит и с дочерью, если только она не становится Девственной весталкой или не выходит замуж в соответствии с более строгим из двух уже описанных видов супружества. В прежние времена Рима отец мог предать своих детей смерти, и иногда так и делал, если хотел. Хотя слишком свободное проявление столь крайней власти больше не признавалось, все еще было вполне законно избавиться от ребенка, который был сильно деформирован. Сенека говорит самым будничным тоном: "Мы топим наших чудовищ". Также было вполне законно разоблачить ребенка и оставить его либо погибать, либо быть подобранным тем, кто пожелает. В большинстве таких случаев, несомненно, ребенок становился рабом нашедшего. Это было допустимо не только в Риме и в романизированной части империи; это была частая практика по всей Греции или Восточной части. Опять же, отец может продать своего ребенка в рабство, особенно за постоянное непослушание. Все эти действия родитель мог бы совершать по закону; но чрезвычайно трудно выяснить, насколько они были осуществлены на самом деле, поскольку наша информация в этом отношении едва ли касается низших классов, в то время как среди высших классов, естественно, было гораздо меньше соблазнов избавиться от бремени содержания такого небольшого числа детей, какое рождается в большинстве семей. В целом представляется крайне маловероятным, чтобы в истинно римской части империи имели место какие-либо значительные разрушения младенческой жизни или обнажение младенцев. Из этого не следует, что, поскольку строгий закон не запрещает вам что-либо делать, вы, следовательно, сделаете это вопреки общественному неодобрению и всем побуждениям естественной привязанности. В своих семейных отношениях древние римляне обладали по меньшей мере таким же естественным чувством, какое обычно проявляется в наше время. Дело в том, что в вопросах права римляне были в высшей степени консервативны; они оставляли все возможное на усмотрение молчаливого воздействия общественного мнения. В древнейшие времена в семье существовала патриархальная система, и новое римское законодательство вмешивалось в родительскую власть лишь постольку, поскольку опыт громко требовал такого вмешательства. Не могло быть слишком явного злоупотребления властью со стороны отца, и, поскольку дисциплина в семье считалась необходимой для дисциплины государства, закон всегда не желал каким-либо образом ослаблять власть такой семейной дисциплины. Таким образом, сохранялась строго законная власть отца, в то время как ее злоупотребление ограничивалось риском, если не уверенностью, что это вызовет как общественное, так и частное порицание.

Тем не менее, возвращаясь к тому, что требовало такого объяснения, следует сказать, что Силий вполне во власти разоблачить или продать маленького Публия или маленькую Силию. Но для человека в его положении подобный поступок навлек бы на себя презрение всего римского общества; и, помимо прочих унижений, почти несомненно, его имя было бы вычеркнуто из списка сенаторов. Более того, Сила, хотя и язычник, все же человек, и его привязанность к своим детям, несомненно, была бы не менее теплой, чем у среднестатистического современного христианина.

Сразу после рождения проводится небольшая церемония. Младенца приносят и кладут на очаг или пол перед домашними богами, чтобы отец мог осмотреть его. Как уже было сказано, если это чудовище, он может приказать покончить с ним. В противном случае у него все еще есть возможность либо признать младенца, либо отказаться иметь с ним что-либо общее. Акт признания состоит в том, чтобы наклониться и поднять ребенка с земли. По этой причине выражение, используемое для признания и обязательства воспитывать ребенка, было "поднять" или "взять на руки". В нашем случае маленьких сына и дочь, конечно, не только взяли на руки, но и приветствовали как юные надежды гордого дома Силии Басси.

На девятый день, если рождается мальчик, или на восьмой, если рождается девочка, ребенку дают имя после определенных церемоний очищения. Весь процесс во многом напоминает крещение, за исключением того, что здесь нет призыва на церковные службы. Родственники и друзья собираются в зале, каждый приносит свой подарок, и даже рабы делают свои маленькие недорогие подношения. Подарки представляют собой в основном маленькие безделушки из золота, серебра и слоновой кости - кольца, миниатюрные ручки, топоры, мечи или полумесяцы, — которые следует повесить на грудь ребенка. Первоначальным назначением всех этих предметов было действовать как талисманы против порчи ребенка злыми силами или, более определенно, от "дурного глаза", того пагубного влияния, которое до сих пор беспокоит так много добрых итальянцев, как невежественных, так и образованных. С тем же намерением отец вешает ребенку на шею определенный предмет, который он будет носить до совершеннолетия. Если бы несколько лет спустя вы встретили мальчика Публия на римских улицах, вы бы обнаружили у него круглый золотой футляр или медальон диаметром около двух дюймов, напоминающий современные часы в корпусе. Внутри заперт его защитный амулет. Когда ему исполнится шестнадцать и он наденет мужскую тогу, его амулет будет отложен в сторону. В случае с маленькой Силией его будут носить до тех пор, пока она не выйдет замуж. Более бедные люди, для которых золото слишком дорого, будут класть амулет в кожаный футляр.

Присвоение имени завершено, ребенок зарегистрирован. Римляне были адептами в искусстве использования религиозной или суеверной практики в государственных целях, и развитие системы регистрации рождений и смертей - лишь один из примеров. В более древние времена существовал обычай послучаю рождения наносить визит в святилище "Юноны, Богини Рождения", и оставлять мелкую монету в качестве подношения. Государству легко превратить уже установившийся общий обычай в правило; и в наше время это святилище Юноны превратилось практически в регистрационную контору, где платилась небольшая пошлина и имя ребенка вносили в списки.

Нам нет необходимости подробно описывать младенчество мальчика или девочки до седьмого года. Древний мир был очень похож на современный. Достаточно взглянуть на них, скрежещущих зубами о зубы волков или лошадей, качающихся в украшенных золотом и пурпуром колыбелях или бегающих вокруг и зовущих своих родителей освященными веками *мама, тата*— словами, если мы можем назвать их словами, которые исходили из этих маленьких римских ртов точно так же, как они исходили с незапамятных времен из многих других. Их сиделка-рабыня, которая является гречанкой и говорит с ними по-гречески, рассказывает им бабушкины сказки и басни. Они играют с погремушками, мячиками и маленькими тележками, с ручными птичками и обезьянками, а девочка - с куклами из слоновой кости, воска или раскрашенной терракоты. У них есть качели, они катаются на палках и строят

домики. Когда мальчик подрастет, у него будут волчки и обручи, с колокольчиками или без, и он будет играть в шарики с орехами. Тем временем предпринимаются попытки, отчасти по образцу детского сада, научить их алфавиту с помощью букв, вырезанных из дерева или слоновой кости. Независимо от того, является ли это современным методом привлечения детей к обучению в детском саду, предлагая им сахарные сливы, этот курс часто применялся как в Греции, так и в Риме.

В целом жизнь ребенка, хотя и строго регламентированная, по-видимому, была достаточно приятной до тех пор, пока не начались школьные будни. Хотя многие дети обучались дома у более или менее образованного раба, выступавшего в качестве частного репетитора, подавляющее большинство, по крайней мере мальчиков, были отправлены в школу. В то время не существовало обязательного образования; государство ничего не диктовало и не предоставляло в связи с этим вопросом; многие дети, должно быть, вообще не получали образования, а многие получали лишь самые элементарные элементы. Тем не менее среднестатистический родитель осознал практическую полезность, по крайней мере, чтения, письма и простой арифметики, и школы начального типа возникли в соответствии с этим спросом. О том, каким было высшее образование, будет рассказано в своем месте.

Идеальным образованием, как его понимали в древнем Риме, было обучение, которое должно подготовить человека к выполнению его долга перед богами, государством и семьей. Это была прежде всего моральная и практическая подготовка. У человека есть определенные домашние, политические и религиозные функции, которые он должен выполнять: пусть он научится наилучшим образом выполнять их. При такой системе было мало места для достижений или чисто интеллектуальных занятий. Однако мало-помалу такие либеральные элементы, художественные и философские, пробивались в сферу римского образования, но никогда в той степени и с тем интеллектуальным эффектом, которые были присущи им в Греции. Даже к 64 году н.э. образование римского мальчика было очень ограниченным, и в том направлении, в котором оно стремилось к некоторой либеральности, оно часто печально сбивалось с пути. Самым ясным для нас будет провести молодого Публия Силия по типичному для того времени курсу. Мы предположим, что он не получает все уроки дома, но что из-за старомодных предпочтений со стороны своего отца он ходит в школу вместе с мальчиками, которые в основном, но не обязательно, занимают такое же социальное положение, как он сам.

К сожалению, у нас почти нет информации ни о какой социальной классификации школ, ни об их размере. Все, что мы знаем, это то, что в некоторых школах преподавал полностью один человек, в то время как в других работал младший учитель или несколько человек. В некоторых случаях школа является полностью частным предприятием, учитель взимает ежемесячную плату — в начальных школах она составляет пенни или два пенса в неделю — вместе с небольшими денежными подарками на определенные фестивали. Более избранные учебные заведения, естественно, брали больше. Вероятно, большинство школ в Риме и более крупных городах были частными. В других случаях несколько родителей в небольшом городке объединялись в клуб и выделяли достаточно денег, чтобы обеспечить зарплату школьного учителя для своих детей. В третьих, какой-нибудь благотворитель, как правило, богатый местный магнат, пожертвовал или завещал благотворительный фонд, из которого полностью или частично финансировалась школа. Несколько позднее Плиний пишет письмо, из которого ниже приводится отрывок, интересный в этой связи. "Когда я недавно был в своей родной части страны (то есть в Комо), мальчик — сын моего земляка — пришел засвидетельствовать свое

почтение. Я спросил: "Ты в школе?" "Да", - ответил он. "Где?" - "В Милане". "А почему не здесь?" На это его отец ответил: "Потому что у нас здесь нет учителей". - А почему у тебя их нет? Для любого из вас, кто является отцами, имеет величайшее значение — и так случилось, что несколько отцов слушали, — чтобы ваши дети обучались здесь, а не где-либо еще Как это мало - собрать деньги, нанять учителей и прибавить к их зарплате сумму, которую вы сейчас тратите на жилье, дорожные расходы и предметы, которые всегда нужно покупать, когда находишься вдали от дома ". После чего он сам предлагает внести треть от той суммы, которую соберут родители. Он не верит в отдачу всего целиком, потому что опыт научил его, что пожертвованиями такого рода обычно злоупотребляют. Родители сами должны сохранять заинтересованность в предотвращении коррупции; и это будет иметь место до тех пор, пока они сами платят свою долю. Однако в данном случае нам следует думать скорее о средней школе или факультете риторики, чем о начальной школе. В Комо не было бы недостатка в начальной школе, и родители не отправили бы совсем маленьких детей жить в Милан. От настоящих школ-интернатов не осталось и следа.

В какую бы школу ни пошел Публий, его будет сопровождать степенный раб, как правило, пожилой и также, как правило, грек, которого вы можете называть его "опекуном", или "губернатором", или "наставником", в зависимости от вашего воображения. Функция этого достойного человека состоит в том, чтобы следить за моралью и поведением мальчика на улице, а также следить за его манерами дома. Публий не освободится от этого инкуба до того дня, когда наденет тогу взрослого; и он должен быть готов принять, по крайней мере в юности, не только нагоняй, но и телесные наказания с его стороны. В более бедных семьях мать поправляла своих детей тапочкой. "Опекун" Публия, тем не менее, является рабом и будет нести за молодого господина учебники и школьные принадлежности, в то время как сыновья более бедных родителей маршируют, более свободные и счастливые, со своими дощечками и письменными принадлежностями, перекинутыми через левую руку. Когда в Новом Завете нам говорят, что "Закон был нашим школьным учителем у Христа", употребленное слово вовсе не означает школьного учителя. Это означает раба, который держит ученика в рамках благотворной дисциплины до тех пор, пока тот не попадет к школьному учителю, и который наблюдает за его поведением до достижения им совершеннолетия.

[Иллюстрация: РИС. 94.—ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.]

Школьный возраст обычно начинается в семь лет для начальной ступени, которая обычно включает в себя письмо, чтение и арифметику. Первые уроки письма проводятся на восковых табличках, которые соответствуют нашей грифельной доске. Для школьных целей они представляют собой плоские куски дерева с бортиком, их поверхность покрыта тонким слоем воска. Ученик берет "стиль", или металлический стилет, заостренный с одного конца и плоский с другого; острием он царапает, или "пашет", как называли эторимляне, надписи на воске; другим концом он разглаживает воск и таким образом делает необходимые подчистки, когда хочет исправить слово или "почистить свою дощечку".

Его первые попытки, вероятно, будут заключаться либо в том, чтобы прорисовывать буквы по трафарету, либо в том, чтобы формировать их по копии под руководством мастера. Затем он напишет серию слов — старым добрым методом из тетради с использованием старых добрых правил из тетради. Только когда он приобретет некоторый навык, ему будет разрешено писать на бумаге или пергаменте чернилами и расщепленной тростинкой вместо пера. В таком случае

пригодятся корешки бесполезных документов, и особенно пригодятся рулеты со стихами многочисленных авторов, которых никто не хочет читать, но книги которых, таким образом, находят одно из своих главных применений, другое - для заворачивания специй или соленой рыбы. Его арифметика будет лишь такой, которая позволит ему составлять счета. Римские цифры с трудом поддавались принятому ныне методу счета на бумаге, и поэтому ученик-римлянин считал частично пальцами, частично с помощью счетчиков, разложенных или нанизанных на доску. В этом он стал удивительно опытен, и есть основания полагать, что в умственной арифметике он мог бы победить любого современного мальчика. Наряду со счетом он также обязательно выучил бы свои таблицы мер и весов. "Два с половиной фута за шаг; два шага за поступь; тысяча шагов за милю". Так он сказал или спел, и миля — *mille*, "тысяча" шагов — остается нашим собственным словом и по сей день, хотя оно стало обозначать эксцентричные 1760 ярдов.

Неудивительно, что римские мальчики не питали любви ни к школе, ни к школьному учителю. Возможно, Публию повезет; но если его школьный учитель относится к обычному типу людей, он будет вспыльчивым, с громким голосом, который орет, бранится и колотит. Обычным делом будет встретить, как выразился Сенека, человека, "охваченного неистовой страстью, который учит вас, что быть охваченным страстью неправильно". Доктрина гласила, что "тот, с кого не сдирают кожу, не образован". Методы военного центуриона, возможно, имели какое-то отношение к формированию такого поведения, но, возможно, римскому педагогу следует найти другое оправдание. Его школа, пусть и низшего пошиба, похожа на любой другой магазин, место, открытое на улицу, будь то на первом этаже или на балконе - как *антресоль*. В его наставлениях нет уединенности. В такое место в очень ранний час приходят мальчики, "крадущиеся неохотно". Когда дни короткие, школа открывается до рассвета, и коптящие лампы создают зловонный запах и атмосферу сырым и промозглым утром. Сейчас не время снисходительно относиться к невнимательности или глупости. Было много других обстоятельств, чтобы испытать свой темперамент, а римский темперамент, за исключением представителей высших классов, и так был вспыльчивым и громким. Ни один настоящий мальчик, прошедший римскую школу, не знал, что такое, когда тебе зажимают уши и ты принимаешь наказание на свои руки с помощью палки или тауза. Многие были "верхом", как показано на иллюстрации.

Также нет причин удивляться тому, что мальчики часто притворялись больными и что-нибудь делали со своими глазами, чтобы мать или отец могли на некоторое время отвлечь их от книг. Конечно, существовали академии более высокого класса, чем эти школы, открытые для улицы, и, вероятно, Публия Силия отвели бы в ту, где его "опекун" ждет вместе с другими в прихожей, в то время как сам он обучается в комнате, стены которой украшены историческими или мифологическими сценами, или схемами или картами, и где стоят бюсты выдающихся писателей. Мальчики сидят на скамейках или формах, а учитель - на стуле с высокой спинкой. Когда ученика просят повторить урок, он встает перед учителем; когда весь класс должен произнести продиктованный отрывок, он встает и произносит его все вместе, в ортодоксальном стиле пения.

[Иллюстрация: РИС. 95. — КАТАНИЕ МАЛЬЧИКА НА ЛОШАДИ. (After Sächs.)]

Где-то ближе к одиннадцати часам наступает антракт, и мальчики идут домой пообедать или покупают что-нибудь у продавца котлет или сосисок на улице. Во второй половине дня, когда

школьный учитель самостоятельно позавтракает и, вероятно, проведет короткую сиесту, они возвращаются в школу, уделяя в общей сложности около шести часов урокам в день.

То, что мальчики и девочки ходили в одни и те же начальные школы, не является абсолютно доказуемым из какого-либо явного утверждения на этот счет; но в литературе есть один или два отрывка, которые почти наверняка указывают на этот вывод. По крайней мере, нельзя отрицать, что девочки, и даже большие девочки, ходили в школу, и что в этих школах их учили мужчины. Поэт называет одного школьного учителя "отвратительным как для мальчиков, так и для девочек". Мы видели, что в зрелом возрасте римлянка не жила в каком-то уединении; и разумно предположить, что в детстве с ней обращались почти так же, как с девочками в современных смешанных школах. Тем не менее также почти наверняка, что такие смешанные школы были только для простых людей или для низших слоев среднего класса: дочери из более обеспеченных семей обучались дома у частных репетиторов. Там они учились читать и писать как по—гречески, так и на своей родной латыни, играть на лире или арфе, танцевать — римские танцы были скорее вопросом жестов руками и телом, чем движений ногами, - и вести себя с осанкой, подобающей римской леди. Обучать домашним обязанностям было обязанностью матери.

В Риме, как и у нас, сначала было чистое и простое начальное образование, которое давали в школах те, кто в наши дни был бы зарегистрирован как учителя начальных предметов. Затем было то, что мы могли бы назвать средним или старшим школьным образованием, которое давал "учитель грамматики", причем образование было почти полностью литературным. В той же школе, несомненно, могли бы нанять специального учителя арифметики, а также преподавателя музыки, но в основном задача такого заведения заключалась в теоретической подготовке мальчика к правильному и эффективному использованию языка, будь то в общественных целях. В Риме времен республики деловому человеку или честолюбивому человеку превыше всего требовалось быть опытным оратором, и эта традиция не ослабла при империи. Более того, для развития интеллектуальных способностей как таковых у римлян не было лучшего ресурса, чем изучение грамматики и литературы. Наука была чисто эмпирической, математика состояла в основном из арифметики и измерений, и в этих предметах не было места для того проявления проницательности, а также вкуса, которые обеспечивались хорошо направленным изучением лучших авторов. Таким образом, в системе среднего образования главной целью было "знание правильных выражений" и приобретение "правильной, ясной и изящной дикции". Этого следовало достичь путем самого кропотливого изучения как греческих, так и латинских поэтов; и стоит отметить, что у римлян хватило здравого смысла начать с лучших. Каждый мальчик должен знать своего Гомера и проникнуться легким стилем и здоровыми чувствами Менандра; он также должен знать своего Вергилия и своего Теренция. Он должен знать, как прочесть отрывок с правильной интонацией и пониманием смысла, и он должен выучить большое количество таких стихов наизусть. На ранних стадиях роль мастера заключается в том, чтобы сначала прочесть вслух определенный отрывок, который, по его мнению, является правильной артикуляцией и выражением; затем он объясняет смысл или аллюзии и делает все остальное, что считает необходимым для понимания и оценки произведения. Затем наступает очередь ученика встать и повторить отрывок, чтобы показать, что он уловил истинный смысл и может передать истинную интонацию. Несомненно, были плохие и безразличные учителя, так же как и хорошие, и, несомненно, со стороны ученика было много простого попуайства. Тогда, как и сейчас, это был главным образом вопрос типа учителя. Вероятно, что во многих школах действие умственных способностей, а также голоса

превратилось в чистое пение. Юлий Цезарь однажды заметил: "Если ты поешь, ты поешь плохо; если ты читаешь, ты поешь".

Более продвинутой ступенью этого высшего образования была "школа ораторского искусства". Ученик уже усвоил правильный грамматический стиль и достаточное количество литературной информации; теперь он готовится к реальной практике в судах или совещательных собраниях. Он должен научиться аргументировать свою позицию; как оформить свой вопрос; с помощью каких языковых приемов сделать его наиболее эффективным; и как его донести. Позже должны были появиться государственные должности преподавателей этого искусства, дарованные императором, но при Нероне в самом Риме ничего подобного не было. "Профессор ораторского искусства" получает свой гонорар в размере около 20 фунтов стерлингов в год от каждого ученика. На этом этапе изучение великих прозаиков заменяется изучением поэтов; устанавливаются темы для написания по ним эссе; и затем эти эссе будут произнесены в виде речей. Иногда известное утверждение или максима поэта выдвигается для того, чтобы его опровергли или поддержали, или для того, чтобы вы поспорили сначала против него, а затем за. Или может быть предложена какая-то историческая ситуация, и студента просят изложить наиболее мудрый или справедливый курс в данных обстоятельствах. "Ганнибал разбил римлян при Каннах: должен ли он или не должен атаковать Рим напрямую? Рассмотрите вопрос так, как если бы вы были Ганнибалом". Многие из этого кажется достаточно теоретически обоснованным. К сожалению, предметы, как правило, были либо безнадежно изношены, либо не имели отношения к реальной жизни. "Мы учимся, - говорит Сенека, - не для жизни, а для школы". Единственной новизной, которую можно было придать трактовке старых абстрактных тем или ребяческих вопросов, была новизна фразы, и, следовательно, единственной отличительной чертой литературы того времени является стремление к яркому выражению, к чему-то эпиграмматическому или блестящему. О речи судили по ее пурпурным пятнам риторики, а не по здравости ее мыслей. В этих римских школах предлагались призы, по-видимому, в виде книг, и приз должен был достаться юноше, который мог бы самым замечательным образом рассказать вам, в чем заключается ваш долг по отношению к вашей стране, или что такое зло гнева, или по каким причинам отец вправе отречься от своего сына. Тем временем родители время от времени заглядывали в школу и слушали, как мальчики декламируют, и легко представить мысленным взором отца, слушающего, подобно гордому американскому родителю в день "выпускного", как его одаренный отпрыск "произносит пьесу".

На этом обучение обычно прекращалось. Если риторическое обучение проходить рано, то мальчику сейчас около шестнадцати; но ничто не мешало ораторскому искусству следовать за "совершеннолетием", а не предшествовать ему. В данном случае мы предположим, что это предшествовало. В настоящее время молодежь получила хорошую литературную подготовку и значительную практику в искусстве создания речи. Он знает достаточно элементарной арифметики, чтобы вести бухгалтерию, или, в особых случаях — когда он предназначен для определенной профессиональной карьеры — он может немного разбираться в геометрии и принципах механики и инженерного дела. Возможно, он научился петь, а возможно, и нет, и достаточно разбирался в музыке, чтобы достойно играть на лире или арфе. В отличие от молодого грека, его не обязательно заставляли признать, что гимнастические тренировки являются неотъемлемой частью образования. Он может заниматься такими упражнениями в качестве развлечения или для здоровья; его могут обучать легкой атлетике, и, как правило, будут обучать; но он не признает, что они имеют какое-либо практическое отношение к его способностям к войне или гражданской жизни.

Трудно оценить интеллект среднестатистического шестнадцатилетнего римского юноши; все, что мы знаем, это то, что, в то время как лучшее в литературе, науке, искусстве и философии было предоставлено грекам, римляне хватались за все знания, имевшие заметное практическое значение, и что, как люди, способные управлять, они оставили своих интеллектуальных и художественных лидеров далеко позади.

До сих пор мальчик носил тогу с пурпурной каймой, а также золотой футляр с амулетом на шее. Однако пришло время, чтобы на него смотрели как на мужчину — на самом деле не свободного от власти отца, но свободного разгуливать без жоака, жениться, если того пожелает его отец, или выбрать карьеру. Соответственно, 17 марта по собственному желанию он снимет внешние знаки отличия детства, посвятит свой амулет домашним богам и наденет полностью белую мужскую тогу. Родственники, друзья и клиенты соберутся в доме и, после того как произнесут свои поздравления, сопровождают юношу в Капитолий, а оттуда на Форум, где его появление в таком виде будет сопровождаться представлением и признанием со всех сторон, что он теперь "совершеннолетний". В Архиве имя "Публий Силий Басс, сын Квинта" занесено с должной полнотой описания, и с этого момента он числится одним из граждан Рима.

После этой небольшой церемонии совершеннолетия некоторые молодые люди, по-видимому, ничего не предпринимали. Сыновья более бедных родителей давным-давно занялись своими различными ремеслами. Наиболее состоятельные люди могут — и, если они впоследствии захотят занять государственную должность, они должны — сейчас пройти военную службу в условиях, которые будут описаны в следующей главе. Другие, более склонные к учебе, продолжают завершать свое образование, уехав за границу в одно из великих мест изучения философии, которые соответствовали нашим университетам. Философия означала для римлянина руководство к жизни. Римская религия, на которой мы ниже остановимся несколько подробнее, состояла из ряда форм и церемоний, или актов признания божеств; она воплощала определенные традиционные принципы долга перед семьей и государством; но в остальном она оказывала очень небольшое влияние на образ жизни. Насколько такое руководство вообще было дано, так это моральной философией, рассмотрение которой, как ее понимали на тот момент, связано с религией и должно подождать, пока мы не дойдем до этого предмета. Это правда, что в самом Риме были профессиональные преподаватели философии, но метрополия не была их главным курортом, точно так же, как до недавнего времени Лондон считался центром университетского образования высшего уровня. Верно также, что многие великие дома содержали домашнего философа, который не только помогал формировать тон хозяина дома и составлял ему интеллектуальную компанию, но и мог выступать в качестве частного наставника по философии для его сына. Но по большей части это высшее образование следовало искать в городах, особенно известных своим скоплением профессоров и лекторов. Главными среди них были Афины, Родос, Тарс, Антиохия, Александрия и Марсель. В Неаполе также можно было найти большое количество образованных людей, но в основном это были люди, отошедшие от профессиональной деятельности и выбравшие этот город из-за его приятного климата и окрестностей, а также потому, что там они могли наслаждаться обществом друг друга. В некоторых из названных городов — особенно в Афинах и Александрии — существовали профессорские должности (хотя и не предоставленные римскими императорами), которыми пользовались не только местные студенты, но и те из других частей римского мира, кто решил обратиться к таким авторитетным преподавателям. Это не означает, что такие студенты не платили никакой платы или что не было недостатка в свободных преподавателях. Студент был свободен в своем выборе. Там, где были пожертвования, как в Афинах, со стороны местных

властей существовал контроль за поведением студентов, а также их преподавателей; но очевидно, что профессорская аудитория далеко не всегда была хорошо управляемой или послушной организацией. Как и в немецких университетах, приезжими студентами были мужчины, и некоторые из них были довольно преклонных лет, и, также как и в Германии, они следовали своим собственным вкусам в учебе и переходили из университета в университет по своему желанию. Они, так сказать, "отобрали" профессоров и сделали свой собственный выбор. Учитель не только читал им лекции, но и поучал их; в то время как, со своей стороны, они имели право проводить катехизацию и, в некотором смысле, "барсука", лектора, указывать на трудности и более или менее ярко выражать свои чувства.

В аудитории философии студент, обладающий определенной долей живости и возбудимости юга, топал ногами, вскакивал со своего места, кричал и аплодировал, выкрикивая по-гречески "великолепно!", "неподражаемо!", "превосходно!", "красиво сказано!" и так далее. Плутарх пишет небольшое эссе о надлежащей манере поведения в аудиториях, и он говорит нам: "Вы должны сидеть надлежащим образом, а не бездельничать; вы должны смотреть на говорящего и проявлять живой интерес; сохранять невозмутимое выражение лица и не высказывать раздражения, а также не делать вид, что вы думаете о чем-то другом". Такое отношение было идеальным и ортодоксальным; но он также говорит нам, что были некоторые, кто "хмурился; их глаза блуждали; они растягивались, скрещивали ноги, кивали и шептались со своим соседом, улыбались, сонно зевали и опускали головы". Это было не обязательно потому, что лектор был скучным, но потому, что он мог давать уроки, которые были нежелательны для некоторых из его слушателей. Кепка сидела на них слишком хорошо, как это иногда бывает, когда их предлагает современный проповедник. Но, говорит тот же Плутарх, если вам не нравились эти прямые и грубоватые на язык наставники, вы могли бы найти других профессоров, *позеров*, которые были сами учтивость; джентльменов, философским товаром которых были седые волосы, приятный голос и манера изложения, изящный язык и большая самооценка. Это был преподобный Чарльз Хониманс того периода, и их последователи были подобны последователям этого популярного проповедника.

[Иллюстрация: РИС. 96—Папирусы и таблицы. (Из Помпеи Дайера.)]

Поскольку о чтении и библиотеках упоминалось неоднократно, полезно представить, какую форму обычно принимают книги. Мы не должны думать о том в современном переплете, стоящем на полке или открытом в руке. В наше время любые книги, составленные в форме листов — или того, что римляне называли формой "табличек", — состояли всего из четырех или шести страниц. Обычной формой книги был рулон, или, если произведение было большим, оно могло состоять из нескольких таких "рулонов" или "разделов". Материалом служила либо бумага — в первоначальном значении папируса — либо кожа, известная как пергамент. Папирус, естественно, был дешевле и менее долговечен. Подготовленные листы заданной длины и ширины — "страницы" - были исписаны, а затем приклеены друг к другу бок о бок до тех пор, пока не образовался длинный участок. Затем последний лист прикреплялся к тонкому ролику, обычно деревянному, аналогичному тому, который используется в современных настенных картах. Вокруг свитка с любыми претензиями была обернута обложка из цветного пергамента, красного, желтого или фиолетового. Концы рулона были гладко натерты пемзой и окрашены, а также прикреплена бирка с именем автора и произведением. Несколько таких рулонов, родственных по тематике или авторству, были уложены торцом в круглую коробку этикетками вверх, готовые к осмотру. В библиотеке такая коробка стояла бы в ящике для хранения или

секции полки, откуда ее можно было бы унести при необходимости. Иногда сами рулеты лежат стопкой горизонтально в ящике для хранения без коробки, но это явно менее удобная практика. Чтобы удержать книжных червей, в них втирали кедровое масло, придававшее им желтоватый оттенок. Считыватель, взяв рулон в одну руку, другой начинает разматывать длинную полосу. После прочтения первой колонки или страницы, открытой таким образом, он механически перематывает эту часть, в то время как ширина другой страницы увеличивается в поле зрения. Сам почерк был сделан с помощью тростинки, заточенной и расщепленной, как гусиное перо, и обмакнутой в чернила, изготовленные различными способами, но в основном менее "колючие", чем наши собственные. Это позволило сравнительно легко стереть написанное и снова использовать тот же самый рулон — в качестве "палимпсеста" - для более желательной работы. Возможно, излишне говорить, что надписи обычно можно было найти только на одной стороне. Если обратная сторона использовалась, то в целях экономии, для незначительных заметок или в качестве рабочей тетради для школьников. Мы можем представить себе прекрасный библиотечный экземпляр или роскошное издание Вергилия, состоящее из нескольких свитков, каждый из которых представляет собой длинную полосу лучшего пергамента, намотанную на посох из слоновой кости с позолоченными концами. Его "обложка" представляет собой обертку из пергамента, богато окрашенного, с цветными кожаными полосками, служащими застёжками. На заглаженном и окрашенном конце выделяется алая этикетка с надписью "Вергилий Энеида, книга Первая" (или в зависимости от обстоятельств). Когда вы откроете первую страницу, то увидите нарисованный портрет поэта, а надпись будет сделана прекрасным четким и ровным каллиграфическим почерком. Рядом с полкой, на которой стоит работа, вероятно, стоит реалистичный бюст Вергилия из мрамора и бронзы.

ГЛАВА XVIII

АРМИЯ: ВОЕННАЯ СЛУЖБА: ОБЩЕСТВЕННАЯ КАРЬЕРА

В более ранние времена римской истории боевыми силами была "гражданская армия", призывавшаяся до тех пор, пока это было необходимо, и набиравшаяся из полноправных римских граждан. В имперские времена, с которыми мы здесь имеем дело, она превратилась в постоянную армию. Служба в армии была профессией, на которую мужчины шли добровольно, и, что касается римских граждан, теперь редко, если вообще когда-либо, случалось, чтобы военная служба требовала обязательного прохождения с их стороны. Это правда, что молодой человек из высших слоев общества, который намеревался сделать общественную карьеру, ведущую ко все более высоким государственным должностям, должен был пройти некоторую военную подготовку, но ни один другой римлянин на самом деле не был обязан служить. Империя была настолько обширна, а общая численность постоянных войск сравнительно так мала, что всегда можно было пополнить легионы теми, у кого были какие-то мотивы или склонности к этому. Теоретически государство имело права на каждого трудоспособного мужчину, но население империи составляло, вероятно, сто миллионов человек, и набрать в общей сложности около 320 000 солдат, состоящих из римских или романизированных "граждан" и подданных провинций примерно в равных долях, было достаточно простой задачей, и поэтому вербовщики могли позволить себе выбирать. Прежде всего, мы должны избавиться от представления о том, что римские солдаты обязательно происходили из Рима или даже из Италии. Они были набраны из империи в целом, и легион, размещенный, например, в Испании, мог быть набран из особого класса испанцев.

Грубо говоря, регулярная армия, простиравшаяся вдоль границ от Честера до Иерусалима и от Иерусалима до Алжира, состояла из двух основных подразделений, называемых соответственно "легионами" и "вспомогательными силами". Другие специальные или обособленные силы, такие как двенадцать полков императорской гвардии и шесть полков городской стражи, не попадали ни под одну из этих категорий, и мы можем пока не рассматривать их.

Легион представлял собой бригаду численностью около 6000 пехотинцев и приданных им 120 всадников. Она набиралась из любой удобной части империи, но только из людей, уже пользовавшихся правами римских граждан, или же из тех других провинций, которые считались достаточно однородными с римской цивилизацией, чтобы стоять плечом к плечу с такими гражданами. Получив разрешение служить на этих условиях, человек регулярно становится *ipso facto* гражданином. Требуемые требования заключались в том, что вы должны быть свободнорожденным, то есть не рабом и не бывшим рабом, ваше телосложение должно быть хорошим, а ваш рост - около 5 футов 10 дюймов: в вашем послужном списке или характере не должно быть ничего серьезного с точки зрения римлян; и, если вы еще не были гражданином, вы должны принадлежать к одной из тех организованных коммун, которые были единицами управления и налогообложения в империи. Вы обязуетесь служить в течение двадцати лет, по истечении которых получите почетное увольнение и либо денежную сумму — на данный момент, по-видимому, около 50 фунтов стерлингов — либо земельный надел. По способностям и характеру вы можете подняться от рядового до центуриона, то есть командира сотни, но в обычных обстоятельствах вы не сможете подняться дальше по военной лестнице. Если по истечении срока вы все еще будете здоровы и будете признаны полезным, вы можете, если пожелаете, продолжить службу в специальном подразделении "ветеранов" с более легкими обязанностями и освобождением от обычной муштры. Таким образом, римские легионы по большей части состояли бы из военнслужащих в возрасте примерно от 18 до 38 лет, хотя значительное число могло быть несколько старше.

Однажды сформированный легион существовал вечно; вакансии в нем заполнялись по мере их появления; и очевидно, что он должен был состоять из респектабельных мужчин отборного телосложения, в основном в расцвете сил, и в совершенстве обученных всем солдатским качествам. Когда они не были в настоящей кампании, их обучали один раз в день, а новобранцев - дважды. Они практиковались в метании копий и всех приемах нападения с мечом и пикой и защиты со щитом. Время от времени устраивались смотры или фиктивные бои. Они узнали, как укрепить лагерь, как атаковать его или защищать. Каждый месяц они надевали полное вооружение, совершали марш-бросок с ровным римским топотом на десять миль и возвращались обратно в лагерь ради практики. Тем временем они стали полезны при строительстве военных дорог, мостов и стен. Добавьте к этому строгую римскую дисциплину, и трудно представить себе какую-либо подготовку, более способную превратить отряд численностью в 6000 человек в стойкую и эффективную боевую машину. Полуголый германец по ту сторону Рейна был физически так же силен и отважен; выкрашенный в шерстяной цвет кельт из Британии, вероятно, был более стремителен в своем наступлении; конный парфянин по ту сторону Евфрата был более проворен в движениях; но ни германец, ни кельт не развивали организованности или сплоченности действий римлянина, и парфянин не мог сравниться с ним в постоянном наступлении или решительной позиции.

Каждому легиону был присвоен номер, а также собственное имя, приобретенное за какой-нибудь выдающийся подвиг или заметную кампанию, или принятое в качестве похвалы. Таким образом, это мог быть "Победоносный" легион, "Неукротимый" или "Испанский" легион, или он мог, например, носить на шлеме жаворонка с гребнем и называться Легионом "Жаворонка". Командующий всем легионом - человек сенаторского ранга; его штандартом является серебряный орел на навершии древка, обычно держащий в лапе молнию. В каждом легионе есть десять полков, называемых "когортами", численностью в среднем в шестьсот человек, и у каждого такого полка есть свой полковник, или, как в переводе Библии назван Клавдий Лисий, "его главный капитан". Полк, в свою очередь, состоит из шести рот, или "сотен", с "центурионом" во главе каждой, и каждая пара сотен, если не каждая рота, имеет свой собственный штандарт, состоящий из шеста, увенчанного большими медальонами, металлическими дисками, венками, раскрытой ладонью и другими эмблемами.

[Иллюстрация: рис. 97.—РИМСКИЕ СТАНДАРТЫ.]

[Иллюстрация: рис. 98 — Вооруженный солдат.]

Давайте представим себе некоего ученого, который становится рядовым в легионе. Он родился в Галлии, в районе Лугдунума или Лиона, и он либо чистокровный римлянин, либо достаточно латинизирован, чтобы встать в один ряд с римлянами. Его призывают в Двадцатый легион, иначе известный как "Победоносный Валериан", и он оказывается расквартированным на острове Британия в самом дальнем лагере на северо-западе, который с тех пор превратился в город Честер. Вступая в свою роту, он должен принести торжественную клятву, что будет преданно выполнять все приказы своего главнокомандующего, императора, в лице подчиненных этого императора, его непосредственных офицеров. Эту клятву он будет повторять каждое 1 января и в годовщину восшествия на престол императора. Для полной военной формы он сначала наденет тунику, достигающую почти до колен, и, поскольку он служит в северных холодных условиях, пару широких бриджей, прикрывающих верхнюю часть ног. На ногах у него будут крепкие сандалии, толстые подошвы которых утыканы подкованными гвоздями. Поверх груди и с клапанами на плечах он будет носить кожаный корсет, покрытый слоями, похожими на обручи, или, возможно, чешуей из железа или бронзы. На голове у него будет простой, похожий на горшок шлем или тибетейка из железа. В остальном у него также будет толстый плащ или плед, который можно будет использовать в случае необходимости. В правой руке он будет держать знаменитую римскую пику. Это прочное оружие, более 6 футов в длину, состоящее из острого железного наконечника, закрепленного на деревянном древке, и солдат может либо атаковать им, как штыком, либо метать его, как дротик, а затем сражаться в ближнем бою своим мечом. На левой руке находится большой щит, который может быть различной формы. Одна распространенная форма изогнута внутрь по бокам, как часть цилиндра примерно 4 фута в длину и 2½ дюйма в ширину: другая шестигранная - ромбовидный узор, но со скругленными остриями. Иногда он имеет овальную форму. По конструкции он плетеный или деревянный, обтянут кожей и украшен тисненым гербом из металла, особенно хорошо известным является герб с изображением молнии. Щит не только переносится с помощью ручки, но и может поддерживаться ремнем через правое плечо. Чтобы не мешать щиту, меч — колющее, а не рубящее оружие длиной около 3 футов — подвешивается с правой стороны на ремне, проходящем через левое плечо. Хотя такое расположение может показаться нам неуклюжим, следует помнить, что меч не требуется до тех пор, пока правая рука не освободится от пики, и что тогда, прежде чем обнажать оружие, его можно легко перекинуть влево с помощью

подвешенного ремня. С левой стороны солдат носит на поясе кинжал. Автор Послания к Ефесянам имеет в виду все это снаряжение, когда призывает христианина облачиться во "всеоружие Божье", включая "пояс истины", "нагрудник праведности", "щит веры", "шлем спасения" и "меч духа". Офицер, конечно, носит доспехи, плащ и шлем более декоративного вида и, должно быть, представляет собой очень боевую и внушительную фигуру.

[Иллюстрация: рис.99 — Римский полководец.]

Наш друг Scius проходит уже упомянутые тренировки и тяжелую работу. Его жалование будет составлять где-то около 8 фунтов стерлингов в год, или чуть больше трех шиллингов в неделю, а питание будет состоять в основном из пшеничной каши и хлеба с солью и напиток из жидкого кислого вина, немногим лучше уксуса. Его пшеница, цена на которую вычитается из его зарплаты, отмеряется ему каждый месяц, и это его личное дело - молоть ее или превращать в хлеб. Овощи он добудет, сколько захочет или сможет; но мяса, за исключением ограниченного количества бекона, он обычно не получит и не очень захочет. Действительно, однажды мы обнаружили, что солдаты жаловались на то, что их слишком много кормили мясом. Следует отметить, что результаты хорошо говорят о полезности этого простого рациона легионера. Что касается его жилья, то он будет одним из десяти, живущих в одной палатке под присмотром своего рода капрала. Здесь нет помещений для женатых. Женщинам не только запрещено находиться в лагере, но и солдат не может законно жениться в течение срока службы.

[Иллюстрация: рис. 100.—ЦЕНТУРИОН.]

Сциус не столкнется с мягким обращением, пока находится в ученичестве. Суровый центурион, или командир своей роты, - это железный человек, поднявшийся по служебной лестнице; его методы точны и лаконичны, и у него в руках крепкая розга из виноградной лозы, которой он без промедления колотит праздных или глупых. Любое пренебрежение долгом или акт неповиновения неизбежно наказывается, иногда тяжелым трудом при рытье траншей, иногда штрафом, иногда лишением солдата доспехов и заставлением часами стоять в гражданской одежде в качестве мишени для насмешек посреди лагеря, иногда понижением в звании, соответствующим современному лишению "мужских нашивок". Если солдат оказывается в безнадежном положении, его с позором изгоняют из лагеря и армии. Если он дезертирует или разыгрывает из себя предателя, его могут либо обезглавить, либо забить до смерти дубинками. Если целая рота или полк попадают в немилость, им, возможно, придется довольствоваться ячменем вместо пшеницы в своем рационе, и если они виновны в грубом неподчинении или в каком-то преступлении, которое не может быть доведено до сведения отдельного человека, они могут быть "уничтожены", или, другими словами, каждый десятый человек, выбранный по жребию, может быть приговорен к смерти. Последнее, конечно, является крайней мерой и упоминается здесь только как относящееся к крайним случаям.

[Иллюстрация: РИС. 101. —ЗНАМЕНОСЕЦ.]

С другой стороны, если Шиус умный солдат, он постепенно получит признание как таковой. Он может стать старшим в своей столовой из десяти человек; или быть назначен ординарцем, чтобы разносить лозунг по столовой; или центурион может выбрать его своим подчиненным. Когда он достигнет зрелости, уравновешенности и завоеует доверие, он может быть избран главой своей роты, и в этом случае на его плечи будет наброшена медвежья шкура, а верх его шлема будет скрыт под головой этого зверя, надетой как капюшон. Будучи человеком

бережливым и гордясь собой, он постепенно украсит свой пояс с мечом и, возможно, ножны серебряными набалдашниками и украшениями. Также хорошо ведя себя в победоносных схватках с британцами, он приобретет, помимо случайной добычи и трофеев, несколько металлических медальонов или дисков, которые будут висеть у него на груди на манер современных военных медалей. Постепенно, по мере того как он становится ветераном, он может дослужиться до центуриона, когда он будет носить герб на шлеме и поножи на голени, его панцирь из чешуйчатой брони будет покрыт медальонами, а сам он будет носить жезл власти. Если ему когда-нибудь удастся стать не просто центурионом своей роты, но первым или старшим из всех шестидесяти центурионов, принадлежащих ко всему легиону, он будет практически произведен в офицеры, уйдет в отставку по выслуге лет, если все-таки уйдет в отставку, и, по всей вероятности, будет произведен в рыцари. В этом случае он может перейти к более высоким командам, как если бы он был рожден в том порядке, которого он наконец достиг.

[Иллюстрация: рис. 102.—БАГАЖНЫЙ СОСТАВ.]

Но до всего этого продвижения еще далеко. Однажды утром, когда Сциус еще был рядовым, он слышит не "таратантару" длинной прямой трубы, призывающей к обычной работе, а звук военного горна, означающий, что легион должен выступить. Он помогает упаковать палатку, ручные мельницы и другие предметы первой необходимости и погрузить их на мулов, вьючных лошадей или повозки. Затем он надевает свои полные доспехи, хотя, если жарко и нет непосредственной опасности, он может перекинуть шлем через плечо, в то время как его щит с его именем и ротой, возможно, будет сложен вместе с другими в багажной повозке. Его запас еды на шестнадцать дней — римские две недели - завернут в сверток, и он, вместе с сосудами для еды и питья и любыми другими предметами, которые могли бы уместиться в современном рюкзаке, перекинут через плечо на раздвоенной палке. Известно, что сегодня ночью армия будет вынуждена разбить лагерь по пути следования, и обязательным правилом службы является то, что ни одно устройство лагеря не должно быть оставлено на волю случая. Геодезисты поедут впереди с отрядом кавалерии и выберут подходящую позицию, которую будет легко оборонять и рядом с водой. Затем они очертят границы в соответствии с определенным масштабом и распределят интерьер, в соответствии с почти неизменной системой, по блокам или секциям для размещения определенных объектов. Когда легион прибывает, он марширует с полным пониманием того, где должна разместиться каждая рота людей и каждая часть обоза. Находясь во вражеской стране, недостаточно просто выставить часовых. Необходимо вырыть траншею и возвести частокол вокруг лагеря, и для этой цели каждый солдат на марше имеет при себе пару заостренных кольев и что-то вроде маленькой кирки. Таким образом, легко понять, что Scius сильно перегружен. Помимо веса его доспехов и щита, пики и меча, его православная ноша составляет около сорока пяти английских фунтов.

[Иллюстрация: рис. 103.—СОЛДАТЫ С РАНЦАМИ.]

[Иллюстрация: РИС. 104 —МАРШИРУЮЩИЕ РИМСКИЕ СОЛДАТЫ. (Scheiber.)]

Прежде чем перейти к этому описанию службы и доспехов легионеров, было указано, что легионы составляли лишь половину римской армии, а другая половина состояла из так называемых "вспомогательных войск". Если во всей Римской империи насчитывалось 150 000 солдат описанного типа, то было также около 150 000 солдат другого типа. Точно так же, как естественной частью британской политики является набор индийских или африканских войск

из числа небританских подданных империи, для римлян было очевидным решением набирать местные войска в Африке, Сирии, Испании, Галлии, Британии или германских провинциях на западном берегу Рейна. И точно так же, как британцы приводят свои небританские полки в соединение с регулярной армией и ставят их под командование британских офицеров, так и римляне связали своих "вспомогательных" солдат, в основном под командованием римских офицеров, с регулярными силами легионов. К каждому легиону численностью в 6000 человек были прикреплены, под командованием того же дивизионного генерала, силы численностью около 6000 человек не римского происхождения. Подданный провинции был призван набрать определенную квоту таких войск, и, когда его набирали таким образом, солдаты этого класса должны были служить в течение двадцати пяти лет. По истечении срока полномочий они становились римскими гражданами, и их потомки получали право пользоваться римскими возможностями. Такие силы сами по себе не были сформированы в "легионы" под командованием "орла"; они служили в отдельных полках. Некоторые из них представляли собой пехоту, почти неотличимую от римской; другие были вооружены иначе - щитами, копьями и мечами; третьи были легкимистрелковыми отрядами, использующими свое родное оружие, такое как дротики, пращи и луки. Очень большую часть составляла кавалерия, и в то время как легион насчитывал всего 120 римских всадников, приданная ему вспомогательная кавалерия насчитывала один или несколько полков численностью от 1000 до 500 человек в каждом. Но использование таких вспомогательных войск также было частью римской политики, но не в том регионе, в котором они росли, и не среди их собственного народа, а в других местах, а иногда даже на противоположной окраине империи. Таким образом, в Британии можно было найти не только немцев и батавов, но и испанцев или сирийцев, в то время как в Сирии могли быть расквартированы африканцы или немцы, а в Африке - войска из современной Австрии. Мы не можем назвать этот обычай неизменным, но он был обычным и, очевидно, политическим.

[Иллюстрация: рис. 105.—Императорская гвардия.]

К этим двум взаимодействующим силам — легионам и вспомогательным частям — мы должны добавить императорскую гвардию, двенадцать полков по 1000 человек в каждом, расквартированных в Италии и обычно собирающихся в специальном лагере сразу за воротами на вершине холмов Квиринал и Виминал за современной железнодорожной станцией. Как и другие гвардейцы, это был отборный отряд, в который входило много добровольцев из самой Италии, в то время как другие прибыли из наиболее романизированных частей Галлии или откуда-либо еще. Они пользовались многими привилегиями, носили более великолепные доспехи, служили всего шестнадцать лет и получали двойное жалованье. Часто бывало так, что именно этот отряд войск создавал и низлагал императоров, главным образом под влиянием денежных обещаний или щедрости. Кроме того, 6000 городских стражников находились в казармах внутри метрополии для защиты города; 7000 *жандармерии*, о которых уже упоминалось, выполняли функции ночного дозора и пожарной команды, но, возможно, едва ли были солдатами. Кое-где в империи также существовали отдельные добровольческие отряды различных размеров, выполнявшие особые обязанности, и именно к одному из них принадлежал Корнилий из Деяний Апостолов, который там описывается как центурион "итальянского отряда".

[Иллюстрация: РИС. 106. — ОСАЖДАЮЩИЕ С "ЧЕРЕПАХОЙ".]

Если бы мы углубились в подробные описания римских военных действий — римских маршей, римских лагерей и укреплений, римских осад и военных машин, - это завело бы нас слишком далеко. В противном случае было бы в высшей степени интересно понаблюдать за атакой на вражескую стену или ворота группы людей, толкающих перед собой плетеную ширму, покрытую шкурами, или держащих щиты сомкнутыми над головами, образуя крышу, укрывающую их от копий, камней, головешек и горшков с пламенем, которые дождем сыплются со стен.

[Иллюстрация: РИС. 107.—РИМСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ.]

Или мы могли бы увидеть подъезжающий на колесах сарай, из открытой передней части которого торчит огромная железная голова барана, прикрепленная к огромной балке. Если бы вы были под навесом, вы бы увидели, что балка была, возможно, целых 60 футов в длину и что она была подвешена на цепях или веревках, с помощью которых ее можно было раскачивать, так что острое со смертельной силой ударялось о каменную кладку стены. Тем временем противник с крепостных валов делает все возможное, чтобы поджечь сарай, отломить голову барана тяжелыми камнями, подтянуть его петлей вверх или ослабить эффект удара, опустив набитые мешки или другой буферный материал между ним и стеной. В другом месте, на месте сарая, возвышается высокое сооружение, похожее на башню, построенную в несколько этажей. Когда он приблизится к стене, он перекроет ее, и на парапет можно будет опустить подъемный мост с захватами. В других местах ведется добыча полезных ископаемых и контрразведка. С более безопасного расстояния артиллерия того времени выпускает свои грозные ракеты. Существует "катапульта", которая выпускает гигантскую стрелу, иногда с наконечником из горящего материала, из паза или полутрубы на расстояние в четверть мили. Движущей силой, за исключением пороха или другого взрывчатого вещества, является отдача нитей из кишок или волос, которые были натянуты лебедкой. Существует также более тяжелый "метатель", который работает почти таким же образом, но который вместо стрел бросает камни и балки весом от 14 фунтов до половины центнера, нанося эффективный урон на расстояние около 400 ярдов.

[Иллюстрация: рис. 108. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ КАВАЛЕРИСТ.]

Скиус присоединяется к своему легиону в качестве рядового пехотинца. Он находится на "подкованной" службе. Но если наш молодой дворянин Публий Силий Басс сделает военную карьеру, он, вероятно, станет одним из 120 римских всадников, приданных легиону, и будет служить как "рыцарь" или "джентльмен" со слугами, которые будут освобождать его от более тяжелой работы. Кавалеристы, среди которых он служит, ездят не на седле со стремянами, а на простой попоне. На левой руке у них круглый щит или баклер; они носят копье чрезвычайной дальности действия, меч длиннее, чем у пехотинцев, а за спиной у них колчан с тремя дротиками с широкими наконечниками, очень похожими на ассегаи, которые служат им метательными снарядами. Если за хорошую службу они получают медальоны, подобные пехотным, они прикрепят их к уздечкам и нагрудным ремням своих лошадей и в целом устроят прекрасное, звенящее представление. Благодаря влиянию своей семьи Публий, скорее всего, будет взят под личный надзор командующего генералом, будет часто связываться с ним и, возможно, будет действовать как своего рода почетный адъютант. После достаточного посвящения в военное дело он будет назначен тем, кого можно назвать полковником вспомогательного пехотного полка, затем полковником полка легиона, а впоследствии, если он будет следовать профессии, полковником полка вспомогательной кавалерии. Он ни в коем

случае не проходит через звание центуриона, так же как британский офицер не проходит через звание сержант-майора. Классовое различие по крайней мере столь же велико в случае с римлянами.

Когда молодой дворянин завершит этот ряд служб — хотя в целом это не является абсолютно необходимым, и будет достаточно, если он пробудет шесть месяцев титулярным полковником полка легиона, — он, возможно, вернется в Рим и в возрасте двадцати пяти лет займет свою первую государственную должность и таким образом сам станет сенатором. Его обязанности могут быть связаны с Казначейством в самом Риме, или, что более вероятно, он будет сопровождать проконсула, который направляется управлять провинцией в течение года — возможно, Андалузией, Македонией или Вифинией. К своему шефу он на этот год относится как бы по-сыновьи. Его основной обязанностью будет надзор за финансовыми делами, выполнение функций казначея и ведение счетов провинции, но он также, при необходимости, будет вершить правосудие вместо губернатора. В этом качестве он изучает методы управления провинциями, готовясь к тому времени, когда он сам может быть назначен губернатором, будь то сенат или император. Его следующим шагом вверх будет пост эдила, одного из должностных лиц, контролирующих улицы, общественные здания, рынки и полицию Рима. К тридцати годам он может подняться на вторую высшую ступеньку служебной лестницы, заняв должность, дающую ему право председательствовать в суде. Или же это может не приносить с собой ничего большего, чем руководить "играми" в цирке или амфитеатре и тратить щедрую сумму собственных денег на то, чтобы сделать их одновременно великолепными и необычными. После этого он может получить от императора командование бригадой — 12 000 человек, состоящей из легиона и его вспомогательных подразделений, — возможно, в Кельне или Майнце, возможно, в Керлеоне-на-Уске, возможно, недалеко от Антиохии. На этом посту его передвижения подчиняются власти губернатора провинции, который является "лейтенантом" или "заместителем" Его Высочества в более широком качестве, в то время как сам он всего лишь "лейтенант" Цезаря, командующий одним из его легионов.

Теперь он сам может быть назначен губернатором провинции, но вряд ли пока в те, которые являются "сливами" империи. Ему еще предстоит занять один высший пост. Это консульство. При республике два консула были высшими должностными лицами государства, и год был датирован их именами. Номинально они все еще находились в том же положении, и здравомыслящие императоры считали своим долгом относиться к ним со всем внешним уважением. Они имели преимущество перед всеми, кроме "Его Высочества Главы государства". Но если при республике всего два консула занимали совместную должность в течение года, то при императорах эта должность стала до такой степени бесплатной, и было так много знати, желавшей этой чести или которой император намеревался ее оказать, что вошло в обычай занимать эту должность только два месяца, так что двенадцать человек в каждый год могли похвастаться тем, что были бывшими консулами или "сдали кресло консула".

Мы можем предположить, что Публий Силий поднимается по каждой ступени служебной лестницы, или того, что называлось "карьерой отличия", и становится сенатором-губернатором не менее важной провинции, чем "Азия", — той ближайшей части Малой Азии, где находились такие процветающие города, как Смирна, Эфес и Родос. На этом посту, как и на любом другом, который он может занимать, ему надлежит вести себя осторожно и скромно. Если он человек необычайно влиятельный или популярный, ему лучше скрыть этот факт. В его поведении или речи не должно быть ничего, что могло бы навлечь на него обвинение в том, что он стал опасен

для императора. Этот император - Нерон; и даже более сильные и здравомыслящие императоры, чем Нерон, с подозрением наблюдали за поведением честолюбивых людей.

ГЛАВА XIX

РИМСКАЯ РЕЛИГИЯ — ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ

Попытаться изложить с какой-либо определенностью "религиозные идеи римлянина" 64 года н.э. было бы чрезвычайно трудной задачей. Эти идеи будут отличаться у каждого отдельного человека, определяясь рядом соображений и влияний — местностью, образованием и темпераментом. Силий не разделял взглядов Сция и, вероятно, не разделял взглядов Марсии. Мы можем говорить о "Государственной религии" Рима в отличие от различных других религий, допускаемых и практикуемых в различных частях империи, но едва ли возможно определить содержание этой "Государственной религии". Были определенные специальные священники и жреческие организации, которые следили за тем, чтобы определенные обряды и церемонии выполнялись scrupulously, предписанным образом и в предписанные даты; но это были должностные лица государства, чьи знания и функции ограничивались соблюдением ритуалов, с которыми им приходилось иметь дело. Они не были людьми, обученными системе богословия, и не были проповедниками кодекса доктрин или морали; у них не было "врачевания душ", и они не принадлежали ни к какой церкви; у них не было credo и не было Библии или соответствующего авторитета, на который можно было бы сослаться. Хотя большинство хорошо информированных людей могли бы назвать имена выдающихся божеств в календаре, таких как Юпитер, Марс, Аполлон и Церера, вряд ли кто-либо, кроме энциклопедиста или антиквара, смог бы назвать хотя бы половину из общего числа. Дело не только в том, что божеств в списке было так много. Были и другие причины невежества или расплывчатости. Во-первых, грань между действиями одного божества и другого часто была слишком тонкой, чтобы ее можно было провести, и божества, первоначально более или менее различимые, стали путаться или отождествляться. Во-вторых, часто было трудно, если не невозможно, решить, должно ли так называемое божество — такое как Добродетель, Мир или Здоровье — иметь реальное существование, или же это просто олицетворение абстрактного качества. В-третьих, многие древние божества вышли из моды и в значительной степени стерлись из памяти, в то время как многие новые — например, Исида и Серапис - вошли или входили в моду.

Государство обладало своим стародавним календарем дней, посвященных ряду божеств, и своим кодексом ритуалов, которые должны были совершаться в их честь. Существовали древние предписания относительно того, что должны носить определенные священники, что они должны делать или избегать в своем священническом статусе, какие жертвы — быка, овцу или свинью — они должны приносить в жертву, какие инструменты они должны использовать для этой цели и в какой формуле слов они должны молиться в определенных связях. Существовала постоянная комиссия во главе с Высшим понтификом — на тот момент выдающимся религиозным авторитетом, императором Нероном, — которая охраняла государственную религию, следила за тем, чтобы ее требования выполнялись и чтобы никто не осмеливался посягать на нее. Но государство не могло бы сколь-нибудь точно сказать вам, что вы должны верить именно в такое количество божеств и ни в каких других; оно не могло бы точно сказать вам, каких представлений следует придерживаться относительно тех божеств, которых оно официально признает; оно не диктовало никаких теологических доктрин; оно также не диктовало никаких моральных доктрин, кроме тех, которые вы найдете в светском праве. Оно

оставляло за собой право предотвращать введение иностранных или новых божеств, если для этого находилось достаточное основание; но до тех пор, пока соблюдались храмы, обряды и церемонии, кардинальные моральные аксиомы римской "религии" и основные принципы римского общества, государство не проводило никакого расследования ваших верований или неверий и никоим образом не вмешивалось в ваш конкретный выбор любимых божеств.

Политеизм в развитом сообществе всегда терпим, потому что он неизбежно всегда неопределенен. Чего она с трудом переносит, так это организованную атаку на всю систему, будь то открыто заявленную или явно подразумеваемую. Даже неприкрытое неверие в какое-либо божество вообще оно часто готово терпеть, при условии, что неверие является скорее вопросом диалектики, чем чего-либо еще, и не предпринимает попыток крестового похода. Когда обнаруживается, что государство, расположенное таким образом, вмешивается в новую религию, как правило, легко понять, что ревность исходит не от имени божеств или вероучения, а от имени сообщества в его политическом, экономическом или социальном аспекте. Это, однако, возможно, следует предвидеть. Давайте постараемся как можно лучше понять религиозную ситуацию среди римлян или латинизированной части населения.

Хотя нас здесь напрямую не интересуют шаги, с помощью которых римская религия стала тем, чем она была, мы едва ли можем надеяться понять ситуацию, не имея некоторого представления об этом развитии. Римляне были консервативным народом, и многие особенности их богослужения были обусловлены сохранением старых форм, утративших тот дух, которым они когда-то обладали.

В дни зарождения нации не существовало таких вещей, как боги в человеческом обличье или вообще в узнаваемой форме. Существовали только "силы" или "влияния", стоящие выше человечества, с помощью или попустительством которых человек должен был осуществлять свое существование. Ранние римляне и те итальянские племена, с которыми они смешались, были, как и до сих пор, чрезвычайно суеверны. В донаучную эпоху они, как и другие народы, были не в состоянии понять, что вызывает гром и молнию, дождь, плодородие или неурожай, смену времен года, течение или прекращение родников и рек, опьянение или возбуждение, вызванное вином, и множество других явлений. Огонь был загадочной вещью; ветер тоже: леса были полны таинственных звуков и движений. Они не могли постичь ни рождения, ни смерти, ни плодоношения растений. Следствием было ощущение, что все это происходит благодаря невидимым силам; и была предпринята попытка привести эти силы в какое-то отношение к человечеству, либо путем принуждения к магическим операциям и магическим формулам, либо путем жертвоприношений и приношений умилоствления, либо посредством обещаний. Сверхчеловеческую силу можно было околдовать, или умиротворить едой и питьем, или убедить клятвой. Таких "сил" было чрезвычайно много. Величайшей из всех и одинаково признаваемой всеми была сила, действующая в небе с громом и дождем. Ее присутствие было одинаковым повсюду, и ее действие наиболее ощутимо в любое время года. Бесчисленное множество других были связаны с конкретными населенными пунктами или с определенными функциями. Каждый лес, если не каждое дерево, а также каждый фонтан находились под контролем какой-то такой высшей "силы"; каждое проявление или действие природы происходило от такого "влияния". Не было такого действия или начинания, такого нового этапа жизни или изменения условий, которые не зависели бы в плане помощи или препятствия от подобной силы. Сначала "силы" не носили отличительных названий и не были задуманы в каких-либо определенных формах. Они еще не были богами. Человек, который стремился воздействовать на них в свою

пользу, мог делать, говорить и предлагать только то, что, по его мнению, могло их тронуть. Но со временем стало неизбежным, что об этих сверхчеловеческих силах следует упоминать под каким-то названием, и название буквально выражало концепцию. Отсюда и множество названий. Существовал не только вечно выдающийся Юпитер, или "небесный отец"; существовало поистине множество держав с большими и малыми провинциями. Среди более крупных концепций силой, связанной с посевом семян, был Сатурн, с ростом урожая - Церера, с пылающим огнем - Веста. Среди меньших силой, которая учила младенца есть, была Эдулия, которая сопровождала возвращение домой невесты, была Домидука. Предполагалось, что способность говорить или ходить передается отдельными учреждениями, названными соответственно. Цветы зависели от Флоры, а фрукты - от Помоны.

[Иллюстрация: рис. 109.—ЮПИТЕР.]

Но присвоение имени - это большой шаг к превращению "силы" в "бога", и такие силы начали формироваться в сознании тех, кто дал им имена. Это был второй этап. Юпитер, Церера, Сатурн и почти все остальные стали "богами". Силы лесных земель — Сильванус или Фавнус - стали воплощенными, подобно более современным гномам и кобболам. Стоит только представить себе форму, и возникает тенденция придать ей видимую форму в образе, "подобном человеческому", и почтить ее обиталищем — храмом или усыпальницей. Самые ранние известные нам римляне не воздвигали никаких изображений или храмов, но они недолго занимались их созданием. Особенно быстрым было превращение бога в человека, когда они вступили в тесный контакт с этрусками и греками. Для всех важных божеств поэзия и искусство объединились, чтобы создать соответствующую телесную форму, которая постепенно стала общепринятой, так что обычное представление о Юпитере, Юноне, Меркурии или Церере было примерно таким, какое было получено из полученной таким образом статуи. Эта проблема касалась не всех самых древних божеств. Многие старые сельские и местные божества, а также многие из тех, что существовали в совсем небольших провинциях, остались расплывчатыми и нереализованными. Они не были представлены ни в храмах, ни статуями. Естественно, что по мере того, как римское государство превращалось из группы соседних ферм в большой город, а из небольшого поселения - в обширную империю, маленькие местные боги отошли на второй план. Божества, имевшие отношение к государству и которым оно воздвигало храмы, были теми, кто выполнял более далеко идущие функции — например, боги, отождествлявшиеся с небом и его громами, с войной, с плодородием, с морем, с огнем домашнего очага всего Рима. Остальное вполне можно было бы оставить местным жителям или домашнему богослужению.

С первых дней существования Рима существовал календарь праздников, посвященных определенным божествам, важным для маленького растущего городка, и свод церемоний, которые совершались в их честь, и молитвенных формул, которые возносились им. Более поздние римляне, со свойственным им консерватизмом, придерживались этих праздников, этого ритуала и этих формул, даже когда некоторые божества перестали иметь заметное значение и когда ни значение ритуала, ни смысл старых слов больше не были понятны самим жрецам, которые их использовали.

Задумайтесь на минутку над этой ситуацией. Во—первых, у нас есть ряд божеств первого ранга, размещенных в храмах, воплощенных в статуях и признанных во всем римском мире; затем ряд второстепенных божеств, чьи действия и поклонение могут быть отдаленно сельскими или иными местными, и чьи функции далеко не всегда отличимы от функций высших богов; затем

ряд более или менее непонятных церемоний, проводимых по древним правилам в честь божеств, часто практически забытых; помимо этого, ряд неясных полномочий, управляющих мелкими домашними и другими делами; наконец, своеобразная римская тенденция — в соответствии с последним - к возводить в божества и символизировать в статуях, размещенных в храмах, всевозможные абстрактные качества и состояния, такие как Надежда, Гармония, Мир, Богатство, Здоровье, Слава и Молодость.

[Иллюстрация: рис. 110.—ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ.]

Вспомним еще раз, что, когда римляне по мере своего распространения вступали в контакт с греками, египтянами или другими иностранцами, они встречались с божествами, чьи области часто были идентичны их собственным или тесно сродни им. Тогда помните, что нет ни церкви, ни официального документа, который определял бы полный список римских богов. Разве из этого не следует, как само собой разумеющееся, с одной стороны, что импорт новых богов был легким делом, а с другой, что ни один отдельный римлянин не мог подвести черту под количеством даже старых божеств, в которых он должен или не должен верить?

Блюстители государственной религии были удовлетворены, если государство совершало надлежащие обряды в честь этих божеств, в те даты и именно таким образом, который был предписан в официальных религиозных книгах. В остальном они оставили все на усмотрение отдельного человека.

Так много было необходимо сказать, чтобы объяснить существующее отношение. Мы должны использовать множественное число, поскольку позиция государственных чиновников является лишь одной из нескольких, и, поскольку сами государственные чиновники были не теологической кастой, а всего лишь светскими служителями сообщества, исполняющими правила внешнего богослужения, изложенные в записях, часто случалось, что их официальная позиция не имела ничего общего с их индивидуальными убеждениями. Часто они не знали и не заботились о том, была ли реальная религиозная эффективность в действиях, которые они совершали; иногда все, что они знали, это то, что они делали то, чего государство требовало от кого-то должным образом.

Цицерон цитирует изречение Верховного понтифика о том, что существовала одна религия поэта, другая - философа, а третья - государственного деятеля. Это верно, но вряд ли этого достаточно. Мы должны, по крайней мере, добавить мнение простых людей. Хорошо известное утверждение более современного происхождения доказывает — довольно убедительно, — что в наше время все религии считались людьми одинаково истинными, философами - одинаково ложными, а государственными деятелями - одинаково полезными. Мы можем начать с обычных людей любого положения, которые не были ни поэтами, ни мыслителями, ни магистратами. Ошибочно полагать, что такие римляне первого века были либо атеистами, либо безразличны к религии. Их вина заключалась скорее в том, что они были слишком суеверны, готовы верить скорее слишком много, чем слишком мало, но верить, не связывая свою веру с поведением. Они не подвергали сомнению ни существование традиционных богов, ни приписываемые им характеры; они были готовы исполнять свой долг поклонения и приносить подходящие жертвы, но все это не имело никакого отношения к их собственной морали. С ужасом суеверных людей они верили в приметы и предзнаменования, а также в обряды искупления и очищения, призванные отвлечь угрожающее зло. Их пугали гром и молния, землетрясения, дурные сны, вороны, замеченные не на той стороне дороги, и другие знаки зла. Они обычно признавали

существование злых духов, включая призраков. Они были готовы поверить, что иногда у статуи текла кровь или она поворачивалась на своем основании; что бык говорил на человеческом языке; или что пролился кровавый дождь. Несомненно, были исключения, и суеверия стали менее страшными и угнетающими, чем когда-то. Более чем за пятьдесят лет до нашей встречи Цицерон сказал, что даже старые женщины больше не содрогаются от ужасов подземного мира, а пятьдесят лет спустя сатирик утверждает то же самое о детях. Но оба автора говорят несколько гиперболически. Несомненно, кто-то задавался вопросом, как два авгура могли смотреть друг на друга без улыбки, но ничто не указывает на то, что даже меньшинство авгуров остро осознавали, чему можно улыбаться.

[Иллюстрация: РИС. 111. —ПОКЛОНЕНИЕ Исиде. (Настенная живопись.)]

При множестве божеств обычные люди были готовы принять столько божеств, сколько вы пожелаете им предложить, особенно если поклонение им включало мистические или оргиастические церемонии. К этой дате население стало чрезвычайно смешанным, особенно в столице, и хладнокровный твердолобый римский корень был в значительной степени вытеснен иностранными элементами, особенно с Востока. Официальное поклонение государству было формальным и холодным; оно ничего не давало ни эмоциям, ни надеждам. Многие люди испытывали инстинктивное влечение к чему-то более сакраментальному, и особенно привлекательной была любая форма богослужения, которая обещала продолжение существования и, вероятно, более счастливое существование после смерти. Даже простая таинственность формы поклонения имела свои соблазны. Отсюда тенденция к иудаизму, еще больше к египетскому поклонению Исиде и Осирису. Последнее привлекло многих прозелитов, особенно среди женщин, и содержало идеи, которые ни в коем случае не являются постыдными, но для нашего современного сознания гораздо более истинно "религиозны", чем все, что можно найти в местных римских культах. Пройти очищение, практиковать аскетизм, почувствовать, что загробная жизнь уготована тебе по заслугам, пройти через впечатляющую форму богослужения, совершаемого каждый день, и таким образом воздействовать на эмоции — все это придавало нравственной природе нечто такое, чего не хватало в холодных жертвоприношениях и молитвах Юпитеру и другим национальным божествам. Тщетно власти, сомневаясь в моральных последствиях, несколько раз пытались подавить этот иностранный культ; он всегда возрождался и теперь занял свое прочное место как в имперском городе, так и в провинциях, особенно у моря, поскольку это была религия прежде всего моряков. В Риме, как и в Помпеях, был свой храм Исиды и ее ежедневные празднования. Однако не было необходимого конфликта между этим культом и официальной религией. Было вполне возможно принять Исиду, принимая Юпитера. И хотя этот конкретный культ требует упоминания, его не следует рассматривать как принадлежность более чем к определенной части римского населения. Большинство римлян отнеслись бы к этому и другим отклонениям с молчаливым согласием, некоторые - с презрением, а некоторые, возможно, покачали бы головой, в то время как сами удовлетворились бы безразличным подчинением более устоявшимся государственным обычаям.

Оставляя в стороне приверженцев мистики, более распространенной точкой зрения было то, что между римлянами и общепризнанными богами Рима существует взаимопонимание. Боги будут поддерживать Рим до тех пор, пока Рим платит им дань официального признания. Власти не должны пренебрегать их ритуалом; отдельному члену общины нет необходимости дополнительно интересоваться этим вопросом. Государство через назначенных им министров

пойдет на необходимые жертвы и скажет необходимые слова; гражданину не нужно появляться или принимать какое-либо участие. Он не сделает и не скажет ничего неуважительного по отношению к божествам, о которых идет речь, и будет наслаждаться празднествами, посвященными им. Если произойдут замечательные знамения и катастрофы, он согласится, что в поведении государства есть что-то неправильное и что должно быть какое-то общественное очищение или иное умилоствление богов. Если государство прикажет провести такое разбирательство, он выполнит любую свою часть работы. Пока он верен "религии государства".

[Иллюстрация: РИС. 112.—ДОМАШНЯЯ СВЯТЫНЯ. (Помпеи.)]

В своем личном качестве у него есть свои собственные желания, страхи и надежды. Поэтому он обращается к любому божеству, которое, по его мнению, с наибольшей вероятностью может ему помочь; он возносит свои собственные молитвы и дает обет сделать подношение, если его просьба будет удовлетворена. Выражаясь простым коммерческим языком, его обычная позиция такова: нет успеха, нет оплаты. Кардинальное различие между религией римлян и нашей заключается в характере их молитв. Они всегда просят о каком-то определенном преимуществе - процветании, безопасности, здоровье или подобном. Они никогда не молятся о чистом сердце или о каком-то моральном совершенствовании. Более важным, чем моральное состояние человека, будет его скрупулезное соблюдение правильных внешних практик. В отличие от грека, он будет покрывать голову, когда молится. Он подносит руку к губам перед статуей или, если обращается к небесным божествам, простирает ладони вверх над головой; если к адским силам, то опускает их вниз. Это те вещи, которые имеют значение.

Дома у нашего римлянина, если он принадлежит к лучшему типу представительных граждан, есть своя домашняя святыня и свои домашние божества, которыми он никогда не пренебрегает. Если он очень набожный, он может молиться им каждое утро или, по крайней мере, перед каждым предприятием. В любом случае, он помянет их небольшим подношением, когда будет ужинать. Есть "боги запасов" — его "пенаты" — определенные божества, которых он избрал хранителями своего имущества, и у которых есть свои маленькие изображения у очага на кухне. Есть домашний "защитник", или, чаще, их двое, которые могут быть изображены в виде легко ступающих юношей в маленькой нише или святилище над небольшим алтарем. Им он предложит фрукты, цветы, благовония и пирожные. И еще есть "Гений" хозяина дома, который тоже нарисован на стене, или который может быть представлен его собственным портретным бюстом или изображением змеи. Этот "Гений" означает силу, управляющую его жизненной силой, здоровьем и благополучием. Если он ремесленник и принадлежит к гильдии, он будет уделять особое внимание богу или богине—покровительнице этой гильдии - Весте, если он пекарь, Минерве, если он фуллер. Выйдя на улицу, он найдет уличное святилище в стене на перекрестке, относящееся к богу-покровителю того, что можно назвать его "приходом", и этим он не станет пренебрегать. Как и все другие ортодоксальные римляне, он не предпримет ни одного нового предприятия — помолвки, брака, путешествия или важного дела — не убедившись, что обстоятельства благоприятны.

В общем, у него есть представление, что боги недовольны определенными формами преступлений и что они одобряют правосудие и выполнение договоров. Боги не обращают внимания на государство, потому что государство принуждает их к этому, и поэтому нарушать законы государства - значит гневить богов государства. Но это довольно тонко для обычного человека, и, как правило, нет понятной непосредственной связи между этими богами и его

моральным поведением, если только он не принес клятву тем или иным из них. Цель призыва бога в свидетели состоит в том, чтобы навлечь на лжесвидетеля гнев оскорбленного божества. Но у него нет такого понятия, как современное, о "грехе" или о "раскаянии в грехе". "Грех" - это либо нарушение светского закона, либо нарушение контракта с божеством, а "раскаяние" - это всего лишь страх или сожаление о последствиях.

Его нравственность определяется законами государства, семейной дисциплиной и общественными обычаями. По этой причине его пороки с положительной стороны будут в основном связаны с его аппетитами, а с отрицательной - с недостатком милосердия и сострадания. Он может быть невиновен во лжи и воровстве, убийстве и насилии; он может быть честным и законопослушным; но нет ничего, что делало бы его умеренным, сдержанным или кротким. Его общепризнанный кодекс - "долг", а долг определяется законом и традицией.

Если это религиозное состояние обычного мужчины или женщины - смесь суеверия, формализма и терпимости, — то это ни в коем случае не состояние образованного мыслителя. Такие люди были по большей части вольнодумцами. Многие из них, не найдя лучшего руководства для поведения, подчиняются государственной "религии", не веря по-настоящему в ее богов и не придавая никакого значения ее церемониям. Они не чувствуют себя призванными распространять какие-либо другие взгляды, и они, вероятно, думают, что нынешние представления, по крайней мере, так же хороши для невежд, как и любые другие. Если это поэты, такие как Гораций или Лукан, они приукрасят мифологию, в основном по греческим образцам, и бегло напишут о Юпитере и Юноне, Венере и Меркурии, либо приписав им признанных персонажей и легенды, либо изменив их так, чтобы сделать более живописными и интересными — возможно, даже улучшив их, — но все это время веря в истории, которые они рассказывают, или в самих божествах, не больше, чем Теннисон должен был верить в короля Артура и Гвиневру. Боги - хороший поэтический материал, и они наверняка позволят себе популярное или, по крайней мере, безобидное чтение. Поэты, несомненно, делают что-то, чтобы очеловечить и украсить популярное представление о божестве, но они редко намеренно преследуют какую-либо подобную цель. Если образованные люди не поэты, а общественные деятели, они могут верить так же мало, и все же рассматривать установленный культ богов как превосходную дисциплину для простолюдинов и самое известное средство отстаивания национального принципа "долга". Если они философы, они могут вообще не верить в богов — а эпикурейцы на самом деле таковыми не являются - конечно, не в том виде, в каком они обычно представляются, — и будут открыто обсуждать в устной и письменной форме вопрос об их существовании или несуществовании, а также об их характере и натуре, если они действительно существуют. Они будут стремиться заменить бесплодный формализм обрядов и церемоний или непоследовательную или неполную традиционную мораль долга другим набором принципов в качестве более обоснованного руководства к жизни и поведению. Некоторые из них монотеисты, другие просто сомневаются. Говорит наставник Нерона, Сенека: "Ты хочешь умилизовать богов? Тогда будь хорошим. Истинный поклонник богов - это тот, кто поступает подобно им". "Лучше, - замечает Плутарх, - вообще не верить в Бога, чем пресмыкаться перед богом, который хуже худшего из людей". В реальное поклонение изображениям никто из них не верит. Один известный писатель того времени сказал: "Искать форму для бога я считаю признаком человеческой слабоумия". О школах мысли и, в частности, о догматах тех стоиков и эпикурейцев, с которыми святой Павел встречался в Афинах и которых он мог встретить в образованных кругах по всей Римской империи, нам придется поговорить в следующей главе, подводя итог интеллектуальному и моральному состоянию того времени.

Между тем следует понимать, что, хотя глубокое или хоть сколько-нибудь приближающееся к профессиональному изучение философии не поощрялось среди истинных римлян — профессиональных философов не раз изгоняли из столицы, — было мало культурных людей, которые в той или иной степени не увлекались ею и даже заходили так далеко, что заявляли о приверженности той или иной школе. Никто из этих людей не верил в "римскую религию", которой управляло государство, хотя многие из них управляли ею сами. Один и тот же человек мог в один прекрасный день свободно обсуждать богов в беседе или трактате, а на следующий день он мог быть облачен в священническое одеяние и официально следить за тем, чтобы обряды жертвоприношения выполнялись религиозно в соответствии с книгами или чтобы покровительство принималось должным образом.

Из этого, однако, вовсе не следует, что поэт или общественный деятель, которому было наплевать на пантеон и всю его мифологию, был лишен своих суеверий. Возможно, он все еще трепещет перед знаками и предзнаменованиями, перед кометами, сновидениями и неблагоприятным поведением птиц и зверей. Он мог верить в астрологию и обращаться к ее профессорам, которых называли "халдеями". С другой стороны, он мог смеяться над подобными вещами. Все это было вопросом темперамента. Конечно, не каждый мужчина осмеливался вести себя подобно одному из римских адмиралов. Когда стало известно, что предзнаменования были неблагоприятными для неминуемой битвы, потому что священные цыплята "не хотели есть", он приказал бросить их в море, чтобы они, по крайней мере, могли напиться. Вольнодумцы опередили свое время. "Наука" в современном смысле едва ли существовала, и до тех пор, пока явления не будут объяснены, трудно избежать недоумения, которое равносильно суеверию.

Рассмотрим теперь эти различные состояния ума — состояние людей, готовых добавить почти любое божество к большому и неопределенному числу уже признанных; состояние поэта, который находит божества таким полезным литературным материалом; состояние судьи или общественного деятеля, который без энтузиазма или необходимой веры рассматривает религию как нечто полезное для общества; и состояние философа, который считает все современные религиозные концепции необоснованными, если не абсурдными, и морально почти бесполезными.

Очевидно, что общество, состоящее из таких людей, будет отличаться необычной терпимостью. Римляне не были склонны навязывать свою религию подвластным провинциям империи. Их религией была римская религия; религию греков можно было оставить греческой, еврейскую религию - еврейской, а египетскую - египетской. Любая нация имела право на религию своих отцов. Более того, у евреев были такие своеобразные представления о субботнем дне и других вопросах, что еврей был освобожден от военной службы, которая вынудила бы его нарушить свои национальные законы. Были разрешены все религии, при условии, что они были национальными религиями. Также все религиозные взгляды были разрешены отдельному человеку до тех пор, пока они не считались опасными для империи или имперского правления, или до тех пор, пока они не угрожали заметному ущербу общественному порядку. Если бы еврей приехал в Рим и хорошо исповедовал иудаизм. В глазах римлян это была ограниченная и безжалостная религия, отмеченная множеством странных и абсурдных обычаев и суеверий, но если заблудшему восточному народу нравилось предаваться ей, что ж, хорошо. Даже если римлянин обращался в иудаизм, что ж, прекрасно, при условии, что он не пренебрегал официальной религией своей собственной страны. Если египтяне предпочитали поклоняться

кошкам, ибисам и крокодилам, это было их дело, пока они оставляли других людей в покое. Правда, в Галлии император Клавдий, предшественник Нерона, расправился с друидами. Еще раньше в дела друидов уже вмешивались; но это было потому, что друиды — эти странные старики в белых простынях, с длинными бородами и странной магией — совершали человеческие жертвоприношения — сжигали людей заживо в плетеных рамах - и такое поведение противоречило не только светскому законодательству Рима, но даже естественному праву. И когда Клавдий, наконец, подавил их или изгнал остатки из Галлии в Британию, это было не просто потому, что они поклонялись не римским богам и исполняли не римские обряды, а потому, что они были, как это всегда было общеизвестно, опасным политическим фактором, мешающим надлежащему осуществлению римским правительством своих функций.

И когда мы переходим к христианству, следует отметить, что до тех пор, пока эта зарождающаяся религия рассматривалась всего лишь как разновидность иудаизма, на самом деле она находилась под защитой римской власти и в немалой степени обязана этому факту своим первоначальным развитием. В Деяниях Апостолов святой Павел всегда получает не только самое справедливое, но и самое учтивое обращение от римского правителя. Это евреи преследуют его и создают ему трудности, потому что для них он отступник и отлучает их народ. Афинским философам он представляется проповедником новой философии, и они считают его "поверхностным специалистом" в подобных предметах. Для римлянина это человек, обвиняемый определенной общиной в том, что он опасен для общественного порядка, а именно, вызывает межконфессиональные беспорядки и оскверняет храм; и поскольку он отказывается позволить местным властям судить его дело и воспользовался своими гражданскими привилегиями, обратившись к кесарю, его отправляют к кесарю. И когда заключенный содержится в Риме в несколько свободном заключении, обратите внимание, что ему разрешено говорить "со всей свободой" и что в первой инстанции он оправдан.

Верно, но факт остается фактом, что Нерон сжигал христиан в своих садах после великого римского пожара, и что некоторые более поздние императоры наказывали христиан только за то, что они признавали себя таковыми. Почему христианство было выделено таким образом? Это было не из-за того, что можно разумно назвать "религиозной нетерпимостью", поскольку, как уже было сказано, римляне не стремились навязывать римскую религию другим народам и не проводили никаких расследований верований самих римлян. Причины выделения христианства для особого отношения достаточно очевидны. Вопрос не в том, были ли причины вескими, правильно ли понимали римляне или пытались понять, могли ли они быть такими же мудрыми до события, как мы после него, а в том, был ли мотив тем, что мы должны назвать "религиозным". Позволить эпикурейцам вообще отрицать существование богов и пойти на презрительные уступки особым догматам евреев не могло быть поступком фанатичного народа. Если и существовали фанатизм и нетерпимость, то это были политический или социальный фанатизм и нетерпимость, а не религиозный. Чтобы предотвратить любое возможное неправильное представление, позвольте автору настоящего доклада сказать здесь, что он считает принципы христианства, изложенные его Основателем и распространенные святым Павлом, оказавшими самое гуманизирующее и цивилизирующее влияние, когда-либо оказывавшееся на общество. Но дело не в этом. С ранними христианами обращались так, как с ними обращались, не потому, что они придерживались не римских взглядов, а потому, что они придерживались антиримских взглядов; не потому, что они не верили в Юпитера и Венеру, а потому, что они не позволяли никому другому верить в них; не потому, что они угрожали ослабить римскую веру, а потому, что они угрожали ослабить и даже разрушить всю структуру

римского общества; не потому, что они были известны как еретики, а потому, что их считали нелояльными; не потому, что они обращали людей, а потому, что они, казалось, превращали их в опасных персонажей. Как уже говорилось, христиане считались "нигилистами" того периода. Мы склонны судить о римлянах с точки зрения господствующего и понятного христианства; справедливее судить о них с точки зрения господствующей языческой империи, взвешивающей на странное новое явление, совершенно непонятное и часто намеренно искажаемое. Более того — и этот момент заслуживает большего внимания, чем ему обычно уделяется, — нам стоит только прочитать Послания к Коринфянам, чтобы понять, что раннехристианские собрания отнюдь не всегда были такими кроткими, чистыми и образцовыми собраниями, какими они почти всегда считались. Некоторые из участников, например, поссорились и "были пьяны". Очевидно, было много недостойных членов нового сообщества, и, конечно, с их стороны было также много проявлений оскорбительного фанатизма. Класс общества, к которому принадлежали христиане, был тесно связан в сознании римлян с чернью и рабами, если не с преступниками. То, что языческий наблюдатель видел в новой религии, было "пагубным суеверием", "ненавистью к роду человеческому", "злобным предрассудком". Он считал, что его практика связана с магией. *Непримиримый* христианин отказался принести обычную присягу в судах и, следовательно, представлял угрозу надежному отправлению закона. Он не интересовался делами империи, но говорил о другом короле и его грядущем царстве, и он казался врагом римской власти. Он проводил то, что казалось тайными собраниями, хотя империя жестко подавляла все тайные общества. Он ослабил боевой дух солдата. Он разделил семьи — основу римского общества — против самих себя. Он был социалистом-уравнителем. Он угрожал разрушить все ремесла, связанные либо с установленным культом — как у серебряников в Эфесе, — либо с роскошью и развлечениями жизни. Эти развлечения в цирке или амфитеатре он ненавидел и поэтому казался человеконенавистником. Он не только стоял в стороне от религиозных обрядов государства и семьи, но и относился к ним с презрением или отвращением.

Более того, в то время он отказался признать единственный великий символ императорской власти. Это была статуя императора. Когда эта статуя была установлена в каждом городе, ни один разумный человек не понимал, что император на самом деле был богом, или что, когда перед статуей возжигали благовония, они возжигались самому императору как божеству. Но точно так же, как у каждого домохозяина был свой сопутствующий "Гений" — сила, определяющая его жизнедеятельность и благополучие, — который часто изображался в виде бюста с чертами самого человека, так и статуя Августа, "Его Высочество", олицетворяла Гений этого главы государства, а подношение благовоний было обращено к Гению с просьбой сохранить императора и императорскую власть "в здравии и богатстве надолго". Человек, отказавшийся сделать такое подношение, неизбежно считался неблагонадежным по отношению к величию и благополучию Главы государства, а следовательно, и к самому государству. Отношение Рима к ранним христианам было отчасти отношением современного правительства к нигилистам, а отчасти отношением поколения или двух назад к смеси крайнего радикала с крайним атеистом.

Нас здесь интересует не вся история гонений на христиан, а только ситуация во время и сразу после выбранной нами даты. По крайней мере, совершенно точно известно, что, когда Нерон сжигал христиан в 64 году, он обращался с ними не как с приверженцами религии, а как с социальными преступниками или помехой. Мы не знаем, насколько Пoppея повлияла на его представления о христианстве. По крайней мере, он верил, что радует население.

ГЛАВА XX

УЧЕБА И НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ У РИМЛЯН

При описании образования римского юноши, а также при изложении различных религиозных взглядов того времени упоминалось о стремлении к философии. Религия не давала реального руководства к нравственному поведению, а образование давало мало упражнений для развития высших интеллектуальных способностей. Философии оставалось заполнить эти пробелы, насколько это было возможно. В отличие от греков, римляне, какими бы великими они ни были в законотворчестве и управлении, не обладали природным даром или вкусом к абстрактному мышлению. Все философские секты были основаны и продолжены греками, и современный мир по-прежнему обращался к греческой половине империи за лучшими школами и преподавателями философии. Истинно римский дух во все времена испытывал некоторое недоверие к таким занятиям, особенно если они имели тенденцию уводить студента от практической жизни в "тень" и "уголок", или если они имели тенденцию ниспровергать традиционные представления о "долге", закрепленные римским правом, римскими обычаями и государственной религией. Тем не менее, не только многие римляне, даже зрелого возраста, прибегали к философским "университетам" того времени, но и богатые дома часто содержали домашнего философа, в обязанности которого входило давать нравоучения и интеллектуальное сопровождение своему работодателю. Некоторые, действительно, предпочитали простоученого, который мог бы "снабдить" их информацией о греческих писателях, объяснить трудности и вообще действовать как литературный *наставник*. Во многих случаях, если не в большинстве, римский аристократ или плутократ относился к такому слуге как к социальному низшему.

Римское отношение к мысли и обучению слишком часто напоминает определенный современный тип, который непочтительно описан как "смерть культуре". В то время как греки и грецизированный восточный народ любили исследования, дискуссии, диалектику, этические и научные беседы и литературные кружки сами по себе, римлянин чаще рассматривал такие вещи как средства для оттачивания своих способностей и придания отличия в социальном общении. Несомненно, были и оставались исключения. Ни один греческий философ не мог быть более серьезным, чем Лукреций, римский поэт поздней республики, и, несомненно, было немало неизвестных римлян, которые серьезно занимались греческой философией, а также пытались религиозно применять ее на практике. И все же по большей части римлянин, даже когда он пишет на подобные темы, несет в себе безошибочный вид любителя или дилетанта. Читая Сенеку, как и Цицерона, мы чувствуем, что имеем дело с способным человеком, обладающим превосходным даром популярного изложения или написания эссе, но вряд ли с человеком оригинальных философских устремлений или сильных практических убеждений. И когда мы читаем письма Плиния младшего, мы ощущаем искреннее восхищение людьми мысли и неподдельную симпатию к "вещам разума", но мы также замечаем, что его отношение к философам и философии строго такое, какое он считает "подходящим для джентльмена".

По-своему и в своих целях римлянин мог быть чрезвычайно прилежным учеником. Он стремился знать и обладать информацией; но его врожденный вкус был к информации положительного рода, к определенным фактам, более или менее энциклопедичным — фактам истории, науки, искусства, литературы или даже грамматики. Его природная склонность не была к чистым спекуляциям. Плиний старший был в расцвете сил в последние дни правления

Нерона, и хотя он, возможно, относится к экстремальному типу, тем не менее, это тип, достойный рассмотрения. Его племянник пишет письмо другу, в котором приводит внушительный список работ, написанных или, скорее, составленных дядей, кульминацией которых является тот огромный сборник, известный как его *Естественная история* - книга, посвященная не только географии, антропологии, физиологии, зоологии, ботанике, минералогии, но и изобразительному искусству. Как ему удавалось вести обычную жизнь римского чиновника и при этом достичь всего этого до того, как ему исполнилось пятьдесят шесть? Вот объяснение. "Он обладал острым умом, невероятным рвением и величайшей способностью к бодрствованию. Еще не наступил конец августа, как он начал работать при свете лампы задолго до рассвета; зимой он начинал уже в час или два ночи. Это правда, что он мог легко повелевать сном, который посещал и покидал его даже во время учебы. Перед рассветом он обычно отправлялся к императору Веспасиану, который тоже работал до рассвета, а оттуда приступал к своим обязанностям. Вернувшись домой, он посвятил оставшееся время учебе. После его *завтрака*, который, как и любая другая пища, которую он ел днем, был легким и усваиваемым в старомодном стиле, — если было лето, несколько свободных минут проводилось на солнышке; читалась книга, и он отмечал отрывки или делал выписки. Он никогда ничего не читал, не сделав выдержек, потому что обычно говорил, что нет такой плохой книги, в которой не было бы полезной части. После принятия солнечных ванн он обычно принимал холодную ванну. Затем он перекусил и провел очень короткую сиесту, впоследствии читая до обеда, как будто наступил новый день. Во время ужина была прочитана книга и сделаны пометки, все очень быстро. Я вспоминаю случай, когда читатель плохо прочитал определенный отрывок, после чего один из присутствующих остановил его и заставил прочитать еще раз. - Полагаю, вы уловили смысл? - спросил мой дядя. Друг кивнул. "Тогда почему вы ему перезвонили? Мы потеряли более десяти строк из-за вашего вмешательства". Он так экономил время. Летом он вставал после обеда, когда было еще светло, а зимой - через час после наступления темноты, словно подчиняясь какому-то закону. Таким был его день среди всей этой работы и городского шума. Но когда он был в отпуске, единственное время, когда он не занимался, было время купания. Под купанием я подразумеваю, когда он был на самом деле прямо внутри; потому что, пока он был под скребком и полотенцем, ему читали или диктовали. Путешествуя, он не думал ни о чем другом: рядом с ним был стенограф с книгой и своими планшетами. Зимой руки писателя были защищены варежками, так что даже резкая погода не отняла у него ни минуты. По той же причине даже в Риме он ездил в носилках (а не в носилках). Я помню, как однажды он отчитал меня за прогулку. Он сказал: "Вам не нужно было тратить впустую эти часы", поскольку он считал потраченными впустую все часы, не потраченные на учебу. Именно с помощью подобного приложения он завершил все эти тома, а также оставил мне сто шестьдесят записных книжек, полных избранных текстов, написанных очень мелким почерком с обеих сторон листа. Он сам говорил, что, когда он был финансовым агентом императора в Испании, он мог бы продать эти записные книжки Ларгию Лицинию за 3000 фунтов стерлингов, а в то время их было значительно меньше". ... "И вот, - пишет племянник, - я всегда смеюсь, когда некоторые люди называют меня прилежным, потому что по сравнению с ним я самый ленивый человек".

И все же, что делает этот "самый ленивый человек" сам в течение жизни? После полного ораторского образования типичного римского типа он начинает полноценную общественную карьеру. Он проходит минимальную военную службу в легионах Сирии. Он возвращается в Рим и доходит вплоть до консульства, приобретая особые способности в казначействе. Часто он

выступает в качестве советника других должностных лиц. Помимо своего общественного положения, он является защитником в судах. Он принимает видное участие в дебатах в сенате. Он принадлежит к одной из жреческих организаций. Он вносит свой вклад в обеспечение публичных игр. Он назначен "министром регулирования Тибра и канализации". Впоследствии он назначен губернатором Вифинии, которая пришла в финансовый разлад и требует реорганизации. Он владеет многочисленными поместьями, и ему приходится иметь дело со многими арендаторами. Он пишет речи, иногда стихи и большое количество писем, тщательно составленных с целью публикации. Его социальные или комплиментарные обязанности многочисленны и требовательны. Однажды он отправляется охотиться на диких кабанов в одном из своих поместий и убивает трех из них. Как, по-вашему, он проводит время, пока загонщики гонят животных к сетке? Он придумывает тему и делает заметки, и на самом деле находит тишину и уединение полезными. Он завершает свое короткое письмо на эту тему советом своему другу: "Когда пойдешь на охоту, последуй моему совету и возьми с собой письменные принадлежности, а также корзинку для завтрака и фляжку: ты обнаружишь, что Минерва бродит по холмам не меньше, чем Диана". Плиний Младший пишет, это правда, через поколение после Нерона, но за этот короткий промежуток времени в интеллектуальных вкусах римлян не произошло заметных изменений.

Возможно, римлянин и не имел особой склонности к абстрактному мышлению, но он не был праздным человеком. Даже императоры часто культивировали музу. Нерон, которого мы видели, писал стихи, в то время как его предшественник Клавдий имел странное сходство с нашим собственным Яковом I. Не только в отношении его слабости характера, но и в отношении его претензий на эрудицию и авторство. Мы едва ли можем читать литературу этого и следующих полувековых периодов, не поражаясь количеству имен писателей, которые приобрели или искали какую-то долю известности, хотя немногие из них оставили после себя произведения, достаточно важные, чтобы сохраниться до сих пор. Верно, что через все написанное того времени проходит так называемая нота "фальцета", факт, который отчасти объясняется отсутствием живых национальных вопросов или свободы их обсуждения, а отчасти ложными принципами риторического обучения, уже описанными. Общим желанием было продемонстрировать ум, начитанность и осведомленность; не было стремления к великому творчеству или проявлению глубоких чувств. Эпиграмма и "точка зрения" не менее сочетаемы в надрывном эпосе Лукана и в философских эссе Сенеки, чем в сатирах Персия. Вероятно, то, что было названо интеллектуальными "интересами", никогда не было так широко распространено, как в *Римском мире* первого и второго веков нашей эры. Из литературы мы узнаем, что было выпущено бесчисленное количество книг на темы, часто столь же особые и мельчайшие, как те, что были выбраны для диссертации по немецкому языку, и что почти в каждом городе, заслуживающем такого названия, по крайней мере в грекоязычной части империи, был своего рода автор. Но когда мы заглядываем в симпозиумы или беседы Плутарха или Авла Геллия, мы не можем не заметить, что значительная часть этой интеллектуальной и литературной деятельности растрачивалась на вопросы, либо стереотипные и затасканные, либо не имеющие заметной пользы ни для знаний, ни для поведения. Что касается дилетантских постановок в самом Риме, Плиний замечает в одном письме: "Этот год принес большой урожай поэтов: за весь апрель едва ли был день, когда кто-нибудь не читал". В поколении, в котором родился Нерон, и в поколении, следовавшем за ним, мы не встречаем больших творческих работ ни в прозе, ни в поэзии, никакого большого вклада в прогресс науки или мысли. Наиболее интересным писателем всего периода был грек Плутарх, но хотя *Параллельные жизни*, которые

он готовил, бессмертны в своем роде, и хотя его *Нравоучительные эссе* часто являются самым превосходным чтением, нельзя сказать, что он глубокий оригинальный мыслитель или создатель чего-то большего, чем обретающая литературную форму. Следующим по значимости, более ранним по времени, стоит Сенека, который, как и Плутарх, является живым мыслителем и искусным эссеистом, с такой же любовью к цитатам и такими же широкими интересами, но, конечно, не способным значительно расширить поле человеческой мысли. У тех, кто знает Монтеня, лучшее представление о Сенеке и Плутархе сложится, если вспомнить, что его эссе, по его собственному признанию, "полностью составлены из того, что я у них позаимствовал". Плиний старший снабжает нас выдержками и обобщениями существовавших тогда знаний или представлений, и у нас есть труды Колумеллы по сельскому хозяйству. Молодой и довольно неуклюжий сатирик Персиус видит жизнь, которую он критикует, скорее с помощью книг, чем своими глазами. Те произведения того периода, которые обрели какое-либо бессмертие, безусловно, интересны и часто поучительны, но они указывают на период, в который чтение было главным образом культивируемым развлечением, а к знаниям стремились скорее как к времяпрепровождению и достижению, чем как к силе. Любимое чтение должно содержать содержание или смысл, не слишком глубокий или требовательный; и оно должно обладать стилем. Возможно, такие разные писатели, как Драйден, Поуп, Гораций Уолпол, Сэмюэл Джонсон, Де Квинси, Маколей, или, на более низкой ступени, авторы сборников вроде *Литературных курьезов*, чувствовали бы себя как дома в тот период, но он не породил бы Шекспира, Мильтона или Вордсворта. Приятное стихотворение, хорошо выраженное эссе - это одобренное чтение для людей с ленивыми наклонностями: информативный сборник для более любознательных, серьезных или практично настроенных. Если ранняя империя - это "деспотизм, смягченный эпиграммой", то, возможно, не совсем неверно, что современная литература была педантизмом, смягченным эпиграммой или, по крайней мере, цитатой.

Наука, хотя и была достаточно привлекательной для практичного римлянина, находилась в тупике. Пока она существовала, она была греческой. Греки сделали почти все, что можно было сделать с помощью силы ума и проницательности. Они вряд ли смогли бы продвинуться дальше без тех более совершенных инструментов, которыми обладаем мы, но которых не было у них. Хотя они знали о существовании определенных увеличительных стекол, у них не было ни настоящих телескопов или микроскопов, ни морского компаса или хронометров, ни очень тонких весов. Они обладали великолепным мыслительным аппаратом и находили ему достойное восхищения применение. Современный ученый, как правило, не испытывает ничего, кроме восхищения их острой проницательностью и блестящими гипотезами, которые они изобрели и которые часто были всего лишь непроверенным предвосхищением или частичным предвосхищением теорий, вошедших сейчас в моду. На чем они остановились, так это на эксперименте по проверке гипотезы. Из всех достижений чистого мышления в области науки, возможно, величайшим было представление о том, что земля представляет собой не плоский диск, а сферу. Этой теории придерживались еще до эпохи Нерона древние астрономы и географы, которые вывели это понятие частично из лунных затмений, причину которых они хорошо понимали, а частично из появления объектов над горизонтом. Они поняли также, что в сфере существует притяжение к центру, и смогли таким образом представить себе ровную поверхность воды на земном шаре. Географ Страбон, живший более чем за поколение до выбранной нами даты, легко допускает, что если бы кто-то поплыл прямо на запад из Средиземного моря через Гибралтарский пролив, он в конечном итоге обогнул бы вокруг света восточным путем, то есть через Индию. Колумбу не оставалось ничего другого, как изобрести

эту доктрину. Это правда, что при расчете окружности земли они завышали ее на целых одну седьмую, но удивительно, что они подошли так близко к этому. Что касается расстояния до Луны, то они были не более чем на 1/12 от современной оценки. Вероятность ошибки при обращении с солнцем была намного больше, и пройденные 51 000 000 миль - это немногим более половины того, что должно было быть. Мы не можем точно сказать, насколько широко распространено было это учение о сферичности земли; вероятно, оно было почти ограничено теми, кто непосредственно интересовался этим вопросом. Теория, предвосхитившая Галилея, о том, что это земля движется вокруг Солнца, обсуждалась, но, безусловно, имела очень мало общего. Предположения не ограничивались такими астрономическими выводами. В области физической географии предпринимались рациональные попытки объяснить различные явления, такие как существование дельт или подъем уровня Нила, или появление морских раковин высоко на суше. Страбон, имея дело с Черным морем, выдвигает свои теории о возвышении или опускании суши. Он также предполагает, что предыдущие вулканические условия в определенных районах были спокойными до того, как память или традиции жителей исчезли.

[Иллюстрация: РИС. 113.—МИР В ПРЕДСТАВЛЕНИИ О 100 году н.э.]

Надежные методы определения широты и долготы тогда еще не использовались, и поэтому карта мира в соответствии с идеями, распространенными в первом веке, представляла бы для нас странный аспект. Существует много ошибок в расположении городов или округов на их параллелях; и побережья или горные хребты, особенно, конечно, на окраинах империи или в менее знакомых землях за ее пределами, возможно, направлены на север вместо северо-запада или на восток вместо юго-востока. Из этого следует, что измерения расстояний, особенно в более широких морях, часто были очень неточными, хотя в пределах Средиземного моря и около него наблюдалось такое интенсивное движение и такое пристальное наблюдение за звездами, что ошибки постепенно уменьшались. Моряк, когда он не следовал вдоль берега и не ориентировался по знакомым ориентирам, ориентировался по звездам, но о них у него были очень глубокие знания, к которым он присоединил тщательное наблюдение за преобладающим направлением ветров в различные сезоны года. Там была хорошо упорядоченная система маяков, и в картах и путеводителях для моряков недостатка не было. В зимние месяцы навигация на большие расстояния регулярно приостанавливалась, и корабли ждали весны в порту.

Что касается знакомства с миром, то у нас есть достаточно доказательств того, что торговец очень хорошо знал свой путь вдоль африканского побережья до Занзибара и вдоль южных берегов Азии до мыса Коморин. С Цейлоном его знакомство было смутным, и только по преданию он знал о Дальнейшей Индии по морю и о Китае по суше. Во внутренних районах Африки караваны достигали оазисов, и по Нилу или караванным путям шла торговля с Суданом. За пределами Гибралтарского пролива Канарские острова и Мадейра, известные как "Острова удачи" или "Острова Блаженных", были связаны с портом Кадис. Очертания Великобритании за пределами Англии были неопределенными, хотя было известно, что это остров, за которым лежат Шетландские острова. Ирландия также была признана островом, и ее относительный размер не был сильно искажен. Главным неправильным представлением в этом уголке Европы было представление об ориентации, поскольку Британия располагалась либо слишком близко,

либо слишком параллельно Испании (из-за большой ошибки в отношении формы Бискайского залива). Тем временем побережье Нидерландов и Германии было проложено по линии, слишком близко параллельной восточным берегам Британии. Скандинавия была известна благодаря мореплавателям и торговле янтарем, но обычно считалась большим островом. Знания о Балтике не простирались дальше современной Риги, а обо всем регионе от нее до Каспия имели лишь самые смутные представления.

Из того, что было сказано относительно вычисления диаметра Земли и расстояний до солнца и Луны, легко понять, что древний математик достиг больших успехов в геометрическом разделе математики. Это не должно вызывать удивления, если вспомнить, что подразумевается под "Евклидом". Этот выдающийся гений жил в Александрии за три с половиной столетия до эпохи Нерона, и он никоим образом не отражает всего, что было известно о такой математике в то время. Древние были вполне сведущи в решении треугольников, чтобы произвести необходимые вычисления в географии и астрономии, если бы только у них были подходящие инструменты. Возможно, только специалисту следует разбираться — даже в нескольких предложениях, необходимых для нашей цели, — в таких вопросах, как расчет вместимости и пропорциональных соотношений цилиндров, или в механике и гидростатике Архимеда. Этот философ настолько хорошо понимал законы применения силы, что хвастался: "Дайте мне место, на которое я могу опереться, и я переверну мир". То, что он и другие узнали о давлении жидкости или о шкивах, рычагах и других механических устройствах, не было утрачено греками и было заимствовано у них для полноценного практического использования римлянами. Они знали, как поднимать огромные тяжести и как метать тяжелые снаряды с помощью артиллерии, упомянутой ранее. В Александрии проводились эксперименты по использованию паровой энергии, но ни к чему практическому они не привели. Из их зданий и инженерных сооружений также очевидно, даже без явных заявлений, что они хорошо понимали распределение веса и законы устойчивости. Законы акустики были поняты с достаточной ясностью, чтобы с успехом применять их в театрах. В практическом измерении — повседневной необходимости для людей, постоянно занимавшихся выделением земель или разбивкой лагерей, — римляне были экспертами. В чистой арифметике современный мир значительно продвинулся вперед, например, в извлечении квадратных и кубических корней; но, как уже было сказано, интерес римлян был фактически ограничен такой арифметикой или математическими выкладками, которые, по-видимому, имели какое-то отношение к реальному использованию.

О химии в современном научном смысле древние почти ничего не знали. Эмпирически они были осведомлены об определенных свойствах, проявляемых веществами, и могли выполнять определенные манипуляции; но, подобно современным людям вплоть до самого недавнего времени, у них не было реального понимания количественных или качественных соотношений элементов. Давным-давно греческая философия, за которой последовала эпикурейская школа, выдвинула "атомную теорию", которая на первый взгляд удивительно похожа на современную химическую гипотезу; но она содержала странные и нелогичные черты и не имела никакой связи с реальной практикой. В этой области главным достижением мира того времени была металлургия, в которой процессы, открытые эмпирически, главным образом египтянами и финикийцами, были очень похожи на те, что используются сейчас. Они досконально разбирались в плавке руд, но не могли дать научного объяснения этим процессам. Ботаника находилась в очень примитивном состоянии, едва ли выходя за рамки тех знаний, которые требовались, с одной стороны, для ведения сельского хозяйства и садоводства, а с другой - для создания растительных лекарств, используемых современными врачами.

Врачевание того времени также, конечно, было в значительной степени эмпирическим, но, несомненно, едва ли более эмпирическим, чем это было примерно столетие назад, и явно более рациональным, чем это стало в средние века. Мы не можем себе представить, чтобы уважаемый врач в Риме прописывал тошнотворные средневековые нелепости. Практическая хирургия, должно быть, была удивительно продвинута вперед, и едва ли найдется современный хирург, который не воскликнул бы от восхищения инструментами, обнаруженными в Помпеях и ныне хранящимися в Неаполитанском музее (см. рис. 69). В медицине, конечно, с достаточной долей уверенности можно сказать, что многие средства или методы лечения были надежными и простыми, открытыми долгим опытом человечества и часто применявшимися нашими бабушками. Недостатком современной медицины было то, что она была почти полностью эмпирической. Древний хирург, несомненно, мог аккуратно выполнять обычные операции — ампутации и иссечения, и древний врач прекрасно знал, что делать с обычными жалобами — лихорадкой, приступами желчи, подагрой или водянкой, — но он был сбит с толку любыми новыми условиями. Более того, если он и мог диагностировать и лечить, то редко мог предотвращать, поскольку плохо разбирался в причинах болезней. Ему предстояло научиться всему, что касалось санитарии и предотвращения инфекций. Чума иногда убивала половину населения города или района, и гибель 30 000 человек в метрополии, вероятно, показалась бы большинству римлян посещением богов, и нет уверенности, что врачи в целом не согласились бы с этой точкой зрения. Хотя шарлатанов было много, дело не в том, что уважаемым медикам — большинство из них греки, некоторые из них римляне, которые позаимствовали греческое название, потому что оно "окупалось", — не хватало научного духа или таких знаний, какие позволяло время. Они посещали медицинскую школу в Александрии или где-либо еще и изучали трактаты по физике и анатомии, но, по крайней мере, по последнему предмету, испытывали серьезные трудности. Вскрытие человеческих тел было запрещено законом как осквернение мертвых, и хотя иногда это могло практиковаться *sub rosa*, было обычным делом проводить вскрытия других животных, особенно обезьян, и на основании этого ошибочно утверждать человечество.

ГЛАВА XXI

ФИЛОСОФИЯ — СТОИКИ И ЭПИКУРЕЙЦЫ

При таком неудовлетворительном оснащении науки и при такой расплывчатой и морально неэффективной религии неудивительно, что высшие умы современного мира обратились к изучению философии. При таких исследованиях существовало множество школ или сект, но на сегодняшний день нам приходится считаться главным образом с двумя — стоиками и эпикурейцами. Были, это правда, академики, которые оспаривали все и не считали ни одну доктрину более истинной, чем противоположная ей. Были эклектики, которые выбирали. Но большинство тех, кто придерживался позитивной философии, придерживались либо стоической, либо эпикурейской системы, не обязательно с ортодоксальной жесткостью по каждому пункту, но в качестве общего руководства — по крайней мере в теории — к образу жизни. Там, где мы принадлежим к определенной религиозной деноминации или церкви и "подчиняемся" определенному классу проповедников, они принадлежали к определенной философской школе и посещали лекции определенных ее толкователей. Вместо капеллана или приходского священника они наняли эксперта по своей специальной системе. Но точно так же, как заметил француз: *"Если я католик, то могу и не практиковаться"*, — так и человек в принципе может быть хорошим стоиком, не особо применяя общепринятые доктрины. Различие

между догматами двух великих школ было большим, но внутри самой каждой школы отдельные люди могли отличаться так же сильно, как "Широкая церковь" от того, что можно назвать ее противоположностью. Выбор между двумя школами был в основном вопросом темперамента. Людей более сурового склада ума, сравнительно мало заботящихся о физических удобствах и милостивых утехах жизни, обладающих сильным чувством долга и приличия — склонных, возможно, не только к благочестию и самоотречению, но и к некоторой суровости и бескомпромиссности, — естественно, привлекал стоицизм. Сторонники комплементарного характера предпочитали доктрины Эпикура. Стоики были фарисеями, эпикурейцы - саддукеями языческой философии. Поскольку фарисеи были самыми иудаистскими из евреев, именно стоицизм стал характерным римским вероучением. Обычный римлянин был воспитан в традициях подчинения закону государства и требованиям долга; у него были высокие представления о личном достоинстве и склонность к героическим добродетелям. Дайте ему сильную, последовательную и возвышающую религию, и он, как правило, был бы набожным человеком. Стоицизм снабдил его стандартом, который соответствовал таким тенденциям. В эпикурействе не было ничего героического или возвышающего.

Короче говоря, и потому грубо, эпикурейская доктрина заключалась в том, что счастье - это цель жизни. То, к чему люди стремятся и имеют право стремиться, - это самое приятное существование. Наше поведение должно доставлять нам как можно больше настоящего удовольствия. На первый взгляд, это похоже на то, что его враги презрительно называли "философией свинарника". Это никоим образом не означало этого для его основателя. Ибо что такое "удовольствие"? Ни в коем случае не обязательно удовлетворение от момента, физического или иного. Настоящее удовольствие может означать будущую боль, как телесную, так и душевную. Неправильные действия и скотские наслаждения влекут за собой собственное наказание. Вы должны делать мудрый выбор и так направлять свою жизнь, чтобы меньше всего страдать и получать наибольшее удовольствие. Воздержание и мудрость, следовательно, являются добродетелями, необходимыми истинному эпикурейцу. Вы желаете здоровья; поэтому вы будете жить, как жил Эпикур, питаясь простой и полезной пищей. Вы желаете спокойствия или умиротворения ума; поэтому вы будете воздерживаться от всех порочных действий и удовольствий, желаний и эмоций, которые нарушают этот покой. Короче говоря, то, к чему следует стремиться, — это не что иное, как это благодарное спокойствие ума - то, чего вы не можете иметь, если вы всегда хотите того или иного и либо злоупотребляете своими телесными или умственными функциями, либо без необходимости унижаете себя. Для простого человека это, очевидно, означало "Относись к жизни легко и не волнуйся". Естественно, представления простого человека о том, как легко относиться к жизни, превратились в представления о том, как получать удовольствия по мере их поступления, лениво принимая приятные стороны жизни и не чувствуя потребности выполнять большую часть своих обязанностей. Для возвышенного философа очень хорошо избегать удовольствия, чтобы избежать причиняемой им боли, и понимать, что удовольствие ума стоит большего, чем удовольствие тела, но нельзя ожидать, что обычный ученик - человек с чувственными чувствами — поймет это отношение с достаточной сердечностью, чтобы применить его на практике. Из этого следовало, что эпикурейцы были склонны не только лениться, но и становиться порочными или легкомысленно относиться к порокам. На самом деле это не было истинным эпикурейством, и Эпикур не виноват в этом; это просто показывает, что эпикурейство, каковы бы ни были его логические или иные достоинства, не давало достаточных стимулов для правильной жизни. Что касается теологии, позиция школы заключалась в том, что вполне могут существовать такие вещи, как высшие существа — в

философии физики не было ничего, что делало бы их более невозможными, чем человек или рыба, — но если они и существовали, то их не касались дела человека; его моральное поведение, как и его жертвы и молитвы, не было предметом их рассмотрения. Поэтому не нужно позволять суевериям беспокоить вас или беспокоиться о будущем наказании. Ведите свою жизнь в соответствии с теми же изложенными принципами, и пусть боги — если они есть — позаботятся о себе сами. Естественным результатом такой позиции является то, что перестать уважать богов означает перестать верить в них, и, как сказал один римский писатель: "Теоретически это оставляет нам богов, на практике это упраздняет их".

Другая школа — школа стоиков - возможно, менее понятна, и нельзя сказать, что ее доктрины всегда были столь последовательными. Опять же, мы можем изложить позицию кратко, и поэтому, возможно, лишь приблизительно. Правило жизни - жить так, как предписывает "природа". У природы есть свои законы, которым вы не можете безнаказанно не повиноваться. Закон природы - это разум Бога. Материальная вселенная - это тело, Бог - его душа, и Он направляет работу природы с предвидением и совершенной мудростью. Если только человека можно заставить действовать в строгом соответствии с разумом Бога - или законом природы, — он уверен в совершенном благополучии, потому что он ничего не может делать так, как этого не следовало бы делать. Если он только сможет достичь такого совершенного функционирования своих ментальных процессов, он обязательно станет совершенным оратором, совершенным правителем, совершенным ремесленником, совершенным исполнителем любой задачи, включая обеспечение собственного счастья. Несомненно, это достаточно логично, но как достичь таких правильных умственных операций и стать тем, кого называли "мудрецом"? Только действуя всегда в соответствии с разумом, а не со страстью. Это и только это является "добродетелью". Божественный разум не подвержен влиянию страсти - надежды, страха, ликования или горя, — но только и всегда руководствуется разумом. Поэтому учитесь повиноваться разуму, только разуму. Не позволяйте сбить себя с истинного пути страху перед угрозами, даже перед смертью, или горю, даже за ваших самых дорогих друзей. Такие чувства искажают ваш разум, сбивают с толку ваши суждения и отклоняют вас от правильного курса. Когда страсть—чувство - вступает в конфликт с разумом, вы должны прогнать чувства прочь. Ваш разум не всегда может быть правильным; тем не менее, это лучшее руководство, которое у вас есть, и вы должны развивать его, чтобы действовать как можно более правильно. Помните, что сила действовать в соответствии с божественным разумом — законом природы — заключается в вашей собственной воле; внешние факторы не имеют ничего общего с этим прямым ходом событий — они не могут помочь вам, и вы не должны позволять им мешать вам. Состояние вашего ума - это все; пока он работает правильно, вы живете правильным образом. Ваш ум может действовать так же правильно в бедности, как и в богатстве; вы можете быть одинаково мудры и добродетельны, независимо от того, есть у вас внешние преимущества или нет. Поэтому вы должны научиться игнорировать эти вещи — боль, горе, страх, радость и все другие возмущающие факторы. Поэтому культивируйте здравый смысл и отсутствие эмоций.

Это, скажете вы, очень высокий, недостижимый, если не сказать бесчеловечный стандарт. Именно так, и поэтому, хотя эпикурейство часто порождало порочных людей, оно часто порождало притворщиков и даже лицемеров. Тем не менее, лучше устанавливать для себя высокие стандарты, чем низкие, и римлянин, который пытался контролировать себя с помощью разума и поставить себя выше страха и боли, таким образом, был на пути к тому, чтобы быть храбрым, терпеливым, правдивым и справедливым. Тем, кто хочет понять, какой высокий характер может быть связан со стоицизмом — будь то результат или мотив выбора школы, —

следует прочитать Эпиктета, чей текст, написанный в начале следующего столетия, назывался "терпи и воздерживайся", а также великодушного кроткого императора Марка Аврелия.

Логическим итогом стоицизма было то, что вы должны говорить только то, что одобряет разум, и говорить это без страха. Это хорошая республиканская добродетель, но при императорах опасная, как выяснил такой честный стоик, как Тразея. На практике, естественно, жесткая стоическая позиция во многом смягчалась: требования реальной жизни приходилось удовлетворять частично, и как греческие, так и римские стоики часто были стоиками лишь частично — полный "мудрец", конечно, был невозможен.

Что касается богов, очевидно, что стоики были пантеистами; был один Бог, и Он был душой вселенной. Они также, конечно, признавали Его провидение. Что же тогда было с богами государства? Некоторые не пытались обсуждать их. Другие рассматривали различные так называемые отдельные божества в списке как лишь некоторые проявления или аватары одной и той же божественной силы, и были ли они довольны или нет этой попыткой гармонизации, кто скажет?

Между тем, по крайней мере, в восточной части империи, вы могли бы встретиться с философом другого типа, циником, принадлежащим к той же школе, что и знаменитый Диоген, который жил в большом глиняном кувшине, широко известном как его "ванна". Подобно Стоику, Циник считал, что внешние блага не имеют никакой ценности, и поэтому довольствовался куском хлеба, кошельком, полным бобов, и кувшином воды. Подобно стоику, он верил в совершенную свободу слова, и поэтому громко и часто оскорбительно отзывался обо всех без исключения, кто, по его мнению, этого заслуживал. Некоторые из таких людей, несомненно, были достаточно искренни, подобно прежним отшельникам или монахам-проповедникам, но многие из них были просто праздными и злобными самозванцами, которые вполне заслуживали того имени "собака", которое им обычно давали и которое стало обозначать их школу.

Упоминание о самозванцах и лицемерах естественным образом подводит нас к моменту, который, возможно, был предвиден. Для древнего мира профессиональные философы были ближайшим приближением к нашему профессиональному духовенству. Они соответствующим образом изменили внешность; и философа обычно узнавали по его длинной бороде, грубому плащу и посоху. Но, увы! было много таких, кто позорил свое одеяние. Были учителя-стоики, которые практиковали всевозможные тайные пороки и чье поведение находилось в вопиющем противоречии с их кредо об "отсутствии эмоций". Было не только много ханиманов, но и много Стиггинсов. Были бездельники и бродяги, стоявшие на одном уровне с нищенствующими монахами и продавцами помилований времен Чосера. Были напыщенные лицемеры. Также бок о бок с серьезным философом, столь же глубоко изучившим книги своей секты, как современный богослов, были шарлатаны и дилетанты. К сожалению, именно в этом последнем свете апостол Павел явился профессиональным учителям-стоикам и эпикурейцам из Афин. Они были законченными продуктами философских школ самых известных университетов, в то время как они предполагали, что он преподает какой-то новый вид философии. Философы были склонны к странствиям, и на святого Павла смотрели как на еще одного из этих новоприбывших. В его языке они обнаружили то, что казалось заимствованными понятиями, не связанными последовательно друг с другом, и поэтому называли его именем, которое нелегко перевести. Буквально это "собиратель семян", то есть ученый, который собирает обрывки от более глубоких людей и раздает их с важным видом. Возможно, самое близкое, хотя и недостойное слово - "шарлатан". Практически несомненно, что Павел обладал знаниями греческой философии, и

особенно стоицизма. Он был родом из Тарса в Киликии, а Киликия была родиной многих ведущих стоиков, включая ее величайшего представителя во всей древности. Его учил Гамалиил, который был сведущ в "учености греков". Его выступление в Афинах было намеренно рассчитано на то, чтобы иметь отношение к философии присутствовавших экспертов, но неизбежно могло содержать лишь несколько характерных намеков, которые мог бы уловить даже дилетант, и мы вряд ли можем винить специалистов за их ошибочные суждения. Как он сам говорит: "Греки требуют философии, но мы провозглашаем распятого Мессию, который для евреев является камнем преткновения, а для греков - безумием".

Дальнейшее обсуждение моральных идей римского мира потребовало бы больше места и времени, чем можно себе позволить здесь. Возможно, однако, стоит упомянуть, что самоубийство обычно — и особенно стоиками — рассматривалось как естественный и безупречный поступок, когда казалось, что спокойный разум оправдывает это действие, и когда должное внимание уделялось социальным требованиям. Добиваться эвтаназии в таких случаях было актом мудрости. Вера в подземный мир или загробную жизнь не была редкостью среди простых людей, но она, безусловно, не имела силы среди культурных классов. Этому не учили ни философия, ни государственная религия. И все же ощущение того, что награды или наказания в этом мире назначаются несправедливо, было сильно во многих умах, и это один из фактов, объясняющих влияние, которое оказала на такие умы сначала религия Исиды, а затем в еще большей и незыблемой мере христианство.

ГЛАВА XXII

РИМСКОЕ ИЗОБИЛИЕ ОП - АРТА

[Иллюстрация: рис. 114. УМИРАЮЩИЙ ГАЛЛ.]

[Иллюстрация: рис. 115. — "КАНДЕЛЯБРА" Или МРАМОРНАЯ ПИЛЯСТРА БАЗИЛИКИ ЭМИЛИЯ.]

[Иллюстрация: РИС. 116.—ФРАГМЕНТЫ АРХИТЕКТУРЫ РЕГИОНА.]

Было бы более чем приятной задачей подробно остановиться на искусстве римского мира этого периода, но тема обширна и требует отдельного трактата. Насколько всеобщей была любовь к искусству — или, по крайней мере, признание его места в жизни — должно быть очевидно тем, кто видел великолепные коллекции в Риме, собранные частично в самом городе, а частично в поселках и загородных "виллах" Италии, и те, что хранятся в Национальном музее в Неаполе, приобретенные в основном из погребенных городов Помпеи и Геркуланум. Нас поражает не только количество статуй, изваяний, бюстов, рельефов, картин, мозаичных камней и камей, а также предметов художественной обработки и утвари, которые сохранились, в то время как многие тысячи подобных изделий исчезли в пожарах Рима, вандализме невежд или в печах и плавильных котлах средневековья. Качество по-прежнему является источником восторга в большей степени, чем количество. Последнее предложение, конечно, содержит прописную истину, поскольку искусство не доставляет удовольствия без высокого качества. Если бы мы только сохранили для нас такие шедевры, как Капитолийская Венера, Умирающий Галл, Лаокоон, Танцующий фавн, так называемый Нарцисс и Отдыхающий Меркурий, мы бы получили некоторое представление об утонченном мастерстве в пластическом искусстве, которое было достигнуто в древности и с тех пор не было достигнуто никогда. Но мы, возможно, могли бы

вообразить, что это были совершенно исключительные изделия и самые отборные драгоценности, которыми обладал мир того времени. Тем не менее, их сохранность - всего лишь случайность, и нет никаких оснований полагать, что они являются чем-то большим, чем пережитки многих столь же превосходных. Напротив, наши древние авторитеты, такие как Плиний старший, доказывают, что множество подобных творений содержалось только в общественных зданиях. Помпеи, как уже неоднократно говорилось, были провинциальным городом, никоим образом не отличавшимся высокой культурой своих жителей; и все же едва ли найдется сколько-нибудь уважаемый дом, который не представлял бы собой какой-нибудь образец изящного искусства в той или иной форме. Мы знаем, что некоторые римские храмы, такие как храм Согласия на Форуме и храм Аполлона на Палатине, были настоящими галереями шедевров; и что богатые римляне украшали свои городские дома и загородные виллы десятками статуй, колоссальных, в натуральную величину или миниатюру, работы выдающихся мастеров. Но еще более поразительным является тот факт, что в сравнительно небольших домах Помпей часто хранились работы, за которые сейчас никакая цена не была бы слишком высокой и о которых мы довольствуемся даже относительно хорошей копией. В Геркулануме, очевидно, жили люди более утонченные в литературном и художественном отношении, чем в Помпеях, и находки, сделанные в этом городе, раскопанном лишь частично, сами по себе представляют собой неисчислимо богатое зрелище. Что же тогда было бы с Неаполем, Байями, курортами вдоль всего побережья вплоть до Тибра, роскошными виллами на Альбанских холмах и самим великим мегаполисом?

Однако факт всеобщего признания искусства едва ли можно сделать столь впечатляющим благодаря этим собранным образцам безупречного вкуса и безупречного исполнения, как при случайном наблюдении за тонкой и изящной отделкой какой-нибудь лепнины на случайном фрагменте здания, таком как базилика Эмилия или офис Понтифекса на Форуме, или изящной резьбой в виде вьющегося плюща на чаше из Геркуланума (рис. 56), или изящным рисунком, нанесенным на предмет не более важный, чем ведро (рис. 58), или изящной формой, приданной домашней лампе (рис. РИС. 54). Вряд ли можно было допустить, чтобы вода лилась в перистиле или саду без того, чтобы это не происходило из какой-нибудь очаровательной статуэтки, фигурки животного, декоративной маски или головы. Когда в подобных вещах ищут изобразительное искусство, мы можем догадаться, насколько бескомпромиссно его искали в вещах, более откровенно выставленных "напоказ".

Эпоха, с которой мы имеем дело, пришла на самый расцвет римского, или, скорее, греко-римского, вкуса и мастерства. Сто лет спустя и вкус, и исполнение пришли в упадок, и к эпохе Константина — через два с половиной столетия после Нерона — ни один художник не мог претендовать на создание таких работ, которые принадлежали множеству в период правления Августа и Адриана.

На самом деле маловероятно, что даже в наше время можно было соперничать с широкой и благородной простотой древних греческих мастеров. Маловероятно, что большинство из сохранившихся до сих пор прежних произведений искусства могли быть созданы как оригиналы каким-либо греческим или римским художником, жившим во времена Нерона. Тем не менее техническое мастерство по-прежнему оставалось превосходным, и хотя современный художник не мог создать великолепный оригинал, он, по крайней мере, смог создать почти идеальную копию. Римские общественные здания и частные дома были обогащены множеством таких копий или, если не точными копиями, модификациями, которые, хотя и не были улучшениями,

были, по крайней мере, такими, которые не могли оскорбить отсутствием технического мастерства. Допустим, что художниками были по большей части греки; тем не менее грек является активным членом римского мира и его столичной жизни, и он выполняет свои работы по заказу римского государства или римского покровителя; и поэтому искусство того времени заслуживает того, чтобы называться римским в этом смысле. Нет никаких сомнений в том, что римляне, будь они предоставлены самим себе, развили бы только солидность, или великолепие, или барокко. Но влияния, проникающие в общество, являются частью этого общества, и греческое влияние, принятое римлянином, становится римским принципом.

Возможно, верно также и то, что многие римляне, обладавшие прекрасными произведениями искусства, и даже изысканными, на самом деле не были истинными ценителями; что, даже если бы они и были, им не хватало поучительной и горячей оценки искусства само по себе; и что, подобно его воспитанию в интеллектуальном обществе или учености, его воспитание в искусстве было скорее занятием человека, решившего быть на одном уровне с культурой своего времени. Тем не менее, факт очевиден: культивация существовала и проявлялась в общественной архитектуре и в украшениях домашнего обихода таким образом, что современному миру становится стыдно. У нас искусство - роскошь для немногих и живое наслаждение для еще меньшего числа; в эпоху Нерона оно проникло в жизнь каждого класса.

В архитектуре исконно римский дар практичности сочетался с массивностью и грандиозностью. Сооружениями, в которых они сами преуспели, были амфитеатр, общественные бани, триумфальная арка, базилика, мост и акведук. Их мастерство в создании арки, превосходный бетон и инженерный гений позволили им создавать работы такого рода, которые не имели аналогов в греческом мире. Греки также не испытывали такой же потребности в подобных зданиях. Они не были причастны к гладиаторским зрелищам и, к сожалению, были слишком невинны в отношении масштабных концепций в области водоснабжения. Когда в греческой половине империи появился амфитеатр или акведук римского типа, он был построен под римским влиянием. Современный человек вполне может позволить себе удивляться изобилию подобных сооружений в древнем мире и завидовать им. Насколько благородной и в то же время мощной была работа римлян, когда они взялись снабжать водой даже провинциальный город в изобилии и достаточном количестве, видно по таким акведукам, которые до сих пор можно увидеть в Ниме (рис. 1) или в Сеговии. В других архитектурных концепциях римляне времен Нерона в основном следовали примеру греков и нанимали греческих художников. Архитектурные "ордена" были греческими, с различными греко-римскими модификациями, особенно в виде более витиеватых или фантастических коринфских капителей; представления о скульптурном декоре в равной степени имели эллинское происхождение. Их театры также были греческого типа, в незначительных деталях приспособленные к несколько иным условиям римского представления. Греческий вкус в украшении был проще и чище: римлянин культивировал роскошь и витиеватость, иногда с заметным успехом, часто с чрезмерным эффектом. Как говорит Фридлендер (который, однако, имеет дело с гораздо более длительным периодом, чем наш): "Нигде, и меньше всего в Риме, важное общественное здание не возводилось без участия резчика, штукатура, резчика по дереву, основателя, живописца и мозаичника. Статуи, поодиночке или группами, заполняли фронтоны, крыши, ниши, промежутки между колоннами, лестницы в храмах, театрах, амфитеатрах, базиликах, общественных банях, мосты, арки, порталы и виадуки . . . На вершинах триумфальных арок обычно были изображены конные фигуры, трофеи, колесницы, запряженные четырьмя или шестью лошадьми, управляемыми фигурами победителей. Рельефы

и медальоны украшали фриз, а стены - рельефы или росписи; потолки были украшены лепниной или цветной резьбой, а полы - сверкающей мозаикой. Весь архитектурный каркас, опоры, пороги, перемычки, молдинги, окна и даже водосточные желоба были перегружены декоративными фигурами".

Современный мир был невероятно богат прежде всего пластическим искусством. Мало того, что ни одно общественное здание не могло обойтись без таких украшений, как упомянутые выше; ни один частный дом с наименьшими претензиями не обходился без своих статуй, бюстов, статуэток, резных рельефов и лепнины. Никогда еще мраморные или бронзовые скульптуры не были в таком изобилии в каждой части империи, на общественных площадях или в домах представительных людей — в приемных залах, перистильях, садах или колоннадах. Портретные статуи в крупнейших городах исчислялись сотнями, а иногда и тысячами. Люди, отличившиеся на войне, в литературе, в общественной жизни и в местных благотворительных акциях, были так же регулярно увековечены статуями или бюстами, как в наше время - нарисованными портретами. Иногда — в отличие, конечно, от современных портретов — за них платил получатель комплимента. На сравнительно неважном форуме Помпеи стояли пять колоссальных статуй, от семидесяти до восьмидесяти конных статуй в натуральную величину и столько же стоящих фигур, в то время как общественные здания, окружающие это открытое пространство, насчитывали по дюжине-двадцати человек в каждом. Как уже было сказано, большинство лучших скульптурных работ — за исключением этих бронзовых и мраморных портретов современников — были репродукциями греческих шедевров, датируемых временами Фидия и далее. Особенно римлянин повлиял на более сложные работы периода более поздних "македонских" царей. Там, где само произведение не было точно скопировано, оно, по крайней мере, содержало основную концепцию или мотив. Естественно, из этого следовало, что существовало бы множество копий одного и того же произведения, и, приобретая их, как публика, так и домовладелец чувствовали бы себя избавленными от любой опасности выдать неправильный вкус. Мастерские греческих художников изготавливали большое количество произведений искусства — Фавна, Венеру или Дискобола — по ценам от 50 фунтов стерлингов или около того. Отсюда также следовало, что существовало множество подделок, выдаваемых за оригиналы, и многие богатые люди хвастались обладанием "оригиналом" или подлинным "старым мастером" — Праксителем или Лисиппом, — когда у него была всего лишь искусная репродукция. То же замечание относится не только к статуям, но и к жанровым группам и животным формам, прекрасные образцы которых можно увидеть в музее Ватикана, а также к серебряным кубкам работы "Ментор" или к бронзе из Коринфа. Петроний, грубый, но остроумный "арбитр вкуса" при Нероне, насмехается надвульгарным *нуворишем*, который вообразил, что коринфская бронза - работа художника по имени Коринф.

[Иллюстрация: РИС. 117.—НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ. (Женщина с табличками.)]

[Иллюстрация: РИС. 118.—НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ Из ГЕРКУЛАНУМА. (Женщины играют костяшками пальцев.)]

Следом за скульптурой пришла живопись, и в этом искусстве сами римляне, по-видимому, часто приобретали технические навыки, соперничавшие с греческими. Существует также множество свидетельств того, что среди художников-живописцев было немало женщин. Для нас практически единственная сохранившаяся роспись того времени - это роспись на стенах частных домов, и вполне вероятно, что мы видим как одни из худших образцов в своем роде, так

и другие высокого уровня. Нетрудно отличить подлинно художественный дизайн и колорит настенных росписей в доме Веттий или "Трагического поэта" от грубой работы подмастерьев в ряде других помпейских домов, которые, должно быть, принадлежали кому угодно, но не знатокам. Следует помнить, что картины были древними обоями, так же как и старинные картины. Здесь, как и в скульптуре, мы находим те же или схожие мотивы и группировки, повторяющиеся таким образом, что это показывает, что художник — или, скорее, сотрудничающие художники — должно быть, воспроизводили или адаптировали оригинал, который вызывал особое восхищение или вошел в моду. Настенные рисунки, выполненные в виде фресок или темперы и в различных размерах, делятся на четыре основных класса. Здесь есть пейзажи, от довольно реалистичного сада до фантастического участка моря и суши, разнообразного лесами, скалами, фигурами и зданиями. Здесь есть сюжеты из мифологии и поэтической "истории" или легенды, в основном представляющие "моменты драматического интереса". Есть жанровые картины, например, где Купидоны выступают в роли ювелиров, торговцев маслом или вином. Наконец, есть натюрморты с рыбами, птицами, фруктами и другими предметами, которые часто вызывают восхищение в своем роде. Обрамлением или декорацией ко многим сценам служат архитектурные картины — иногда в сложной, но очень искусной перспективе, но часто крайне нереальные и запутанные по замыслу, — представляющие колонны и фронтоны зданий. Здесь достаточно привести один или два характерных примера из множества найденных настенных росписей (см. также рис. 43, 44).

Хотя сами римляне и даже высокопоставленные лица иногда увлекались изобразительным искусством, бесспорно, что они обычно рассматривали профессионального художника всего лишь как превосходного торговца. Они восхищались его мастерством, но не слишком уважали этого человека. Римский рыцарь или римская дама могли время от времени рисовать для удовольствия; сам Нерон мог смоделировать фигуру или взять в руки кисть; но как только искусство переставало быть дилетантским и становилось призванием, как только его работа производилась за плату, художник становился в один ряд с другими наемниками, каким бы высшим он ни был натурой. Сенека выражает открытое презрение, хотя, возможно, здесь, как и везде, он придерживается более строгих стандартов, чем его современники в целом. В какой-то степени такое отношение объясняется самим изобилием предметов искусства и огромным количеством художников, ныне безымянных, принадлежащих к тому периоду; это также в какой-то степени извиняется тем фактом, что мастерство, каким бы непревзойденным оно ни было, в тот период не сопровождалось оригинальностью великих греческих времен, из которых оно было заимствовано. Большая часть работы — особенно, возможно, в покраске и чеканке по металлу — выполнялась рабами. Помимо этого соображения, студий было так много, а преподавали так хорошо, что, должно быть, тысячи людей работали либо в одиночку, либо совместно, чье положение, каким бы превосходным ни было выполнение работы, стало аналогичным положению художника-декоратора. Для росписи стены фресками несколько художников нанимались вместе. По всему римскому миру, где бы ни требовались произведения искусства, профессионал путешествовал, часто со своими помощниками, и заключал контракт. Выражаясь современным языком, сообщества, которым требовался какой-либо памятник искусства, "объявляли тендеры" и были склонны соглашаться на самый низкий уровень.

Каким бы изобилием искусства римский мир ни культивировал и чем бы им ни обладал; каким бы необходимым для общественного места ни было множество зданий с роскошным декором в виде скульптурных колонн, статуй или триумфальных арок; каким бы необходимым для частного дома ни были оригиналы, предполагаемые оригиналы и копии в виде скульптур, картин, бронзы,

мозаики и других средств художественного украшения; очень сомнительно, чтобы сколько-нибудь большое количество римлян испытывало то спонтанное наслаждение красотой искусства, которое известно как подлинное "художественное чувство". В их литературе мы тщетно ищем какого-либо выражения энтузиазма по этому поводу. Есть много ссылок на произведения искусства, но ни одно из них не излучает интенсивного тепла. Несомненно, искусство было настолько распространено, что, как уже было сказано относительно понимания естественной красоты, отсутствие "фонтанирования" не обязательно должно указывать на отсутствие настоящего наслаждения. Удовольствие было, но, по-видимому, по большей части это было удовольствие либо коллекционера, либо человека, который понимает, что оценка искусства требует большого места в культуре, и который полон решимости быть таким же обеспеченным и информированным, как и его сосед, в то время как его суждение о произведении искусства, хотя и далеко не безрассудное, а часто превосходное с точки зрения принципов дизайна и технического исполнения, в основном является результатом целенаправленного обучения и культа, и, как следствие, несколько холодное и отстраненное.

[Иллюстрация: рис. 119. —ЛИРА И АРФА.]

Римляне страстно любили музыку, но сама музыка имела такое описание, которое, возможно, вряд ли соответствовало бы современным представлениям, особенно представлениям северной Европы. Использовались в основном арфа, лира и флажолет (или флейта, на которой играли с мундштуком). К ним мы можем добавить для процессий прямую трубу и изогнутый рожок, а для более оргиастических случаев или торжеств - свирели, тарелки и бубен или литавры. Исполнители с Востока играли на определенных струнных инструментах, не сильно отличающихся от лиры и арфы Греции и Италии. Женщины из Кадиса использовали кастаньеты. Гидравлические органы с трубами и клавишами входили в моду, и волынки тоже были достаточно знакомы. При использовании всех этих инструментов древние ничего не знали о гармонии партий; для них гармония и концерт подразумевали не более чем унисон или разницу в октавах. Какие бы эмоции ни вызывала музыка, созданная таким образом, невозможно представить, что они были настолько интенсивными или тонкими, на какие способны современное искусство и инструменты. Помимо профессионалов, многие римские юноши и большинство римских девушек учились как играть, так и петь, причем наиболее востребованным инструментом была арфа, а учитель игры на арфе пользовался высочайшим уважением и получал самое высокое вознаграждение. Жертвоприношения регулярно сопровождалась флажолетом; процессии - им и трубой; обряды Вакха - дудками, тамбуринами и цимбалами; представления в театре - огромным оркестром из различных инструментов; более изысканные ужины - флейтой, арфой, концертом двух инструментов, пением и другими более грубыми и захватывающими представлениями, которые приходились по вкусу хозяину или его компании. Самые знатные дома содержали свой собственный хор и оркестр из рабов; менее состоятельные нанимали музыкантов по мере необходимости. Что касается самих римлян, то некоторые религиозные церемонии требовали, чтобы мальчики и девочки пели хором; и чисто по-домашнему женщины в доме играли на арфе и пели. Там, где было пение, слова доминировали над музыкой, а не наоборот, но отрывки из недавних популярных произведений пели и напевали на улицах ради того, чтобы подышать свежим воздухом, точно так же, как это происходит в наше время. Мы не можем представить себе ни одно римское празднество без обилия музыки. Когда весной в Байе на берегу Неаполитанского залива отдыхающие этого курорта катались по Лукринскому озеру на своих украшенных цветами гондолах или лодках с разноцветными парусами, музыканты были не менее заметны, чем сейчас, при каждом удобном

случае на водах того же залива или вечером на Большом канале в Венеции. В истинно греческой части империи музыка, хотя и не более развитая по методике, была по большей части более утонченной и суровой; но в Александрии — где это было равносильно мании — влияние исконно египетского стиля, смешанного с более страстными греческими манерами, породило музыку чрезвычайно волнующую и в высшей степени деморализующую.

В целом, можно с полным основанием утверждать, что музыка играла по меньшей мере такую же важную роль как в домах, так и в общественных развлечениях древних римлян, какую она играет в современной Италии. Артисты были столь же тщательно подготовлены, публика столь же критична и восприимчива, личные манеры музыкантов столь же характерны, а их воздействие на эмоциональных поклонников противоположного пола столь же велико, как и в наши дни. Разница между двумя эпохами заключается в природе самой музыки и, соответственно, в инструментах, с помощью которых она исполняется; и в этом отношении преимущество полностью на стороне современного мира.

ГЛАВА XXIII

ПОСЛЕДНЯЯ СЦЕНА ВСЕГО ЭТОГО — ПОХОРОНЫ И НАДГРОБИЯ

Каковы бы ни были представления о загробном существовании, в сознании римлян не было никаких сомнений относительно притязаний умерших на надлежащее погребение и достойный памятник. Когда-то во всем мире считалось, что дух, покинувший непогребенный труп, не может найти себе места в царстве Аида. Оно не могло присоединиться к "большинству" внизу. Первоначально, без сомнения, идея заключалась просто в том, что, поскольку тело не было предано земле, дух также оставался бездомным над землей. Постепенно эта фантазия перешла к представлению о том, что из-за пренебрежения к погребению умерший был обесчещен — у него не было друзей — и что его дух, таким образом, был опозорен и недостойн приема низестоящими силами. Поэтому он должен оставаться дрожащим на ближайшем берегу реки, через которую мрачный Харон переправлял более удачливые души. Даже когда тело было достойно похоронено, дух, хотя и был принят в мрачное царство, требовал постоянного уважения со стороны своих друзей на земле. Если бы он не получал своих периодических почестей и не был увековечен подобающей гробницей, он столкнулся бы с пренебрежением со стороны других призраков и остро почувствовал бы свое положение. Естественно, тогда он сделал бы все возможное, прибегнув к той или иной форме преследования, чтобы наказать живых за их пренебрежение и забывчивость. Из таких соображений в очень древние времена в Италии, как и в Греции, возникло большое беспокойство по поводу скрупулезного исполнения "обязанностей" покойного. Даже если тело не удавалось найти, в обязательном порядке совершались погребальные обряды и сооружался кенотаф. Если незнакомец наткнулся на мертвое тело, он не должен проходить мимо, не бросив на него по крайней мере три пригоршни пыли или земли и не попрощавшись с ним.

Хотя все еще используемые погребальные обычаи проистекают из подобных старых фантазий, мы не должны предполагать, что подобные представления были в полной мере реализованы в римском мире нашего периода. Поэты могли бы играть с ними, и некоторые невежественные люди все еще могли бы смутно развлекаться ими. Простая вера в привидения, несомненно, была повсеместной, и даже ученые спорили об их существовании. Вот фрагменты другого письма Плиния, которые уже цитировались несколько раз. Он пишет своему другу Суре: "Я бы очень хотел знать, считаете ли вы, что призраки действительно существуют, имеющие свой

собственный реальный облик и своего рода сверхъестественную силу, или это только наш страх дает воплощение тщетным фантазиям. Я сам склонен верить в них, и главным образом из-за опыта, который, как мне сказали, выпал на долю Курция Руфа ". Затем он говорит о призрачной форме, которая предсказала судьбу этого человека. "Другой случай, столь же удивительный и еще более ужасающий, я расскажу так, как мне его рассказали. В Афинах был просторный дом, но пользовавшийся дурной славой и пораженный чумой. В ночной тишине слышался звон железа. При более внимательном рассмотрении оказалось, что это бряцанье цепей, сначала на расстоянии, а затем совсем рядом. Вскоре появился призрак старика, ужасно худого и убогого, с длинной бородой и нечесаными волосами. На его ногах были кандалы, а на руках цепи, которыми он продолжал трясти. В результате жители провели ужасные и бессонные ночи; бессонница сделала их больными, и по мере того, как их ужас усиливался, за болезнью последовала смерть.... В результате дом опустел и был полностью отдан на растерзание призраку. Тем не менее, он был разрекламирован на тот случай, если кто-то, не знающий обо всех этих неприятностях " (обратите внимание на коммерческую мораль) ", решит купить его или взять напрокат. В Афины приезжает философ по имени Афинодор, который читает плакат. Услышав цену и обнаружив, что она такая дешевая, у него возникают подозрения" (у древнего философа была и практическая сторона), "он наводит справки и узнает всю историю. Он не только не менее склонен нанимать его, но и более охотно это делает. С приближением вечера он приказывает застелить ему кушетку в передней части дома и просит принести ему планшеты, карандаши и лампу. Отпустив своих слуг в задние комнаты, он сосредоточил все свое внимание, а также глаза и руку на письме, опасаясь, что его разум, если им не заниматься, может вызвать в воображении воображаемые звуки и беспричинные страхи. Сначала здесь царила такая же ночная тишина, как и везде; затем слышался звон железа, позвякивание цепей. Философ отказался поднять глаза или остановить карандаш; вместо этого он напряг свой разум, чтобы превозмочь свой слух. Шум становился громче; он приближался; он звучал как будто на пороге; затем как будто внутри комнаты. Он оглядывается назад; видит и узнает видение, о котором ему рассказали. Оно стояло и манило его пальцем, как будто звало. В ответ наш друг делает ему знак рукой немного подождать и снова берется за планшет и карандаш. Призрак начал греметь цепями над его головой, пока он писал. Он снова оглядывается назад, видит, что призрак подает тот же сигнал, что и раньше, быстро берет фонарь и следует за ним. Оно идет медленным шагом, словно отягощенное цепями, затем, свернув в открытый двор дома, внезапно исчезает и оставляет его одного. При этом он собирает немного травы и листьев и отмечает ими место. На следующий день он идет к магистратам и убеждает их раскопать указанное место; и они находят кости, опутанные цепями, через которые их пропускали.... Они складывают их вместе и хоронят за общественный счет. Когда дух был должным образом заложен, отныне дом был свободен от них".

Каковы бы ни были римские верования на этот счет, что касается погребальных обрядов и церемоний, они проводились просто в соответствии с обычаями. Римляне того времени анализировали свои мотивы и чувства не больше, чем мы анализируем наши, занимаясь подобными вопросами. Они чтили умерших похоронной пышностью и броским памятником; но, по сути, часто это было больше из уважения к самим себе, чем потому, что они воображали, что это имело какое-то значение для усопших. В очень ранние времена считалось, что дух вел в подземном мире жалкую копию человеческого существования: ему требовались еда, игрушки, утварь, деньги, а также внимание. Поэтому еду периодически высыпали в землю, игрушки и утварь сжигали на погребальном костре или клали в гроб, а деньги клали в самый примитивный

из кошельков - рот. Консерватизм нигде так не силен, как в обрядах и церемониях, и поэтому римляне продолжали сжигать и хоронить предметы вместе с останками умерших, а перед погребением продолжали класть в рот монету. Но было бы абсурдно предполагать, что разумный римлянин нашего времени выдвинул бы первоначальные и древние мотивы такого поведения в качестве рациональных мотивов, все еще действующих в нем самом. Достаточно того, что конвенция ожидала определенных действий как "должных": истинный римлянин не преминул бы выполнить то, что предписала конвенция.

[Иллюстрация: рис. 120.— "CONCLAMATIO" МЕРТВЫХ.]

Наш друг Силий-старейшина умирает естественной смертью, завершив самую полную общественную карьеру. Его семья в полной мере испытывает к нему привязанность и гордость, и поэтому его поклоны будут достойны его характера и положения. Когда его греческий врач Гермоген уверяет наблюдающую семью, что жизнь уходит, Марсия, или Публий, или Басса пытаются задержать последний вздох поцелуем, а затем закрывают веки. После этого все присутствующие крикнут: "Силиус! Silius! Silius!" Первоначальный мотив этого крика, который имеет современную параллель в случае с умершим папой римским, состоял в том, чтобы убедиться, что человек действительно мертв и не может ответить. Убедившись в этом, вызывается профессиональный гробовщик, которому поручается взять на себя все процедуры, обычные в таких случаях. Именно он предоставит людей, которые должны омыть и помазать тело и уложить его должным образом, а также, в день процессии, музыкантов, плачущих женщин, строителей погребального костра и других, кто может понадобится, вместе с надлежащими материалами и принадлежностями. Далее он проследит, чтобы имя Квинта Силия Басса было внесено в список погибших в храме "Юноны, Богини Смерти", и чтобы регистрационный взнос был уплачен. Это имя также появится в следующем номере "Дейли Ньюс". Тело, умащенное так, чтобы сохранить его до третьего дня, и облаченное в тогу — которая будет тогой самого высокого положения, которое он когда-либо занимал, — торжественно положено в высоком зале для приемов, так, чтобы ноги указывали на дверь. На носилках лежат венки, рядом с ними горит горшочек с благовониями, в вестибюле или перед ним помещается кипарисовое дерево или несколько кипарисовых ветвей для предупреждения обществу.

На следующий после смерти день подрядчик в сопровождении подчиненных, одетых в черное, возглавляет свою процессию. Несмотря на дневное время, процессию будут сопровождать факелы — еще один пример консерватизма, напоминающий о том времени, когда похороны проводились ночью, как это до сих пор делалось с детьми и обычно с низшими слоями общества. Первыми идут музыканты, играющие на флажолете, трубе или рожке; за ними профессиональные плакальщицы, которые громко причитают и бьют себя в грудь. Далее следуют уже упомянутые восковые маски выдающихся предков силиев. Эти портреты, выполненные в натуральную величину, были извлечены из шкафов в крыле приемной, и их носят на своих лицах мужчины, телосложение которых максимально напоминает телосложение изображенных предков. Каждый мужчина также носит знаки отличия персонажа, за которого он выступает. Чем больше таких "изображений" может произвести дом, тем больше его слава. Такова, однако, не была первоначальная цель этой части процессии, ибо — хотя об этом, несомненно, все забыли — намерение состояло в том, чтобы представить умершего как проводимого в подземный мир почетной компанией, уже созданной там. После чучел следует то, что соответствовало бы нашему катафалку. Однако это не современный катафалк, а

носилки или кушетка с обычным декором из слоновой кости и пурпурными покрывалами, отделанными золотом. На нем лежит тело, открытое небу, как у Джульетты. Носильщики - либо родственники, либо те рабы, которые были освобождены по последней воле Силиуса. За ними следуют ближайшие родственники или наследники, вольноотпущенники, друзья и клиенты, все одеты в черное, за исключением женщин, которые одеты в белое, без цвета или позолоты на одежде. Молодой Публий будет ходить с головой, покрытой тогой; Басса - с распущенными и растрепанными волосами. Вся компания будет стенать, хотя и более сдержанно, чем женщины-профессионалки, стоящие впереди.

Поскольку Силий был сенатором и человеком другого официального положения, процессия проходит от Целианского холма по Священному Пути к Форуму, вплоть до Ростры, или трибуны для выступлений. Там опускают носилки, "предки" усаживаются на складные табуретки, которые были старомодными креслами высших офицеров, и один из родственников произносит хвалебную речь не только Силиусу, но и его семье, представленной в "Предках".

[Иллюстрация: рис. 121. —ГРОБНИЦА ЦЕЦИЛИИ МЕТЕЛЛЫ.]

[Иллюстрация: рис. 122.—УЛИЦА ГРОБНИЦ. (ПОМПЕИ.)]

Затем процессия снова формируется, и группа направляется к любому месту за стенами, где может находиться фамильная усыпальница Силиев. Захоронение запрещено в пределах самого города, и для наших целей мы предположим, что это место находится на расстоянии почти мили по Аппиевой дороге. Мы предположим также, что Силиус должен быть кремирован, а не просто похоронен в гробу или мраморном саркофаге. Немногие представители высших сословий, за исключением некоторых Корнелиев, похоронены в этот день, хотя ни в законе, ни в обычае нет ничего, что препятствовало бы такому выбору. "Крематория" не существует, и силиев регулярно сжигают на их собственном могильном участке рядом с "Королевой дорог".

Если бы вы были с процессией в этот день, вы оказались бы перед одним из почти непрерывной цепочки памятников, построенных всевозможных форм и размеров — таких как большие алтари, маленькие святилища, пирамиды (как у Цестия на другой дороге) или круглые башни, как прекрасная гробница Цецилии Метеллы. Снаружи эти сооружения часто украшены памятной или символической резьбой, а внутри, которая может полностью находиться над поверхностью или частично погружена под нее, представляет собой камеру, окруженную нишами, в которых помещены урны с прахом умерших. Возможно, иллюстрация нынешнего состояния "Улицы гробниц" в Помпеях даст некоторое представление, хотя захоронения в этом провинциальном местечке никоим образом не соответствовали захоронениям на различных дорогах за римскими воротами. Часто монументальный зал стоит несколько в стороне от дороги, оставляя место для большой полукруглой каменной скамьи, открытой для общественного пользования, на задней стене которой выгравировано какое-либо заявление о чести семьи. Вокруг гробницы — "где покоятся все родственники силиев" - находится участок земли, засаженный кустарниками и деревьями и окруженный низкой стеной. Где-то поблизости, на открытом месте, из сосновых бревен была сложена погребальная гряда, промежутки между которой были набиты смолой, хворостом или другим легковоспламеняющимся материалом. Естественно, что погребальный костер должен иметь форму алтаря, а по бокам должны быть прислонены ветви кипариса.

На вершину этой кучи кладут Силиуса на его носилки; над ним проливают благовония и мази; венки и другие приношения, часто немалой ценности, бросают на кучи. В то время как присутствующие поднимают громкие плачущие крики, ближайший родственник подходит к куче с факелом и, отвернувшись, поджигает все сооружение. Костер быстро догорает, последние угольки гасятся вином, вся компания трижды произносит "прощай", и, за исключением ближайших родственников, процессия возвращается в город. Оставшиеся родственники снимают обувь, моют руки и приступают к сбору костей, которые они очищают в вине и молоке, и пепла, который они смешивают с духами. Затем эти останки помещают в урну из бронзы, мрамора, алебаstra или, возможно, цветного стекла, и урна заполняет еще одну нишу в камере памятника.

[Иллюстрация: рис. 123.—КОЛУМБАРИЙ.]

Время от времени устраивались более пышные похороны, чем похороны Силия. "Публичные" похороны могли быть назначены человеку, который явно заслужил благосклонность государства. По такому случаю глашатай ходил по кругу, призывая: "Ойес, приходите все, кто пожелает, на похороны Такого-То". Приглашение означало не только участие в торжественной процессии, но и в поминальном пиршестве и, возможно, в показательных выступлениях гладиаторов. С другой стороны, большинство захоронений, естественно, были гораздо более простыми и недорогими. Бедняки не могли позволить себе пользоваться мазями и хранить своих мертвецов до третьего дня; они не могли позволить себе настоящие кипарисы, но должны были использовать более дешевые заменители, если вообще что-нибудь могли. Они не могли позволить себе всех процессий и принадлежностей похоронного бюро, но должны были довольствоваться четырьмя обычными носильщиками, которые вечером поспешно уносили тело, но не на кушетке, а в дешевом ящике, и относили его в обычный некрополь за Эсквилинскими воротами. Редко они могли позволить себе топливо для сожжения тела, и во многих случаях его приходилось просто бросать в грубо вырытую яму и оставлять там без памятника. Для обеспечения большего уважения и благопристойности существовало множество похоронных клубов, независимо от того, были ли они связаны с торговыми гильдиями или нет, и они организовали совместную гробницу, известную как "голубятня", или колумбарий, из-за сходства ее ниш со множеством голубятен. Эти совместные склепы представляли собой подземные хранилища, и, пожалуй, вряд ли нужно указывать на их прямое отношение к христианским катакомбам. Подобные гробницы иногда использовались знатными римскими семьями для захоронения останков вольноотпущенников и рабов своего дома.

[Иллюстрация: рис. 124.— ХРАМ ЮПИТЕРА На КАПИТОЛИИ (Платформа опущена).]